СБОРНИКЪ

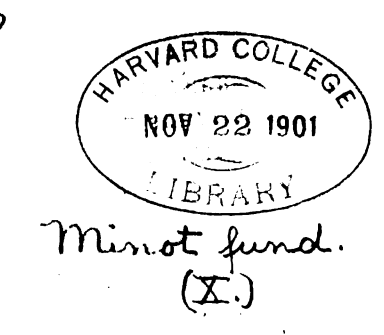
ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 10-й.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17-й.
1897.

Десятый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи, 29 Ноября 1896 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

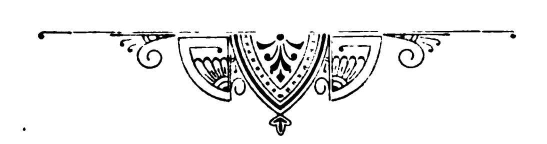
ОГЛАВЛЕНІЕ.

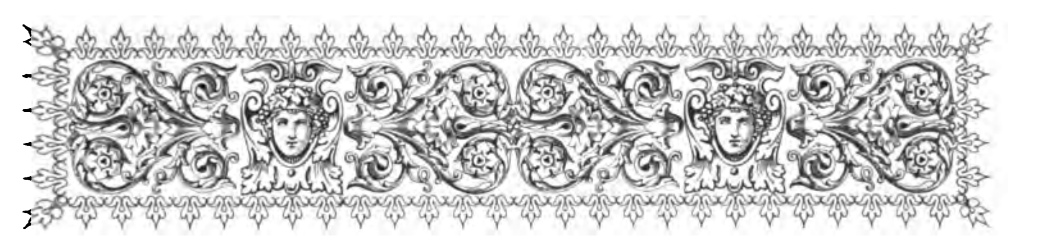
В. П. Милорадовичъ.

НАРОДНЫЕ
ОБРЯДЫ и ПѢСНИ

Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

записанные въ 1888—1895 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторые изъ представителей мѣстной интеллигенціи занимались въ разное время этнографіей. Кромѣ извѣстныхъ трудовъ, М. Т. Симонова, давно сдѣлавшихся достояніемъ науки, записывалъ еще народныя пѣсни въ срединѣ уѣзда писатель Аѳанасьевъ (Чужбинскій), добрая память о которомъ до сихъ поръ жива на родинѣ его, въ с. Юсковцахъ. Затѣмъ, также вблизи Лубенъ, записывали сказки и пѣсни: профессоръ А. Е. Зайкевичъ, докторъ Н. Г. Кондратковскій, извѣстный въ спеціальной литературѣ, мировые судьи Н. Мельникъ и В. Я. Яновскій, одно время сотрудничавшій въ Кіевскомъ телеграфѣ, В. Н. Л-вичъ, г-жи Я—ская, З—вичъ и др. Изъ временныхъ жителей уѣзда записывали въ немъ пѣсни и сказки П. А. Кулишъ и Ѳ. И. Каменскій, помѣщавшій свои замѣтки въ Кіевской Старинѣ. Немногія изъ этихъ записей увидѣли свѣтъ; по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и др. развѣ какой-нибудь десятокъ пѣсенъ и сказокъ помѣченъ Лубнами. Такимъ образомъ, этнографическія изслѣдованія производились въ Лубенскомъ уѣздѣ отрывочно, несистематично, по мѣстамъ; при томъ, въ большинствѣ случаевъ результаты изслѣдованій исчезали, почему Лубенскій уѣздъ остается все таки наименѣе изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Между тѣмъ, онъ помѣщается въ срединѣ Малороссіи и свѣдѣнія, здѣсь собранныя, могутъ имѣть значеніе для характеристики всего южнорусскаго племени. Нельзя только далѣе медлить съ собираніемъ произведеній народнаго творчества, особенно въ виду всеобщей обязательной грамотности, къ которой стремится уѣздъ, и которая неминуемо уничтожитъ послѣдніе остатки старины.

Настоящій сборникъ, имѣя цѣлью пополнить въ нѣкоторой степени этнографическіе недочеты и пробѣлы по Лубенскому уѣзду, заключаетъ въ себѣ: во 1-хъ подъ общимъ названіемъ „Родинъ“ слѣдующія части: 1) вступительную главу съ народнымъ сонникомъ и другими предсказаніями важ-

нѣйшихъ событій: рожденія, вѣнчанія и смерти; 2) возможно полное изложеніе самой обрядности родинъ; 3) краткія народно медицинскія замѣтки о раннемъ дѣтствѣ ребенка; 4) сборникъ колыбельныхъ пѣсенъ. Таково содержаніе перваго выпуска сборника.

Второй выпускъ посвященъ молодежи, ея играмъ, развлеченіямъ и пѣснямъ, но такъ какъ малорусскія народныя игры были неоднократно описаны, а въ сочиненіяхъ Номиса упоминается въ частности и объ играхъ Лубенскаго уѣзда, то я ограничился лишь приведеніемъ небольшаго количества значительнѣйшихъ варіантовъ игръ и припѣвовъ, перечисливъ затѣмъ всѣ другія съ менѣе важными различіями въ примѣчаніи. Кромѣ игръ. во II-мъ выпускѣ содержится еще очеркъ развлеченій молодежи на улицахъ и досвиткахъ, и четыре сборника пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью так. наз. челядскихъ: веснянокъ, петривокъ, трендычокъ и любовныхъ пѣсенъ. Конечно, трендычки (вечерничныя пѣсни) въ большинствѣ случаевъ незначительны, но въ нихъ разсѣяно много бытовыхъ подробностей; иногда они блестятъ искрами южнорусской веселости и юмора. Притомъ наука, по замѣчанію профессора Н. Ѳ. Сумцова (Кіев. ст. 92 г. № 7, стр. 123) „не знаетъ мелочей въ народной жизни, для нея все одинаково важно“. Изъ этихъ сборниковъ исключены почти всѣ пѣсни, встрѣчавшіяся раньше въ печати, кромѣ немногихъ варіантовъ, болѣе полныхъ въ сравненіи съ напечатанными въ другихъ этнографическихъ собраніяхъ или значительно отдаленныхъ. Изъ круга челядскихъ пѣсенъ исключены колядки и щедривки уже раньше напечатанныя въ моемъ очеркѣ: Рождеств. святки въ сѣверной части Луб. уѣзда. Полт. 1893 г. (25 пѣсенъ) и рабочія пѣсни, также уже напечатанныя въ Кіев. Стар. 95 г., кн. X, стр. 10—22, (31 пѣсня).

Третій выпускъ занимаютъ свадьбы и свадебныя пѣсни. Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ малорусскій брачный обрядъ вообще наиболѣе изслѣдованнымъ; по Лубенскому же уѣзду въ частности былъ напечатанъ мой сборникъ съ 259 свадебными пѣснями въ Кіевской Старинѣ 90 г., кн. 7—9. Впечатлѣніе, производимое картиной мѣстной свадьбы, передано мною въ двухъ очеркахъ: 1) „На свадьбѣ у богача“ (въ Одесск. журналѣ „По морю и сушѣ“ 95 г. (№ 18, стр. 2) и 2) „Деревенская оргія“ (въ Кіев. Стар. 94 г. Извѣст. и зам. № 12, стр. 488).

Тѣмъ не менѣе ограничиться означенными данными при изученіи весильнаго ритуала Лубенскаго уѣзда невозможно, такъ какъ въ Кіевской Старинѣ помѣщенъ только обрядъ сѣверной части Лубенскаго уѣзда, по Сулѣ, и свадебныя пѣсни трехъ волостей. Въ настоящемъ же выпускѣ прибавлены еще особенности обряда средней и южной частей уѣзда и сѣверной полосы по Удаю („мыля, покраса“, маскированіе молодой и т. д.) и новыя свадебныя пѣсни или отдаленные варіанты. Около десятка пѣсенъ

заимствовано изъ рукописныхъ сборниковъ: Л. А. Я—ской, В. Н. Л—вича, или продиктовано О. Е. З—вичъ, за что приношу живѣйшую благодарность,—остальныя собраны лично мною.

По естественному ходу вещей, слѣдовало бы дать свѣдѣнія о крестьянской семьѣ, хозяйствѣ, экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянина, но эти свѣдѣнія собраны мною еще въ недостаточномъ количествѣ и мало разработаны, почему послѣдній, четвертый, выпускъ настоящаго сборника заканчивается похоронной причетью и погребальнымъ обрядомъ Лубенскаго уѣзда, тѣсно связаннымъ единствомъ міросозерцанія съ родиннымъ и брачнымъ обрядами и никогда еще не описаннымъ. Къ сборнику сдѣланы еще краткія примѣчанія съ цѣлью связать излагаемые обычаи съ другими южнорусскими и общечеловѣческими, такъ какъ по замѣчанію Риля этнографія по природѣ своей наука сравнительная.

В. Милорадовичъ.

ГЛАВА 1.

Народный сонникъ.

Общія замѣчанія о народной онейромантикѣ Лубенскаго уѣзда. Сны и другія предзнаменованія родинъ, свадебъ и похоронъ.

Народная онейромантика Лубенскаго уѣзда располагаетъ незначительнымъ количествомъ общихъ замѣчаній, касающихся лишь времени возникновенія сновидѣній. Къ числу такихъ замѣчаній принадлежатъ слѣдующія: только сны, случившiеся на первой четверти луны, сбываются,—на третьей нѣтъ. Сны предъ понедѣльникомъ, вторникомъ сбываются, предъ другими днями недѣли—нѣтъ. Не сбываются также сны наканунѣ праздниковъ, кромѣ сновъ наканунѣ новаго года и крещенія, когда дѣвица, соблюдая извѣстныя условія, напр. съѣвъ коржикъ изъ муки, соли и воды, или посѣявъ ленъ на дровникѣ, увидитъ во снѣ будущаго мужа. [1]) Также, если ляжетъ спать, снявъ сапогъ съ правой ноги. Затѣмъ, сны съ вечера до полночи вообще остаются безъ послѣдствій: „вечирній сонъ пиде мымо; куды ничъ, туды й сонъ". Сонъ къ утру непремѣнно „справдытця". Сны днемъ не имѣютъ никакого значенія". [2]) Этимъ исчерпываются общія замѣчанія о дѣйствительности сновъ по времени ихъ возникновенія. Затѣмъ, отдѣльныя сновидѣнія объясняютъ всего чаще по способу обратнаго истолкованія[3]) и на основаніи ассоціаціи идей. Кое гдѣ прибѣгаютъ къ печатнымъ сонникамъ и оракуламъ („ракулямъ"). Популярность онейромантики въ Лубенскомъ уѣздѣ, конечно, преимущественно между женщинами, видна изъ слѣдующаго мѣстнаго народнаго пересказа библейской легенды: „Одному чоловикови прыснывсь сонъ, що ходять симъ коровъ по писку и таки сыти, що сало на йихъ такъ и дрягтыть. Потимъ выходять изъ мора симъ коровъ худихъ. Такъ худи сытихъ и пойилы. Такъ бувъ якійсь гадатель,—

---

[1]) См. мой оч. „Рожд. св. въ Лубен. уѣздѣ". Полтава 1893 г., стр. 21.

[2]) Сонъ можетъ быть сдѣланъ недѣйствительнымъ, если его, проснувшись, разсказать и смотрѣть въ окно. Почти также и у древнихъ, разсказывавшихъ сны солнцу для того, чтобы они не сбылись. Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры. 1881 г. Кіевъ. стр. 262.

[3]) По разъясненію Буше-Леклерка (ibid. 252) обратное толкованіе сновидѣній развилось, вѣроятно, изъ вѣры въ реальность обстоятельствъ, представлявшихся во снѣ. Кто обезглавленъ во снѣ, не будетъ казненъ, потому что нельзя быть обезглавленнымъ дважды.

у ёго и соннынъ бувъ,—такъ отгадавъ тому чоловикови: „се буде симъ годивъ недороду, такъ ти годы пойидять де якый йе хлибъ и по хамазеяхъ. Голодни года поидять и ти, що дородъ давалы. Стройте хамазеи и засыпайте бильшь хлиба“ [1]).

Такъ какъ по народному замѣчанію три событія въ жизни человѣка достойны особаго вниманія, рожденіе, вѣнчанье и смерть, то сны и другія вѣщія предзнаменованія сами собою группируются около этихъ важнѣйшихъ пунктовъ человѣческаго существованія въ три отдѣла: 1) указанія родинъ и вообще прибыли; 2)—счастливыхъ событій и свадебъ; 3)—непріятностей, несчастій, болѣзни и смерти.

I. Сны и другія событія, предвѣщающіе роды и вообще прибыли.

Беременная женщина, которая увидитъ себя передъ родами бродящею по водѣ, особенно въ половодіе, благополучно разрѣшится отъ бремени. Передъ родами также приснится, что въ хатѣ разсвѣтъ. Мѣсяцъ во снѣ предвѣщаетъ рожденіе мальчика, звѣзда (заря, зирка)—дѣвочки. „Мени снылось, разсказывала Вильшанская крестьянка Марія Харланова, що иде тры мисяця помаленьку. Я перехрыстылась и думаю соби: зроду не бачыла трёхъ мисяцивъ у купи. Одынъ мисяць проты моеи хаты одійшовъ и пишовъ у лисъ. Родывсь у мене сынъ; потимъ корова прывела бычка. Черезъ дви недили знову бычокъ у другои коровы. А дали вовкъ зъивъ одного бычка“.

Паденіе двухъ яблокъ съ яблони во снѣ означаетъ рожденіе близнецовъ. Предъ родами хозяину или хозяйкѣ снится, что рой пчелъ [2]) прилетѣлъ къ нимъ въ хату и садится на голову. Если хозяинъ или хозяйка поймаютъ во снѣ паука, окуня, карася, голубя, селезня, то у нихъ родится мальчикъ, если жабу (или послѣдняя „упнется въ груды“), плотву щуку, голубку, утку, вообще птичку, мышь,—будетъ дѣвочка. Предъ родами приснится, что утка ходитъ съ утенкомъ. Предъ родами же женщинѣ приснится, что она лежитъ въ гробу или у нея дитя на рукахъ.

Видѣть пшено во снѣ, также дойную корову, доить корову во снѣ означаетъ прибыль.

Изъ наблюденій надъ дѣйствительностью вынесено народомъ слѣдующее замѣчаніе: предъ родами крышка (вико) въ учиненной дижѣ или самая дижа лопаютъ.

Посуда бьется—къ прибыли, лопаетъ—на убыль.

---

1) Отъ кр. м. Снѣтина Н. Ивахненка.

2) Гонятся за пчелами въ онейрокритикѣ Артемидора означаетъ прибыль. Тэйлоръ Первоб. культ., стр. 114—115.

II. Сны къ счастливымъ событіямъ, удачѣ и браку.

Слышать во снѣ громъ, звонъ, колокольный звонъ означаетъ сватовство, иногда только извѣстіе.

Бѣлый платокъ во снѣ указываетъ на письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ. Церковь—разговоры.

Передача матерью дочери во снѣ иконы въ шатѣ—къ свадьбѣ. Также хоругви.

Предъ свадьбой матери приснился сынъ ея въ церкви.

Смерть дѣвушки во снѣ—къ выходу ея замужъ въ дѣйствительности.

Предъ свадьбой приснится перстень гладкій, безъ камня („вичка"). Иногда половина перстня свѣтлая, ясная, а другая—темная. Ясный мѣсяцъ, молодикъ, означаетъ жениха парня, а мѣсяцъ на исходѣ вдовца [1]).

Иногда темный мѣсяцъ во снѣ означаетъ, что сватовство не состоится.

Солнце и мѣсяцъ могутъ означать и просто передачу родственниками и знакомыми поклоновъ.

Чистая вода [2]), пить ключевую воду—къ здоровью.

Зелень, трава,—къ удачѣ [3]).

Цвѣтущій садъ—къ добру, радости. Красные цвѣты—предъ свадьбой. Всякаго рода хлѣбъ на корню: жито, пшеница, ячмень, овесъ—къ браку, кромѣ проса, означающаго лишь просьбу.

Жито иногда къ добру [4]).

Жать спѣлое жито—къ счастливому житью.

Жать жито съ парубкомъ, или вообще работать съ нимъ у отца того парня—къ браку дѣвушкѣ съ этимъ парнемъ.

Возить, молотить жито—къ замужеству.

Жито собранное („въ купи")—къ хорошему житью.

Складывать копы въ полукопки—перемѣнное житье.

Если во снѣ приснится скирда, распадающаяся пополамъ, то половина брачной жизни будетъ хорошая, а половина—нѣтъ. Если во снѣ укуситъ собака, то это означаетъ сватовство.

Нищіе (старці) означаютъ появленіе старостъ.

Предъ замужествомъ снятся воры.

„Варци, передъ тимъ, якъ иты замижъ, снылось, що тры злодія у комори одбылы засовъ и забралы збижжя и скрыню вытяглы".

Ярмарокъ между двумя горами—къ замужеству, впрочемъ, несчастливому.

---

[1]) Также въ Труд. Чуб. т. 1, стр. 90.

[2] и [3]) Также у магометанъ. Тэйл. Пер. К., стр. 114—115.

[4]) Также у Чуб. т. 1, стр. 90

Идти на гору съ провальемъ—также. На яву—когда молодая шьетъ своему будущему мужу рубашку и на этой рубашкѣ много узловъ, то молодому предстоитъ долгая жизнь. Если рубашка шьется гладко, то короткая. Часто не сноситъ даже той рубашки (потому что мертвецу шьютъ рубашку на живую нитку).

Неудачный (глевкій) коровай—къ скверному житью.

III. Сны и событія, предвѣщающіе непріятности, страданія, болѣзни и смерть.

Видѣть во снѣ мѣсяцъ, половина котораго затуманилась, означаетъ смерть.

Вѣтеръ—хлопоты.

Туча съ молніей, туча, дождь, буря, градъ, громъ съ дождемъ—обозначаютъ смерть. Въ частности туча съ молніей—судъ, дождь—слёзы, градъ выбившій окна—ушибъ, всѣ перечисленные сны, кромѣ смерти, предсказываютъ иногда просто непріятность.

„Снылось, разсказывала крестьянка с. Литвяковъ, що зъ за Сулы иде чорна хмара, а я зъ дочкою билыла полотно, та зложыла ёго въ човенъ, прыкрыла соломою. Колы ось швыдко чоловикъ мій померъ". (Отъ Варвары Максимейковой). Козачкѣ с. Тишковъ снилось, что сильный ударъ грома оглушилъ ея сына и зажегъ мостъ. Черезъ пять дней провезли мужа чрезъ тотъ мостъ, больного холерой. Онъ умеръ. Вскорѣ началась холера въ Лубенскомъ уѣздѣ въ 1892 г. (отъ Маріи Кириленковой).

Нечистая вода, грязь приснятся передъ болѣзнію.

Качать воду изъ колодца—передъ несчастіемъ.

Стоять въ водѣ къ смерти.

Гора означаетъ горе, смерть.

Идти на гору—тоже.

Выселеніе на гору—смерть. Иногда переселеніе на слободы, „на вильный степъ".

Провалье, яръ (оврагъ)—смерть.

Идти яромъ—предъ смертью.

Яма, погребъ, погребъ съ наложеннымъ сверхъ него хворостомъ—къ смерти; ровъ—также.

Дочери предъ смертью матери снилось, что дорога къ избѣ послѣдней преграждена рвомъ, такъ что некуда пройти.

Идти дырявымъ мостомъ—означаетъ хлопоты.

Опрокинутый, уплывающій челнъ—къ смерти.

Цвѣты во снѣ означаютъ слёзы.

Огурцы—непріятность (по созвучію „огирки—гирки").

Зеленые огурцы—потеря, огорченіе.

Клубника, вишни, сливы, груши, яблоки, кислицы, всякіе вообще плоды,—къ слезамъ, несчастію.

Сухія ягоды—предъ болѣзнью.

Садъ съ спѣлыми плодами—досада, слёзы.

Гулять въ саду—досада.

Лѣсъ, изъ котораго выносятъ гробы и ставятъ среди двора—къ смерти.

Паденіе съ вербы—смерть.

Пшеничный хлѣбъ, печеный хлѣбъ,—печаль, несчастная жизнь (въ замужествѣ).

Мука—мука, мученія (по созвучію).

Конфекты, медъ, сахаръ—къ смерти, потому, что входятъ въ составъ панихиды.

Три головы сахару—къ смерти мужа.

Собирать рой, рой въ волосахъ („якъ рій укрутытця въ косы")—къ смерти.

Укушеніе змѣи—ссора, непріятность, „щось такъ словомъ укусыть, шо ты ёму не вымовчышъ".

Пѣтухи—предъ пожаромъ.

Гуси, голуби, улетающіе—къ смерти. „Проты смерты двохъ сынивъ мени снылось, шо два голубы прылетило въ оселю. Я забрала ихъ у хату. Воны посыдилы, посыдилы, та незнать де й дилысь" (отъ к. р. с. Литвяковъ Агафіи Шевченковой). „Проты смерты матери мовъ бы голубка сыза сыза въ хати гуде, а я хочу іи піймать, такъ не піймаю, а розигналась за нею тай упала съ печи тай проснулась" (отъ нея же).

Яйца во снѣ—болѣзнь, хлопоты.

Драть во снѣ яйца означаетъ ссору и непріятность въ дѣйствительности.

Рыбы—вредъ („рыють").

Овцы—ссора, непріятность.

Свиньи—смерть.

Выгонять кабана изъ сажа—къ смерти.

Коровы—также (по созвучію съ „корогвы"—хоругви).

Рогатый скотъ—также.

Отелившаяся корова—несчастіе.

Лежащіе волы и кони предсказываютъ болѣзнь.

Собачій лай—напасть.

Если собака рветъ и кусаетъ во снѣ, то это означаетъ побои въ дѣйствительности.

Волка увидѣть—значитъ быть „у позвахъ передъ панамы".

Дитя—напасть, ссору, хлопоты.

Дитя на столѣ, оживающее—смерть дитяти.

Мальчикъ—несчастіе.

Дѣвочка—хлопоты.

Если дѣвушка или женщина чешетъ себѣ косу во снѣ, то этотъ сонъ означаетъ дорогу.

Прать бѣлье—къ смерти.

Монахъ, нищій, просящій милостыню,—къ смерти.

Солдатъ—болѣзнь.

Пьяный человѣкъ, еврей - обманъ.

Видѣть себя во снѣ раненнымъ сѣкирой, свердломъ или косой предвѣщаетъ смерть.

Зубъ, выпадающій съ кровью [1])—смерть близкаго родственника.

Выпаденіе одной стороны зубовъ - предъ смертью.

Подошва, отпадающая отъ сапога—къ смерти.

Черный платокъ—дурное извѣстіе.

Рушникъ—къ смерти.

Полотно—дорога.

Намисто—къ стыду.

Дыра въ скрынѣ, пустая скрыня, разваливающаяся скрыня—къ смерти.

„Проты пьятныци мени прыснылась скрыня повна добра, а у вивторокъ батько умерлы".

Серебряныя и мѣдныя деньги—къ несчастью. (По другимъ наблюденіямъ только послѣднія).

Дижа лопнеть—къ смерти.

Строить, ставить, мазать хату—къ смерти.

Паденіе крыши во снѣ предвѣщаетъ смерть. „Проты смерты дочкы крыша ссунулась на прычилокъ".

Горящая крыша—къ смерти старика.

Пожаръ вообще означаетъ стыдъ, ссору,[2]) хлопоты, побои и болѣзнь.

Пожаръ трубы—смерть.

Дымъ—удивленіе (дыво) и смерть.

Раздвоеніе избы, паденіе сволока, потолка, стѣны (особенно „покутней") печи, верха печи („кóмина") означаетъ смерть.

Печь, „печына" (кирпичъ)—печаль.

Огонь въ печи—болѣзнь.

Ризы, церковная процессія—къ смерти.

Красныя хоругви—предъ пожаромъ.

Кладбище, гулять по кладбищу—къ смерти.

---

1) Тоже въ Онейрокрит. Артемидора. Тэйлоръ. Перв. Культ., стр. 114—115.

2) Тоже у Чуб. т. I, стр. 90.

Образа—хлопоты.

Икона Божіей Матери въ облакахъ—къ смерти.

Крестъ, нѣсколько крестовъ въ облакахъ—также.

Богоматерь на банѣ церкви—къ смерти матери.

Кромѣ вѣщихъ сновъ еще нѣкоторыя событія и признаки по мнѣнію крестьянъ Лубенскаго уѣзда указываютъ на смерть. Такъ наканунѣ Рождества наблюдаютъ въ чью сторону пойдетъ дымъ отъ свѣчи,—тотъ долженъ умереть. Тогда же замѣчаютъ чья ложка изъ оставляемыхъ надъ вечерей на ночь обернется,—тотъ умретъ [1]). Предъ смертью извѣстнаго лица замѣчено появленіе многихъ мухъ въ его жильѣ, даже и зимой. Иногда и одна муха гудетъ подъ сволокомъ.

Въ тяжкой болѣзни или при отбываніи воинской повинности производятъ такой опытъ: садятъ паука въ новый горшокъ, который ставится на покутя. Если паукъ оснуетъ паутину на днѣ горшка, то больной умретъ, а если на верху горшка—выздоровѣетъ, а подлежавшій рекрутской повинности освободится отъ нея.

Сычъ появляется на хатѣ умирающаго („кугачъ реготивъ"). [2]). Куры усиленно несутся и высиживаютъ или начинаютъ пѣть пѣтухомъ. Предъ смертію ребенка небольшая птичка трижды стучитъ въ окно. „Ятель" долбитъ стѣну [3]). Собака воетъ мордой вверхъ предъ пожаромъ и внизъ—къ смерти [4]). Предъ смертью женщины бѣгалъ неизвѣстный жеребенокъ. Предъ смертью дитяти подходитъ къ дверямъ неизвѣстное дитя [5]) и говоритъ: одчинить! Предъ смертью взрослаго—старикъ. Предъ смертью извѣстнаго лица его ночью зовутъ (гукають). Полъ, столъ и сволокъ избы трескаютъ предъ смертью жильца. Также пустая дижа, или съ нея спадаетъ обручъ. Благословенный образъ падаетъ на землю.

Каша и лемишка лѣзутъ изъ горшка.

2. Родины.

I. Безплодіе. Гигіена беременности. Осложненія беременности. Наблюденія надъ беременной.

Безплодіе считается крестьянами большимъ несчастіемъ. Такой, выработанный вѣковыми преданіями, взглядъ поддерживается въ настоящее время народно-бытовыми условіями. Поэтому давно уже народное естествознаніе отыскиваетъ способы опредѣленія причинъ безплодія и средствъ помочь

[1]) Рожд. св., стр. 3.

[2] и [3]) Тоже у Чуб. т. 4 й, стр. 697. Стукъ у Римлянъ, шумъ подъ поломъ, три удара въ головахъ больнаго или его родныхъ предвѣщаютъ смерть. (Тэйл. стр. 135—136).

[4]) Сходное повѣріе у нѣмцевъ (ibid., стр. 111).

[5]) Подобное вѣрованіе въ Бѣлозеркахъ, Херс. губ. Сб. Черняв. Харьковъ. 93 г., стр. 2.

такому состоянію. Безплодіе по народнымъ свѣдѣніямъ можетъ быть какъ врожденнымъ недостаткомъ, такъ и результатомъ употребленія предосудительныхъ средствъ—„пороблене“. Для того, чтобы опредѣлить не представляетъ ли изслѣдуемый случай безплодія врожденнаго недостатка, другими словами—могутъ ли вообще у данныхъ супруговъ быть дѣти, разбиваютъ куриное яйцо пополамъ и выпускаютъ. Въ средину яйца помѣщаютъ землю и зерна ржи. Смачиваютъ зерна водой, складываютъ скорлупу и закапываютъ на покути. Если зерна черезъ три дня и больше взойдутъ, то производительность супруговъ считается доказанной. Завязываютъ также конопляное сѣмя въ рубашки супруговъ и кладутъ въ жлукто. Если сѣмя проростетъ—то дѣти будутъ. Для того, чтобы опредѣлить точнѣе кто именно изъ супруговъ безплоденъ, нужно наполнить черепокъ землей, разграничить пополамъ и, назначивъ съ одной стороны половину мужа, а съ другой—жены, посѣять жито. На чьей сторонѣ не будетъ всхода зеренъ—та и виновата въ безплодіи. Какъ только выяснилось, что безплодіе врождено, всякое употребленіе средствъ, кромѣ религіозныхъ молитвъ, посѣщеній св. мѣстъ, питья воды, капающей съ креста во время водосвятія,—безполезно и предосудительно, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго мною въ д. Пятигорцахъ отъ 75 лѣтней повитухи. Одна баба повела молодыцю у Мыхновцяхъ до ставка у глупу ничъ. Такъ тая молодыця крыкнула: „я не хочу до вику и дитей и его (дьявола) знать!“ тай утекла. Друга багата жинка схотила дитей. Поихала до бабы. Баба ій прыготовыла чогось изъ своими согласныками. А роботныкъ намазавъ тій жинци саломъ свяченымъ губы и потимъ увійшла вона въ хату. Баба каже: „не можна тоби прынять, якъ-бы на двиръ не ходила“. Жинка стала прохать, щобъ баба дала ій до дому той кушынъ. Завьязала баба его тряпками и дала. Якъ уихалы въ лисъ, узявъ роботныкъ той кушинъ и розбывъ объ дуба. Сталы диты бигты за жинкою и крычать: „мамо! не кыдай насъ: мы твои диты“! Другое дѣло, если безплодіе пороблено. Въ этомъ случаѣ помогаетъ питье 5-ти капель крови изъ пуповины новорожденнаго ребенка [1]) или настоя изъ пупка [2]).

Женщина, желающая имѣть дѣтей, купается въ той ваннѣ, которую только что приняла родильница, или садится на днищѣ, положенномъ на такую ванну и покрытомъ рядномъ. Также шьютъ рубашку ребенку, который долженъ родиться у какой нибудь женщины, или берутъ чужое дитя на воспитаніе. Если безплодіе наступило по рожденіи ребенка, то послѣдъ откапываютъ и женщина завязываетъ его въ пелену во время

---

[1]) Почти также у Ящуржинскаго въ К. Стар. 93 г., № 7.

[2]) Въ рукописи Чепы: „отъ неплодія пупецъ намочить и пить“, К. Стар. 92 г., № 1, стр. 127.

брачныхъ отношеній. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вообще бабы относятся отрицательно ко всякой попыткѣ „щепыть дитей“.

Въ первый періодъ беременности [1]) у женщины изъ народа не замѣтно никакой перемѣны образа жизни, хотя какъ она, такъ и ея мужъ, обязательно слѣдуютъ извѣстнымъ правиламъ подъ опасеніемъ разныхъ несчастныхъ случайностей. Предосторожности появляются преимущественно съ двадцатой недѣли, когда почувствуется движеніе ребенка. Въ счастливыхъ супружествахъ мужъ съ этого времени носитъ солому и воду вмѣсто жены. Вообще ее предохраняютъ отъ нѣкоторыхъ работъ и тѣлодвиженій. Напр. ей не даютъ толочь проса, перегибаться низко въ „кишъ“, подпирать скрыню головою, какъ въ обыкновенное время поступаютъ женщины, открывая скрыню. Беременная женщина не должна мазать печь внутри и трусить сажи, потому что дитя будетъ удушливымъ. Она не должна также подымать ничего тяжелаго, а въ случаѣ неосторожнаго поднятія тяжести, поднявшую ставятъ надъ миской съ зажженной водкой, парятъ въ ваннѣ и опоясываютъ рушникомъ, на которомъ святили пасху [2]). Женщина не должна выметать соръ, лить помои и воду черезъ порогъ, иначе у дитяти будутъ рвоты и помочь можетъ только мать, если купая положитъ свои серьги въ купель. Беременная женщина не должна переступать коромысла, веревки, снасти, упряжи, частей плуга („вія, скракли“). Если переступитъ веревку—ребенокъ родится запутаннымъ въ пуповину или съ чертой („смугой“). Если черезъ вія и скракли, у дитяти сдѣлаются „стиски“—грудная болѣзнь. Женщина не должна также бить и толкать ногою животныхъ [3]), иначе у ребенка будутъ сухоты и онъ будетъ въ шерсти [4]), будетъ колоться. Въ этомъ случаѣ помогаетъ купанье дитяти въ золѣ или выкачиваніе его горячимъ хлѣбомъ. Самое главное правило народной гигіены беременности—безусловное запрещеніе рубить, шить, прясть, вообще работать по праздникамъ [5]), даже и небольшимъ, притомъ не только женѣ, но и мужу, подъ опасеніемъ самыхъ разнообразныхъ несчастій съ новорожденнымъ ребенкомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Лубенскаго уѣзда. Беременная

[1]) Беременная женщина называется важка, товста, времена, черевата, ходыть такою, у такимъ дили или у такимъ положеніи. О моментѣ зачатія думаютъ, что зачатый подъ праздникъ будетъ воромъ или увѣчнымъ, дѣвочка—распутной. При проходѣ беременной женщины нужно посторониться и не переходить дорогу. Ударить такую женщину грѣхъ.

[2]) Во второмъ періодѣ беременности женщины часто повязываютъ себѣ низъ живота полотенцемъ или узкимъ пояскомъ (крайкой)—чаще послѣдней.

[3]) Также въ Италіи. См. „Вѣдьма“ Чіамполи. Сѣв. Вѣстникъ 1892 г., № 4 стр. 70.

[4]) Шерсть—так. наз. щетинки, шероховатость кожи, происходящая отъ неопрятности (Жижиленко. Учебн. родовспомог. иск., стр. 220).

[5]) Беременная не должна также по пятницамъ мыкать мычки.

женщина рубила въ воскресенье мясо и губа у ребенка разрублена; другая рубила дрова—на ножкѣ ребенка обозначился какъ-бы разрѣзъ ниткой. Беременная крестьянка сел. Песокъ сѣкла капусту на Кузьму-Демьяна, и у ея ребенка перерублены губы и десна видна до носа. Мужъ беременной крестьянки с. Вильшанки рубилъ дрова на праздникъ св. Саввы, и у дитяти оказались отрубленными пальцы на ногахъ—„передки". Другой затесалъ грабли—дитя оказалось безъ пальцевъ; третій крутилъ завертки, „каблучкы"—у ребенка были скручены ручки. Крестьянинъ д. Пятигорецъ работалъ „на Параскы". Родились двойни: дѣвочка, оказавшаяся жизнеспособной и мертвый мальчикъ. Отецъ выразилъ при этомъ случаѣ древній взглядъ на вещи, сказавъ: „доброта погыбла, а чорзнащо осталось".

Крестьянка х. Тернавщины Софія Латенкова (Писаренкова) разсказывала о такомъ случаѣ: „чоловикъ Ляшенковои у въ осены, саме на Михайлово чудо, шывъ чоботы. Жинка писля того якъ стала родыть, то тры дни и тры ночи былася." Тоди сказалы Ляшенку, щобъ поровъ чоботы. Якъ ставъ винъ пороть, то въ еи въ животи стало трищать такъ якъ хто сухи дрова ламавъ, або ото якъ нытки порешъ. На другый день найшлось у Ляшенковои друге, уже невременне". У беременныхъ женщинъ, шьющихъ въ праздникъ, рождаются дѣти съ приросшимъ языкомъ, сшитыми пальцами, зашитымъ заднимъ проходомъ, неспособные къ мочеиспусканію, а у мотавшихъ—обмотанныя пуповиной. У женщины, выбиравшей картофель на Семена, были преждевременные роды. Мажущая въ праздникъ сапоги дегтемъ рискуетъ имѣть дитя съ темными пятнами. „Моя дочка, разсказывала мнѣ бабка сел. Вильшанки Марія Харланова, мазала дегтемъ чоботы, тай капнула, а въ дытыны и выйшла на щочи латка".

Такимъ образомъ почти всѣ случаи уродствъ: заячья губа, волчья пасть у ребенка, сростаніе членовъ и т. п. приписываются народомъ несоблюденію родителями праздниковъ.

Беременной женщинѣ опасно красть, такъ какъ у дитяти украденный предметъ, напр. слива, можетъ отпечатлѣться на тѣлѣ. Когда женщина сорвала георгину („жоржыну")—у ея новорожденной дѣвочки оказалась вся ручка въ красныхъ пятнахъ. Такіе случаи особенно часты при испугѣ. Напр., если женщина схватится за себя во время пожара, у дитяти будетъ красное пятно, если наступитъ на рака—изображеніе послѣдняго на ножкѣ ребенка.

Беременная женщина не должна ни съ кѣмъ браниться, избѣгать нѣкоторыхъ встрѣчъ. Нельзя встрѣчаться съ женщиной, несущей три сосуда съ рѣки. Напр. два ведра и кувшинъ, такъ какъ у ребенка будутъ сухоты; если однако встрѣча послѣдовала, то встрѣтившаяся женщина разбиваетъ свою посуду („глечыкъ, тыкву"). Сухоты будутъ у ребенка и въ томъ случаѣ,

когда встрѣтится женщина, несущая сухое суровое, незоленное полотно, нитки и валъ, такъ какъ она обязана обмочить эти предметы еще дома,— и женщина, несущая рубашку въ менструаціи. Однажды беременная женщина, увидавъ на ярмаркѣ калѣку, котораго везли въ повозочкѣ, сказала: „якъ бы въ мене таке, то ябъ его закопала“! И что же? У нея самой родился такой же ребенокъ—калѣка. „Не треба було завыдувать“ наставительно замѣтила разсказчица. Беременная не должна крестить дѣтей, присутствовать на похоронахъ со времени прибытія священника, особенно при пѣніи вѣчной памяти.

Крайне опасна встрѣча съ вихремъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Нивистка йшла зъ зовыцею по глыну въ клечану субботу. Де узявся выхорь; якъ пидвіе. Невистка упала тай лежить, а зовыця вернулась додому. Узялы невистку въ рядно и прынеслы. Годувалы іи ложкою. Полегшало. Стала вона ходыть. Якъ понесла полотно стлать на ричку, такъ изъ неи выпало якъ вороненя, та въ воду ляпъ“. (Отъ С. Писаренковой д. Тернавщины).

Кулина Логвиненкова, не имѣя тридцать недѣль менструацій, родила затѣмъ только одну голову, такую какъ клубокъ или твердый комокъ мяса. „То іи пидбигъ выхорь и скрутывъ на клубокъ дытыну“. (Отъ Е. Недильkиной, с. Литвяковъ). Одну женщину „пидбигъ выхорь“. Она три года была беременна такъ, что рубашка въ три полотнища не сходилась. При вскрытіи найденъ живой ребенокъ съ рогами. (Отъ М. Шевченковой, с. Волчки). Беременная женщина, обвиненная въ кражѣ, поклялась вихремъ: „якъ що я взяла, то нехай мене выхремъ рознесе“! И что же? Не успѣла она выйти на дворъ, какъ ее подхватилъ вихорь. Родившееся дитя до семи лѣтъ ничего не говорило, ржало какъ конь и ѣло, сколько бы ни давали.

„На троецкихъ святахъ выхорь скынувъ постиль молодыци, котору вона вынесла на жердочку. Выхорь схопывъ постиль и кынувъ додолу. Молодыця та полола. Сонъ іи налягавъ. Такъ вона взяла ту постиль, положыла у синяхъ и сама лягла. И се вона не була беременна, а то заберменила. Уже й черезъ годъ перейшло. Повелы іи до знахаривъ. Знахарь каже: „у тебе выхорь; будешъ помирать, тоди ажъ винъ выйде“. Якъ выходывъ винъ зъ тіеи мертвои молодыци (Явдохы), то млынъ перекынувъ (отъ крестьянки д. Пятигорецъ).

Вообще по народнымъ понятіямъ, если въ женщину проникнетъ вихрь, то она сойдетъ съ ума и произведетъ выкидышъ. Такимъ образомъ случаи ложной беременности, также отчасти выкидыши и душевное разстройство беременной, объясняются народомъ вліяніемъ вихря.

При встрѣчѣ съ вихремъ, женщина должна лечь ницъ, крестясь и произнося молитву, или, по крайней мѣрѣ, присѣсть на корточки и плотно

обтянуть вокругъ ногъ сподницу или запаску [1]). „Тильки роззява не прысяде“. Если и затѣмъ вихрь подбѣжитъ, то выливаютъ переполохъ, но это средство не помогаетъ и у ребенка бываетъ падучая, также даютъ пострадавшей пить „стритеньску“ воду съ смирной и заставляютъ читать „воскресного Бога“ и сонъ пр. Богородицы [2]).

Изложенные факты приводятъ къ выводу, что народная гигіена беременности, при всей фантастичности объясненій, даваемыхъ ею различнымъ естественнымъ явленіемъ, все же въ сущности стремится предохранить, насколько возможно, мать и будущаго ребенка отъ механическихъ и душевныхъ потрясеній [3]).

Въ случаяхъ осложненія беременности народная медицина совѣтуетъ слѣдующія средства: при извращеніи вкуса, напр. при отвращеніи отъ борща, при желаніи свѣжей или соленой рыбы, также меда, необходимо удовлетворить желанію беременной, иначе родившееся дитя будетъ обжорливымъ. Притомъ эту пищу женщина должна ѣсть съ дижи. При изжогѣ беременная женщина не должна ѣсть мѣлъ, потому что въ послѣдствіи родившееся дитя будетъ также его ѣсть. Гораздо лучше помогаютъ въ этомъ случаѣ по мнѣнію бабъ сырой горохъ, гречневыя крупы и мука. Отъ тошноты употребляютъ маточныя капли. При запорѣ мочи—петрушку и сокирки. Также поднимаютъ и подвязываютъ животъ рушныкомъ. При отекѣ ногъ—ихъ растираютъ оливой съ камфорой. Беременную женщину опасно купать, развѣ минуты три. Подмываній также никогда не дѣлаютъ. Истеченія вытираютъ сорочкой и только. Беременную женщину нельзя парить на камнѣ, такъ какъ дитя будетъ синее. Только въ крайности, въ предупрежденіе выкидыша,—какъ выше сказано,—или при послѣдовавшемъ

---

[1]) Боязнь скрывающагося въ вихрѣ духа распространена повсемѣстно. Напр. Данакили бросаются на вихорь и тычуть его ножами (Спенс. Основ. Соц. 76 г., стр. 216). У насъ есть повѣріе, воспроизведенное въ одномъ стихотвореніи Мея, что на орудіи, брошенномъ въ вихрь, будетъ кровь.

[2]) Пресвятая Богородыця, мате Хрыстова у Ерусалыми у гради ночувала, прыйшовъ до неи Ісусъ Хрыстосъ: маты моя, пресвятійшая! чы ты спышъ, чы ты такъ лежышъ? Сыну мій и Боже мій! я не сплю, я такъ лежу, прыснывсь мени сонъ предывенный, що мій сынъ Ісусъ Хрыстосъ на велыкый муци. Его жыды мучылы, на хрестъ роспыналы, зализнымы круцямы руци и ногы прыбывалы и на твою главу терновый винець надивалы и съ праваго ребра копіи доставалы. Мате моя, пресвятійшая! не есть се сонъ,—есть се правда. Хто буде сей сонъ рано и вечирь чытать, того буде Господь на страшнимъ суди, на будущому вику, грихамы дарувать.

[3]) Нѣкоторыя дѣйствія, безусловно запрещаемыя беременнымъ подъ опасеніемъ выкидыша, употребляются напротивъ, какъ изложено ниже, для ускоренія родовъ, также и для вытравленія плода. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвушка скачетъ съ вышины внизъ, поднимаетъ тяжесть сверхъ силъ, перевертывается черезъ дижу, также пьетъ порохъ или синьку, отваръ піоніи, сухаго луку, шафрана, рожковъ (secale cornutum) чернобыля, возлѣ Лубенъ принимаютъ коричневую воду, также дѣлаютъ горячія ножныя ванны изъ горчицы.

уже выкидышѣ („уровыще") грѣютъ камень, поливаютъ его квасомъ, дегтемъ, кладутъ хрѣнъ и надъ паромъ ставятъ женщину. Ставятъ также и надъ зажженной водкой. Если женщина часто сбрасываетъ, то необходимо настоять въ водѣ часть стараго воздушка и дать ей выпить ту воду.

Уже во время беременности дѣлаются нѣкоторыя наблюденія надъ беременной женщиной съ цѣлью выяснить судьбу и полъ будущаго ребенка. Такъ если во время беременности изъ грудей женщины отдѣляется покормъ, то дитя не будетъ жить—„на вмируще". Также если она хочетъ соленой рыбы, а если свѣжей, то дитя будетъ жизнеспособно. Женщина, часто страдающая изжогой и ослабѣвающая, родитъ мальчика. „Передъ дивчынкою жинка буде бравиша". Передъ мальчикомъ животъ у женщины круглый какъ тыква, предъ дѣвочкой плоскій („плесковатый"). Предъ мальчикомъ соски, иногда вся грудь, щеки женщины—темные. Лицо ея покрывается желтоватыми пятнами, похожими на веснушки („жинка буде смаглювата"). Положеніе ребенка до родовъ въ утробѣ матери по народнымъ представленіямъ таково: „якъ дытына ще ненародывши, то лежыть поперекъ: мовъ у колысци. Хлопець у правый бикъ головочкою, а дивчына—у ливый". Поэтому если женщина ощущаетъ въ первый разъ движеніе ребенка въ правомъ боку, то у нея будетъ сынъ. По той же причинѣ движенія правой ноги у нея затруднено. Роды мальчика замедляются на недѣлю („хлопець перетяга"), дѣвочки —ускоряются на недѣлю

Также у коровъ и кобылъ.

. Первые и вторые сроки родовъ (отъ открытія матки до появленія младенца). Народное акушерство. Пріемы при замедленіи родовъ.

Необходимымъ условіемъ успѣшности родовъ является прежде всего по народнымъ, почти общечеловѣческимъ, понятіямъ полное уединеніе роженицы, такъ какъ каждый грѣхъ знающаго о случаѣ родовъ вызываетъ особыя страданія у ней. Поэтому роженица предъ наступленіемъ родовъ, если время года позволяетъ, удаляется въ сарай, повитку, клуню или на огородъ—на предполагаемое счастливое мѣсто. Зимой очищаютъ избу: взрослыхъ и подростковъ удаляютъ изъ нея, дѣтей прячутъ на печь, но случайно вошедшій остается до конца родовъ. Его не выпускаютъ. Конечно выборъ мѣста невозможенъ при внезапныхъ родахъ: въ полѣ, на ярмаркѣ и т. д. При родахъ въ полѣ ребенка перевязываютъ ниткой отъ завязки мѣшка, осыпаютъ землей вмѣсто воды трижды и, укутавъ въ мѣшокъ, приносятъ или привозятъ домой.

Если роды случатся на ярмаркѣ, то заѣзжаютъ къ знакомому и какая нибудь бабка приметъ ребенка. Женщина изъ подгороднягo села Вильшанки родила на базарѣ. Здѣсь удалили пуповину и молодица принесла дитя въ

кошикѣ домой. Бываетъ, что и на домъ бабу зовутъ уже послѣ родовъ для удаленія пуповины. Но дѣятельность бабы крайне необходима при замедленіи родовъ. Бабу вызываютъ обманомъ для сохраненія тайны о родахъ, причемъ и она должна обмануть свое семейство, говоря, что идетъ „заваривать сояшныцю" или что нибудь въ такомъ родѣ. Баба, отправляясь къ роженицѣ, моетъ руки, надѣваетъ бѣлую рубашку и, по возможности, чистую одежду. Народная пѣсня изображаетъ такимъ образомъ шествіе бабы къ роженицѣ:

Сіи ночи опивночи
Бижыть Олексійко по бабусеньку.
А бабусенька догадалася,
Бижыть боса, щей безъ пояса.
Що въ ливій руци свичу несе,
Правою рукою Бога просыть:
Ой, спасы-жъ, Боже, мою онучечку
И младеньску душечку [1]).

Баба, входя къ роженицѣ, крестится, кладетъ три земныхъ поклона и трижды восклицаетъ: „Христосъ воскресъ!" или: „Боже поможы"!—Рятуйте, бабусю! отзывается роженица.—Хай тебе Богъ рятуе.—Перейма (схватки) хвата.—Колыбъ щей дужче! говоритъ баба.

Осмотрѣвшись, ловкая баба приготовляетъ роженицѣ постель на полу изъ соломы. Затѣмъ изслѣдуетъ положеніе ребенка съ цѣлью опредѣлить по поперечному или продольному положенію его предстоятъ ли немедленно роды или нѣтъ. Убѣдившись, что предстоятъ роды, баба принимаетъ слѣдующія мѣры къ ихъ облегченію и ускоренію: смазываетъ мыломъ или оливой животъ роженицы и наружныя дѣтородныя части и слегка нажимаетъ животъ сверху внизъ, причемъ шепчетъ и читаетъ молитву Пр. Богородицѣ: „Божая маты Спаса родыла, черезъ частокилъ Спаса прыймала и намъ помочи давала". Какъ только начнутся „переймы", баба водитъ роженицу трижды вокругъ стола, по сѣнямъ, по коморѣ, стараясь перевести черезъ три порога, по току — съ цѣлью найти гдѣ нибудь счастливое мѣсто. Роженицу заставляютъ переступать черезъ мѣшокъ, черезъ штаны мужа, черезъ коромысло. Ее ставятъ на колѣни на разостланномъ шерстью вверхъ кожухѣ и заставляютъ просить прощенія у старшихъ родственниковъ. На нее надѣваютъ рубаху мужа. Заставляютъ пить воду изо рта послѣдняго. Также воду, которой обмыли иконы, особенно благословенныя. Говорятъ,

[1]) Записана въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавщины Софіи Латенковой (Писаренковой) 50 л. Пѣсня эта поется при крестинахъ.

что въ 1848 г. въ Лубнахъ священникъ обмылъ чашу и далъ роженицѣ, мучившейся въ родахъ, выпить этой воды.

Всѣ узлы развязываютъ, помѣщенія растворяютъ. Изъ ушей роженицы вынимаютъ серьги, разстегиваютъ рубашки на присутствующихъ, развязываютъ мѣшки; выбрасываютъ солому („гнѣздо") изъ жлукта. Раскрываютъ скрыню, дижу, окна, двери, стекляной кіотъ въ иконѣ. Наконецъ просятъ священника раскрыть царскія врата. Пробуютъ держать женщину надъ паромъ отъ раскаленныхъ въ печи камней и садить въ ванну [1]). При обморокѣ роженицу вспрыскиваютъ холодной водой и трутъ ею лицо и около сердца. При очень трудныхъ родахъ неискусныя бабки позволяютъ роженицѣ скакать съ лавы или съ полу [2]).

Излюбленное положеніе роженицы въ Лубенскомъ уѣздѣ при родахъ стоячее [3]), причемъ она опирается поясницей. Рѣдко женщина родитъ лежа; ложиться на бокъ ей совсѣмъ не дозволяютъ.

Гораздо чаще женщина, стоя на голомъ полу, держится за поясъ, продѣтый къ сволоку, нѣсколько присѣвши и отбросивъ тѣло назадъ, а баба давитъ въ крестецъ колѣнкомъ. Иногда помогаютъ свекровь и мужъ. Бываетъ и такой пріемъ: мужъ или и посторонній мужчина ставитъ роженицу на колѣни спиной къ себѣ и, крѣпко упирая въ поясницу, выгибаетъ къ себѣ. Вслѣдствіе сильной боли женщина иногда кусается. Иногда баба встряхиваетъ за ноги роженицу, или мужъ охватываетъ жену изъ за спины подъ грудь, слегка приподымаетъ и трижды встряхиваетъ ее какъ грушу. Одна дама, приглашенная дать совѣтъ роженицѣ, оставшейся безъ медицинской помощи, застала слѣдующее: подъ сволокомъ укрѣплены были два пояса, изъ которыхъ одинъ былъ продѣтъ подъ плечи, а другой подъ поясницу лежавшей на этихъ поясахъ, въ горизонтальномъ положеніи, роженицы, которую присутствующіе раскачивали какъ въ люлькѣ [4]).

Если ребенокъ показывается головкою внизъ, то бабка остерегается брать за головку изъ опасенія оторвать ее. При выпаденіи ручки на животъ роженицы кладутъ припарку изъ проса или высѣвокъ и животъ потихоньку приподымаютъ, покуда ручка не войдетъ обратно. Если ребенокъ

---

1) Такой пріемъ рекомендуетъ наука при судорогахъ.

2) «Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ бываетъ разрывъ perinci. См. Коваленко. Къ народной медицинѣ Малор. Оттискъ изъ Этногр. Обозр. Кн. X, стр. 175.

3) Стоячее положеніе ускоряетъ процессъ родовъ.

4) Отсюда уже недалеко до существующаго въ Великороссіи особаго пріема подвѣшиванья роженицы къ сволоку ногами вверхъ, а головою внизъ, приведеннаго въ интересной рѣчи проф. Г. Е. Рейна „О рус. нар. акушерствѣ". Спет. Типогр. М. Стасюл. 1889 г. Какъ въ этой рѣчи, такъ и у Чубинск. (т. 4, стр. 3—4) и въ вышепривед. соч. Коваленка приведены нѣкотор. акушерскіе пріемы, сходные съ приводимыми мной. Встряхиванье, пиганье и тѣ ничего кромѣ вреда не приносятъ. Учеб. род. иск. Жижил. Сп. 1885 г., стр. 229.

выходитъ ножками, то бабка тихонько вытягиваетъ его, но только до головки, а тамъ только говоритъ: „працюйсь, моя голубочко!“ Вообще при поперечномъ положеніи дитяти бабѣ дозволяется только нажимать правой рукой сверхъ живота роженицы противъ головки малютки для того, чтобы повернуть его головкой внизъ, но вводить руку въ пороги для извлеченія ребенка нельзя.

Необходимо еще прибавить, что, по убѣжденію малороссіянокъ, родить незаконнорожденнаго легче.

III. Третій срокъ родовъ. Удаленіе пуповины, уходъ за родильницей. Выходъ послѣда. Родины.

Наконецъ ребенокъ появился на свѣтъ Божій („найшовсь, жинка россыпалась“). Баба рада, „бо якъ задушытця дытына, то грихъ бабы“; благодаритъ Бога, читаетъ Отче нашъ „бо то всимъ молытвамъ молытва“ и креститъ ребенка, не глядя на него и приговаривая: „якъ я не знаю що ты таке, щобъ ты такъ не знало ни прыстрита, ни крыклывыць, ни переполоху“. Обращеніе къ новорожденному дѣлается еще и въ другой формѣ: „Чуже дытятко ягнятко, мое—ведмежатко. Лапкамы одгрибается, зубкамы одгрызается. Уроку, прыстрыту не боится“. Въ с. Хитцахъ баба, принимая новорожденнаго, произноситъ двѣнадцать разъ: даръ Духа Святого. Затѣмъ бабка отмѣряетъ пуповину на три пальца отъ пупочнаго кольца и также на три пальца съ противной стороны и удаляетъ пуповину на топорѣ мальчику и на гребнѣ отъ прялки дѣвочкѣ; мажетъ кровью въ трехъ мѣстахъ на лбу дитяти крестики, чтобы онъ набирался крови и завязываетъ пупъ матиркой, приговаривая трижды: „завьязую тоби съ щастямъ, здоровьемъ, викомъ довгимъ, розумомъ добрымъ“. Если обрѣзать пуповину коротко, то у ребенка будетъ всю жизнь рѣзь. Но если вслѣдствіе стремительныхъ родовъ, часто бывающихъ при стоячемъ положеніи женщины, оборвалась пуповина, то подвязываютъ пупокъ, натягивая кожку живота новорожденнаго. Пупокъ мать прячетъ въ особое отдѣленіе скрыни „прыскрынокъ“, покуда дитя подростетъ и развяжетъ пупокъ. Такое дитя будетъ умное. Затѣмъ дитя кладется на кожухѣ, чтобъ было богатымъ, поперекъ лавы, чтобъ было долголѣтнимъ. Въ Черевковской волости дитя кладутъ на покути, по мѣстамъ на полу, чтобъ не боялось морозу, а кое гдѣ на край печи. У ребенка, родившагося въ „переходѣ“ (родимцѣ), не удаляютъ тотчасъ же пуповину, но ожидаютъ окончанія припадка, накрывъ ребенка чернымъ, иначе онъ былъ бы съ большой головой, что считается большимъ недостаткомъ. Особаго ухода за невременнымъ ребенкомъ нѣтъ, его кладутъ на печь (коминъ), гдѣ онъ лежитъ шесть недѣль въ рукавѣ отъ кожуха. Обмершее дитя вначалѣ только отгукуютъ: „Христосъ воскресъ“! (трижды).

Также на имя отца: „Иване, гу“! или на имя матери: „Ганно, гу!“ или на кого нибудь изъ родичей. Иногда отгукують часа три. Также щекочуть головкой булавки въ ноздряхъ и ушахъ.

Давятъ подъ пахи. Иногда отъ легкаго удара по задницѣ „воно квакне“. Баба раскрываетъ ему ротъ и дышетъ раза два—три [1]). Однимъ изъ лучшихъ средствъ признается примачиваніе ребенка квасомъ или сыровцемъ. Наконецъ крайнее средство: зажигаютъ тряпку (ганчирку) или конопляный клокъ и натыкаютъ на дымъ ребенка. „Тоди воно хлыпне“. Обмершее дитя не кладутъ на землю, „бо въ землю пиде“.

Во время родовъ опять дѣлаютъ заключенія о характерѣ родившагося и его судьбѣ по слѣдующимъ признакамъ: если мать послѣ родовъ спитъ, то ребенокъ недолговѣченъ. Также, если дитя родилось лицемъ вверхъ [2]). Ребенокъ, родившійся днемъ будетъ неспокойнымъ, сердитымъ; будетъ обладать хорошимъ аппетитомъ. Родившійся ночью будетъ спокойнымъ, сонливымъ. Родившійся на большой праздникъ будетъ несчастнымъ, на Благовѣщенье—юродивымъ, на Наума—умнымъ. Также будетъ умнымъ дитя, часто чихающее при родахъ. Быстро глядящее и кричащее—скорымъ и злымъ. кричащее—клеветникомъ. Дитя, запутавшееся въ пуповину, вслѣдствіе ея излишней длины, будетъ плутомъ, если пуповина обмотала шею и солдатомъ—если свѣсилась черезъ плечо. Дѣвочка будетъ развратной. Родившійся въ чепцѣ (пузырѣ, сорочкѣ) будетъ счастливымъ. Чепецъ этотъ нужно высушить на раздвоенной („россоховатій“) палочкѣ, спрятать и впослѣдствіи брать съ собою какъ талисманъ. „Отъ того буде фортуна“. Послѣ родовъ новорожденнаго купаютъ, чаще всего вмѣстѣ съ матерью, въ водѣ, къ которой прибавляютъ сѣна, аера, по мѣстамъ ароматическихъ травъ: „живокоста, товстушкы, руты, огирочныка, омана и хробуста, кромѣ того въ купель новорожденнаго бросаютъ еще мелкія серебряныя деньги. Воду изъ купели выливаютъ въ сторону, забрасывая вылитое землей и жаромъ. Кто нечаянно попадетъ въ эту воду можетъ заболѣть „жовтяницами“; даже и скотина будетъ сохнуть. Къ ночи совсѣмъ не выносятъ купели.

Ребенка купаютъ отдѣльно отъ матери въ томъ случаѣ, когда еще не отошелъ послѣдъ. Отдѣленія послѣда принято выжидать два часа. Если его нѣтъ, то родильницѣ даютъ муку съ примѣсью зеренъ. которыя посыпали

---

[1]) Лѣченіе посредствомъ вдыханія очень распространенный способъ; также подкуриванье больнаго и употребляемое нашими бабами ссасываніе кожи ребенка при купаніи его. Иногда болѣзнь сжигается и бросается въ воду. Леббокъ. Нач. цивилизаціи. Спт., 76 г., стр. 25 и 26.

[2]) Позже о недолговѣчности ребенка заключаютъ еще по тому твердо ли тѣло и плотно ли прилегаетъ къ костямъ. Если нѣтъ, если соединительная плева въ глазу мала и на переносьи есть синяя жилка,—то дитя не будетъ жить.

на новый годъ, а затѣмъ родильницу заставляютъ пить оливу, дуть въ пустую бутылку, забиваютъ ей ротъ волосами съ цѣлью произвесть давленіе грудобрюшной преграды на матку. Иногда вытягиваютъ послѣдъ за пуповину. Если пріостановилось послѣродовое очищеніе („брудъ"), то родившей даютъ пить шафранъ, цвѣты піоніи, настой вишневой коры, ромашку и растертые коралы. Послѣдъ закапываютъ у порога, подъ печью, поломъ, лавой или на самомъ мѣстѣ родовъ съ прибавленіемъ къ нему ржи, овса, проса, пшена, для того, чтобы ребенокъ былъ богатъ, а постель родильницы выбрасываютъ свиньямъ. Дѣтямъ разсказываютъ какую нибудь сказку о появленіи на свѣтъ ребенка. Напримѣръ: „мама бродыла, бродыла по рищци, колы плыве дытына, а я (баба) его піймала, думаю: кудыжъ его понесты? Чы нехай вамъ? Диты такъ и очеплюця—нехай намъ". Обмывъ родильницу, которая, разрѣшившись отъ бремени, называется уже „породилей", баба кладетъ ее на полу,—доскахъ, служащихъ постелью семейству. Здѣсь породиля лежитъ до трехъ дней, иногда и дольше, смотря по состоянію своего здоровья, хозяйственнымъ и семейнымъ условіямъ [1]).

Какъ только баба кончитъ обмываніе, отецъ новорожденнаго угощаетъ ее и породилю водкой, выпиваетъ самъ и несетъ тестю „родыво"—собственно извѣстіе о событіи, съ приложеніемъ паляницы и полкварты водки. Входя, онъ говоритъ родителямъ своей жены: „прошу Бога и васъ на родыны," и угощаетъ ихъ водкой. Тесть, отправляясь на родины, захватываетъ съ собой кварту, а если багатъ, то и четвертину водки, яичницу и пироги; теща—полотно, подушечки, рядно и старое бѣлье на пеленки. Они привѣтствуютъ породилю такой фразой: „будь здорова зъ животомъ!" крестятъ дитя, садятся и пьютъ водку. Въ большей части селеній Лубенскаго уѣзда кромѣ родителей приглашаются еще тотчасъ по благополучномъ разрѣшеніи породили ближайшіе родственники и сосѣдки; послѣднія приносятъ породилѣ коржи, вареники, паляницы и отдаютъ, приговаривая: „на тоби окраець, та заткны той бикъ що выскочивъ заець" [2]). Гости выкидаютъ на осьмину въ томъ убѣжденіи: „що скильки посадымъ за столомъ, стильки посыдымъ и въ царстви небеснимъ". Баба же, выпивая водку, приговариваетъ: „дай, Боже, щобъ воно малымъ було сонлыве, а велыкимъ щаслыве! А породиля щобъ выдужувала та дытыну годувала!"

Затѣмъ баба идетъ къ священнику объявить о новорожденномъ съ обычными приношеніями: хлѣбомъ, солью, десяткомъ яицъ или цыпленкомъ и водкой (отъ 3-хъ осьминъ—$^1/_2$ кв.) также 5 коп., изъ которыхъ съѣстные

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ м. Снѣтина соблюдался шестинедѣльный покой породили и при крѣпостномъ правѣ, а женщина, родившая двойни, освобождалась на годъ отъ панщины.

[2]) Выраженіе, употребляемое въ д. Шекахъ.

припасы принадлежатъ породилѣ, а деньги—бабины. Въ дорогѣ баба должна воздерживаться отъ физіологическихъ отправленій. Хозяинъ между тѣмъ идетъ приглашать кумовъ. Этимъ удаленіемъ хозяина и бабы кончается обрядъ родинъ, но прежде нежели перейти къ крестинамъ, необходимо упомянуть объ обычаѣ крестить ножомъ окна хаты, въ которой находится новорожденный и зажженіе свѣчи,—а не керосина, который „чортове свитло,"—по ночамъ покуда ребенокъ не окрещенъ [1]). Несоблюденіе послѣдняго обычая можетъ повесть къ важнымъ послѣдствіямъ. Напр. въ с. Вильшанкѣ дитя, положенное на полъ, оказалось въ темнотѣ перемѣщеннымъ на печь. Былъ и такой случай: „Передъ Меланками (31 Декабря, день св. Меланіи) найшовсь хлопчыкъ Васыль. Баба пишла до дому, а породиля потушила свичку тай заснула. Баба прыходыть у ранци и недодывылась, що воно зробылось дивчыною. Священныкъ вылаявъ бабу, а дытыну назвавъ Мылашкою". (Отъ М. Харлановой).

IV. Крестины (хрыстыны, хрысты). Приглашеніе въ кумы. Передача ребенка. Удаленіе и возвращеніе кумовьевъ. Обѣдъ.

Общія правила о кумахъ гласятъ: „1) баба сужена, а кумы люблени, 2) съ такимъ чоловикомъ треба куматьця, щобъ не лаятьця". Поэтому, напримѣръ, лучше избѣгать близкихъ сосѣдей въ качествѣ кумовьевъ. Слѣдуетъ выбирать кумовъ между родственниками, хорошими знакомыми, съ которыми живется по любви и людьми богатыми. Людямъ, имѣющимъ дочерей, не слѣдуютъ куматьця съ парнями, и вообще число кумовъ должно быть какъ можно меньше въ виду ограниченій брака между кумовьями, что очень важно для небольшихъ селеній. Поэтому нужно держаться однихъ и тѣхъ же кумовьевъ, если предыдущія дѣти, или окрещенныя ростутъ благополучно. Нельзя „одхрыщувать". Женщинѣ опасно имѣть много крестниковъ („хрещеныкивъ"). Если дѣти у родителей мрутъ, то послѣдніе приглашаютъ въ кумы брата и сестру изъ одного и того же семейства, также первыхъ встрѣчныхъ, „стритенныхъ". Если и это не помогаетъ, то черезъ шесть недѣль послѣ родинъ родители новорожденнаго избираютъ счастливыхъ по ихъ мнѣнію людей, такъ назыв. закупныхъ кумивъ. Закупной кумъ кладетъ деньги, закупная кума—крыжмо, состоящее, какъ и обыкновенно,

---

[1]) Освѣщеніе новорожденнаго происходитъ изъ страха подмѣны ребенка. По общечеловѣческому взгляду духи любятъ темноту, оттого въ Индіи, Австраліи, Ю. Америкѣ ходятъ съ факелами. Китайцы зажигаютъ огни на свадьбахъ. На Малайскихъ островахъ горятъ огни вокругъ роженицы, чтобы не допустить къ ней злыхъ духовъ. У Скандинавовъ огонь горитъ до крещенія ребенка, иначе его похитятъ троли. На Гебридскихъ островахъ вокругъ роженицъ и дѣтей обносятъ огонь для защиты отъ злыхъ духовъ. (Тэйл. Первоб. Культ. стр. 253) Сюда же примыкаютъ разсказы объ одминкахъ, обмѣненныхъ чертомъ дѣтяхъ. (Чуб. Эт. Ком. т. I, стр. 194).

изъ 3—4 арш. холста. Присутствующіе также сбрасываютъ деньги. Отношенія къ этимъ закупнымъ кумамъ устанавливаются такія же, какъ и къ настоящимъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ родители должны выкупить своихъ дѣтей у кумовъ, до какого выкупа дѣти принадлежатъ послѣднимъ. Этотъ выкупъ производится такимъ образомъ: на первый день Свѣтлаго праздника породиля беретъ дитя и дары: булку, калачъ, платокъ или хустку, цѣной въ 5—10 коп. и подноситъ ихъ кумамъ. Кумы угощаютъ породилю водкой, берутъ дитя на руки и даютъ гостинецъ—5 коп. Отецъ приглашаетъ кумовъ въ такой формѣ: „послухайте дытыну у хрестъ увесты". Отказываться „одъ хреста" грѣшно. Обычай требуетъ, чтобы хозяинъ по возвращеніи домой угостилъ кумовъ водкой и закуской. Затѣмъ онъ опять удаляется приглашать гостей на обѣдъ, а кумы становятся въ парѣ. Баба закутываетъ новорожденнаго въ мужскую рубаху и передаетъ имъ. Унося ребенка, кумъ переступаетъ правой ногой черезъ сѣкиру [1]) съ раскаленнымъ на ней углемъ для того, по объясненію бабокъ, чтобъ на ребенка не нападали жовтяныци. Крестный отецъ незаконнорожденнаго ребенка подвязывается уздечкой или налыгачемъ, смотря по тому, желаетъ ли онъ, чтобъ у него плодились кони или бычки. По пути къ священнику ангелъ ведетъ куму подъ правую руку. На первомъ же перекресткѣ кума бросаетъ влѣво, гдѣ предполагается нечистый, узелокъ съ углемъ, кирпичемъ (печыною), хлѣбомъ и солью. Иногда при этомъ плюетъ. До какой степени распространенъ этотъ обычай видно изъ того, что одной сельской учительницѣ, Лубенской гимназисткѣ, приглашенной въ кумы, женщины дали такой узелокъ въ руки и настояли, чтобы она также дала подать чорту. Кумы подносятъ священнику хлѣбъ съ солью, 5—10 коп. и водку. Во время крещенія они опять дѣлаютъ наблюденія надъ ребенкомъ. Если онъ сожмется, то будетъ жить, если распрямится—умретъ. „Якъ вмажетця, або вмочытця пидъ хрестомъ буде въ стыду", (т. е. развратенъ). Кума выноситъ дитя отъ священника. Она не должна никому открывать имени ребенка потому, что онъ можетъ умереть. Имя, даваемое новорожденному, должно по общенародному убѣжденію со-

---

1) Вѣроятно для того, чтобы ребенокъ былъ здоровъ. По замѣчанію проф. Вл. Б. Антоновича желѣзо закапывалось подъ порогомъ дома для того, чтобъ сообщить крѣпость и здоровье жильцамъ. Гапка Мельничиха, обвиненная въ 1705 г. въ колдовствѣ, объяснила, что совѣтывала закопать желѣзо отъ плуга подъ порогъ дома для того, чтобы переступающіе черезъ него были здоровы какъ то желѣзо. (Ант. Колдовство. Спт. 77 г., стр. 19 и 357). Отсюда выраженіе: желѣзное здоровье. Для излѣченія дѣтской сыпи (вогныка) кузнецъ кропитъ трижды ребенка водой, въ которой охлаждалось желѣзо (Чуб. Этн. экс. т. I, стр. 138). Въ Индіи, когда рождается мальчикъ, надъ дверью вѣшаютъ зеленую вѣтвь и желѣзное кольцо. (Р. Киплингъ. Хищники. Нов. Вр. 17 Дек. 94 г. № 6755, стр. 2). Объ очистительномъ значеніи сѣкиры какъ символа огня, которую у Славянъ и въ Великороссіи кладутъ на порогѣ или на гробѣ при похоронахъ,—у Котляревскаго. Погреб. обыч. Слав. Спет. 91 г. стр. 224 и 246.

впадать съ именемъ святаго, чествуемаго въ день родинъ. Перемѣна имени приноситъ ребенку несчастіе. Поэтому, напримѣръ, у женщины въ Засульи четыре сына и всѣ Иваны. Возвратясь отъ священника, кумы передаютъ дитя бабѣ съ такимъ заявленіемъ: „мы въ васъ бралы нарождене, а вамъ дамо молытвяне и хрещене"! Поздравляютъ бабу и родителей, садятся за обѣдъ, приготовленный бабой по возможности съ мясомъ, а въ постные дни съ рыбой, и состоящій изъ борща, локшины, кнышей, пироговъ и жаркого. Водки берутъ къ обѣду отъ кварты и до ведра, смотря по состоянію. Угощеніе начинается съ того, что баба или кума даетъ породилѣ водки и миску съ отсыпанными въ ней тремя ложками кушанья. Потомъ всѣ распиваютъ „ковалеву горилку" [1]), такимъ образомъ: предъ борщемъ потчуетъ гостей кумъ, послѣ борщу предъ локшиной—кума. Послѣ обѣда хозяинъ проситъ гостей еще посидѣть: „щобъ усе добре садылось". Баба предлагаетъ и отъ себя варену, т. е. водку съ сухими фруктами, заранѣе приготовленную хозяевами. Варена стоитъ на подносѣ съ двумя рюмками и маленькими букетами калины. Присутствующіе пьютъ попарно въ такомъ порядкѣ: хозяинъ и хозяйка, кумъ и кума, гости и въ заключеніе баба. Гости, забирая калину, говорятъ: „квиткы красни! щобъ такъ наша породиля красна була"! и отдаютъ затѣмъ калину породилѣ на купель дитяти. Присутствующіе бросаютъ бабѣ на тарелку мелочь, а она проситъ: „попробуйте моей варенои, та выкыньте на пидметкы, бо я боса". Изъ этихъ денегъ баба даетъ тотчасъ породилѣ 2—5 коп. на покупку свѣчи для такъ называемыхъ „вводинъ", т. е. когда породиля идетъ послѣ шести недѣль пріобщить дитя въ церковь. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ похрестынъ на крестинахъ бываетъ иногда музыка и гости танцуютъ всю ночь.

V. Злывки [2]). Первое кормленіе грудью. Способы увеличенія покорма.

На разсвѣтѣ слѣдующаго послѣ крестинъ дня, иногда еще при мѣсяцѣ, баба идетъ къ рѣкѣ и черпаетъ воду съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Добрыдень тоби, водо Уліяно, и ты, земля Оссіяно! Прыбуваешъ ты, водо, изъ гиръ, изъ могылъ, изъ усякихъ украинъ. Прыбудь моій породили и въ костяхъ и въ крыжахъ и въ усихъ іи маслакахъ. Рожденный, молытвянный и хращеній породили" (имя). (Отъ кр. с. Литвяковъ Аг. Шевченковой).

Есть слѣдующіе варіанты настоящаго обращенія къ водѣ:

„Добрыдень, водо Уляно, и ты, земле Тетяно! Наповняешъ моря, наповняешъ рикы, наповны Явдоси породили іи кости, іи уста, іи груды,

---

[1]) Ковалемъ называется отецъ новорожденнаго, какъ и въ пѣснѣ: „Спасыби тому ковалю", которая есть и въ Луб. уѣздѣ и въ 4 т. у Чубинск.

[2]) Злывки иначе описаны въ соч. *Богдановича*, Сборн. свѣд. о Полт. губ. Полтава. 1877, стр. 177 и въ соч. *Арендаренка* „Зап. о Полт. губ." 1849, т. II, 214.

хрещенному, нарожденному Ивасю кормыть. (Отъ М. Танцюриной, с. Кононовки).

„Добрыдень тоби, водо Тетяно, земля Уляно! ты очыщаеся, ты освящаеся, ты преспоряеся [1]). Преспоры рожденыци, хрещеныци, рабы Божои Явдохы покорму. Ты, пичъ, мате! прыспоры рожденыци, молытвяныци, хрещеныци, рабы Божои Явдоси дытя годуваты". (М. Харланова, с. Вильшанки).

„Добрыдень, водо Тетяно, земля Уляно! Поможы мени сiи воды набрать зъ пидъ зилля, зъ пидъ креминя. Та одъ Явдохы хрещенои молытвянои нечысть ту одигнать" [2]). (Троянова, с. Песокъ).

Въ принесенную такимъ образомъ воду баба бросаетъ овесъ, рожь, конопляное сѣмя и хлѣбъ и ставитъ въ горшкѣ на припечкѣ. Затѣмъ въ избу вносятъ ночвы, въ которыя кладутъ сѣкиру и стебелекъ нехворощи или вербы. Породиля ставитъ правую ногу на сѣкиру и баба трижды сливаетъ ей на руки находящуюся въ горшкѣ воду.

Въ Черевковской волости, гдѣ зливки бываютъ въ день родинъ, къ сѣкирѣ присоединяютъ также ножъ, или употребляютъ только послѣднiй такимъ образомъ, что женщина просовываетъ его межъ пальцами ноги. Породиля глотаетъ сливаемую ей на руки воду, моетъ полными пригоршнями лице, третъ и моетъ себѣ плечи и грудь, причемъ трижды проситъ прощенiя у бабы, а затѣмъ также сливаетъ трижды на руки бабѣ, которая говоритъ: „просты жъ, моя дытыно, и мене!" По мѣстамъ кладутъ еще вербу на плечи и грудь породили. Потомъ породилю садятъ на кожухъ [3]) и въ это время ей даютъ первый разъ покормить ребенка, а до того последнему мажутъ только губки медомъ, а если ребенокъ очень безпокоенъ,

---

[1]) Претворяешься.

[2]) Примѣч. Одинъ изъ старыхъ Снѣтинскихъ разсказчиковъ, Николай Ивахненко, передавалъ мнѣ, что при крѣпостномъ правѣ женщина, черпая воду изъ Сулы, приговаривала: „Господы благословы! Здорово була, водо Уляно! Ты, водо, святыся, ты водой хрыстыся! Благословы, Душе святый, воды набрать!" Въ такихъ обращенiяхъ къ водѣ, сквозь позднѣйшее христiанское наслоенiе, виднѣется еще общечеловѣческое почитанiе воды. Такъ, Индусы бросаютъ деньги въ воду, переѣзжая рѣку. Во Францiи (близь Тулузы), Англiи (ключъ Ланмеръ и др.), Шотландiи и Ирландiи,—вездѣ священныя воды (Леб. Нач. цив., стр. 215—220). Древнiе греки считали воду началомъ бытiя (Вѣд. въ ант. мiрѣ. Буше-Леклерка. Кiевъ, 1881, стр. 152). Также и славяне, у которыхъ богослуженiя и гаданiя происходили на берегу рѣки. Въ воду бросали деньги, приношенiя и изображенiя. Ключи и озера, считающiеся священными, находятся во всякой славянской странѣ. Въ древней Руси приносили жертвы болотамъ и колодцамъ. По понятiямъ малоруссовъ, воду нельзя засорять. Она цѣлебна. (Финск. Вѣстн. 1847 г. О языч. богослуж. др. Славянъ, стр. 19—23. Котляр. Погреб. об. др. Славянъ, т. III стр. 128. Изд. 91 г. Костом. Очер. жизни Велик. нар. Соврем. 60 г., № 11, стр. 532 и Чуб. т. I, стр. 41—43.

[3]) Въ упоминавшемся нерѣдко помѣщенiи матери и новорожденнаго на кожухѣ слѣдуетъ видѣть воспоминанiе о жертвоприношенiи животныхъ. Н. Ѳ. Сумцовъ. О влiян. греч. и рим. ритуала, стр. 19.

то его кормитъ посторонняя женщина. [1]) Начинать кормить нужно правою грудью. Вообще каждый разъ слѣдуетъ давать правую грудь прежде. При первомъ кормленіи грудью нужно читать Отче нашъ. Послѣ омовенія породили, ребенка также купаютъ трижды въ приготовленной указаннымъ выше способомъ водѣ съ нехворощью и коноплянымъ сѣменемъ.

Обрядъ злывокъ въ настоящее время, по заявленіямъ бабъ, выполняется только для того, чтобы у породили прибывалъ покормъ.

Баба, участвуя въ злывкахъ, высказываетъ породилѣ пожеланіе: „щобъ молоко прыбувало“ [2]).

Если послѣ злывокъ молока недостаточно, что бываетъ „зъ очей“, то покормъ думаютъ увеличить повтореніемъ сливанія воды на руки породилѣ и предложеніемъ ей напиться воды изъ ведра черезъ порогъ; а при недостаточности этихъ средствъ прибѣгаютъ къ такимъ:

1) Къ ночи баба набираетъ изъ рѣки или колодца воды съ приведеннымъ выше заговоромъ: „добривечиръ тоби, водо Уляно!“ отмѣряетъ тридевять ложекъ, сливаетъ ихъ въ кувшинъ и ставитъ на всю ночь. Утромъ баба измѣряетъ воду. Вѣрятъ, что если за ночь прибавится лишняя ложка воды, то прибавится и покормъ, а если уменьшится на одну ложку—дитя умретъ. Этой водой поятъ породилю и ребенка.

2) Родильница, вдвоемъ съ мужемъ, набираетъ воды изъ трехъ криницъ въ три тыквы; приноситъ домой, грѣетъ купель, сливая воду вмѣстѣ, бросаетъ туда вербу, умывается сама и купаетъ дитя, затѣмъ относитъ эту воду во всѣ три криницы обратно.

3) При недостаточности одной воды, въ обрядъ вводятъ еще хлѣбъ такимъ образомъ: баба отрѣзываетъ кусочекъ перваго вынутаго изъ печи хлѣба, привязываетъ ниткой къ палочкѣ и относитъ въ рѣку или коло-

[1]) Обыкновеніе вредное, какъ для матери, такъ и для ребенка.

[2]) Значеніе зливокъ въ настоящее время очевидно съужено. На самомъ дѣлѣ зливки ничто иное, какъ церемоніальное послѣродовое очищеніе ребенка и родильницы, развившееся изъ необходимости очиститься физически. По общечеловѣческому убѣжденію, женщина послѣ родовъ считается нечистой. Она не должна приближаться къ огню изъ опасенія осквернить его; посуду, которую она употребляла, не можетъ употреблять ея мужъ, не окуривъ предварительно. (Православ. Благов. 94 г. № 10, стр. 53). Омовеніе роженицъ производится у Готентотовъ, въ Западной Африкѣ, у Монтрасовъ, Монголовъ. Въ Индіи церемоніальное очищеніе женщины и нареченіе имени ребенку бываетъ въ одинъ день. Кипчаки, Якуты, Новозеландцы, Гвинейцы омываютъ новорожденныхъ или кропятъ ихъ водой и окуриваютъ, давая имя, черезъ 3—8 дней послѣ рожденія. Также въ Китаѣ и Японіи (черезъ мѣсяцъ). Тибетцы погружаютъ ребенка въ воду, а Лапландцы моютъ теплой водой, въ которую кладутъ вѣтки ольхи. Въ Мексикѣ кормилица омывала ребенка во имя богини воды. У Грековъ женщина, присутствовавшая при родахъ, мыла руки, а кормилица обносила ребенка вокругъ огня и давала ему имя. У Римлянъ кормилица мазала слюной ребенку губы и лобъ. (Тейлоръ. Первоб. культура т. 2. Обряды и церемоніи. Гл. 18, стр. 463—472).

дезъ на всю ночь. Если хлѣбъ сохранится, породиля съѣдаетъ его утромъ съ освященной солью.

4) Баба или родильница—если въ силахъ, замѣшиваетъ дижу и выдавливаетъ навкрестъ рукою 3—4 углубленія, куда наливаетъ воды. Когда хлѣбъ взойдетъ и вода окажется на верху, баба, разсматривая это обстоятельство, какъ благопріятное предзнаменованіе, собираетъ воду, омываетъ грудь и плечи породили, также даетъ ей немного выпить. Если вода войдетъ въ хлѣбъ—дитя умретъ.

5) Если хлѣбъ не помогаетъ, то разыскиваютъ въ мышиномъ гнѣздѣ камешекъ, величиной и видомъ напоминающій дробь. Найденный камень погружаютъ въ освященную воду и ставятъ на ночь на дворѣ противъ покутя, накрывая ведромъ. Третья часть кувшина оставляется пустой. Утромъ воды прибудетъ, если ребенокъ долженъ жить; въ противномъ случаѣ, она останется въ прежнемъ количествѣ. Способъ употребленія этой воды такой, какъ выше объяснено.

VI. Продырыны (очедерыны, похрыстыны).

Подъ продырынами, изрѣдка называемыми похрыстынами, слѣдуетъ понимать семейное торжество, бывающее на другой день послѣ крестинъ, въ честь новорожденнаго. Въ большей части Лубенскаго уѣзда они отжили свое время и представляютъ только остатки; въ мѣстечкѣ же Снѣтинѣ и въ Волчковской волости они сохранились еще вполнѣ. Не то было прежде, когда „пициймалы такы родыны, якъ теперъ весилля“ и распивали 1—2 ведра водки. Гости собираются на продырины „оченята продырать дытыни, щобъ було зирке“, „очей драть“ къ званному обѣду, такому же, какъ на крестинахъ и также приготовленному бабой. За обѣдомъ сама породиля угощаетъ бабу и гостей, которые пьютъ водку, приговаривая: „дай, Боже, щобъ дытына була бачуща, выдюща и памятуща! зирка и швыдка! Щобъ куды йшло—тай найшло. Щобъ робоче и охоче. Щобъ швыдке, прудке, повновыде, уродлыве!“ Затѣмъ мальчику желаютъ еще: „щобъ велыкый рисъ. умивъ ткать, бондарювать, усёго дила швыдко хватать! И пвець, и кравець, и чоботарь. Щобъ межъ панаамы. Щобъ бувъ велыкый кныжныкъ!“ Дѣвочкѣ желаютъ: „Щобъ щасна, красна, довголитня и многолитня; щобъ хлопци любылы и по персню носылы; щобъ помитуха и помазуха и швачка и прачка и пряха.“ Иной гость приводитъ двустишіе изъ шуточной пѣсни:

„Щобъ до плуга и до рала
За хлопцямы боса драла!“

При этихъ пожеланіяхъ кладутъ иногда деньги на ребенка.

Послѣ обѣда развеселившіеся гости ведутъ бабу, завернутую въ подарки, въ питейный домъ продавать. Въ Вильшанкѣ ее тянутъ на вѣткѣ глода, а въ х. Тернавщинѣ везутъ на высоко помощенномъ возѣ въ лучшей одеждѣ породили. Въ с. Юсковцахъ, гдѣ нѣтъ продыринъ, вспоминаютъ еще: „якъ не пидемъ у шынокъ, то крадена дытына", а за отказомъ бабы, шутя грозятъ бабѣ: „зависьмо бабу до сволока". Гости, проходя по селу шумною толпой: „щобъ люды зналы, що у насъ не крадена дытына", поютъ или горланятъ („верзуть") извѣстную пѣсню: „Спасыби тому ковалю и т. д." Въ корчмѣ баба должна угостить спутниковъ изъ своего скуднаго гонорара [1].)

---

[1]) *Примѣчаніе 1-е.* Значеніе продыринъ. Публичность продыринъ, представляющихся оглашеніемъ о событіи рожденія и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія: «у насъ дытына не крадена», позволяютъ видѣть въ этомъ обыкновеніи остатокъ арійскаго обычая—признанія отцемъ дитяти и присоединенія его чрезъ то къ извѣстному роду. Фюстель де Куланжъ въ соч. Древнее общество (Сктп. 67 г., стр. 66 и 67) объясняетъ, что въ Римѣ, Греціи и Индіи отецъ собиралъ семейство, призывалъ свидѣтелей, приносилъ жертву очагу и обнесеніемъ новорожденнаго вокругъ огня установлялъ религіозную и нравственную связь младенца съ семьей. Необходимость такого публичнаго заявленія отца о новорожденномъ съ чисто французскимъ остроуміемъ указана Жиро-Телономъ: материнство, говоритъ онъ, выражается очевидною, чисто физическою связью ребенка съ матерью. Отчество (paternité) не исходитъ изъ такого очевиднаго факта и, являясь предположеніемъ, нуждается въ особомъ юридическомъ актѣ явственнаго или молчаливаго усыновленія. Бракъ въ Греціи и Римѣ не былъ самъ по себѣ достаточнымъ для установленія происхожденія. Только поднятыя отцемъ съ земли дѣти получали воспитаніе. (Les origines de la famille par A. Giraud-Teulon. Genève, Paris. 1874 p. 203—205). Необходимость продыринъ, по моему мнѣнію, логически вытекаетъ изъ принципа тайны при родахъ.

Примѣчаніе 2-е. Значеніе дѣятельности бабы при родахъ. Дѣйствія бабъ при родахъ также носятъ на себѣ признаки культурнаго переживанія. Когда люди селились отдѣльными дворищами, печищами, то обязанности бабки только и могла, конечно, исполнять старшая родственница. И теперь, напр., у Осетинъ бабка, принявшая ребенка, считается родной. (Соврем. обычай и законъ Ковал. Москва. 1886 г., стр. 312) То же и у насъ, что доказывается, во 1-хъ) тѣмъ обстоятельствомъ, что отношенія бабки къ призвавшему ее семейству не могутъ быть сведены къ договору, какъ и у Римлянъ. Уклониться отъ своей обязанности баба не можетъ—грѣшно. «Баба сужена» говоритъ народъ. Ничтожный гонораръ бабы, состоящій изъ 2 арш. холста или черваго платка, цѣной въ 20 к. („тилько що не ганчирка") назначается ей лишь за замѣну породили въ хозяйствѣ: печеніе хлѣба, изготовленіе двухъ обѣдовъ. Помощь породилѣ и принятіе младенца не оплачиваются. 2) Между бабой, породилей и принятыми дѣтьми устанавливаются отношенія, подобныя родственнымъ. На свят. вечеръ дѣти, наравнѣ съ кровными родичами и крестными отцемъ и матерью, ходятъ и къ бабѣ съ вечерей: кутей и медомъ. На Рождество мать принятаго ребенка приходитъ къ бабѣ съ хлѣбомъ, солью и водкой, на Свѣтлый праздникъ—съ крашанками, на проводахъ и поминальныхъ субботахъ—съ паляницами. Обязанности эти настолько священны по народному убѣжденію, „що якъ хрещеныкы не носытымуть вечерю хреснымъ батьку и матери, то буде конець викови."

3. Раннее дѣтство.

I. Народная дѣтская гигіена. Содержаніе ребенка: купель, пища. Отлученіе отъ груди. Ростъ дитяти, первыя слова и движенія. Пострижчины (постриги).

Малорусская дѣтская гигіена въ первые мѣсяцы жизни ребенка направлена главнымъ образомъ на то, чтобы сонъ дитяти былъ продолжителенъ и непрерывенъ. Этой цѣли служатъ: мѣрное покачиваніе колыбели, тугое повиваніе ребенка, однообразная мелодія колыбельныхъ пѣсенъ и частью также купель.

Новорожденное дитя купаютъ первыя шесть недѣль ежедневно или, по крайней мѣрѣ черезъ день въ водѣ до 30°/о съ примѣсью сѣна, деревія, чебреца, иначе чепчыка, листьевъ вишни и калины, также гвоздики. Кладя въ воду говорятъ: „мате водыця! а ты въ ій прысвятыся" [1]). Дитя заворачиваютъ въ пеленки и сливаютъ горстью или чашкой, прибавляя: „на тоби сонъ зъ усихъ сторонъ". Въ купели его измѣряютъ, сводя вмѣстѣ противоположный локоть и колѣно. При этомъ облизываютъ дитя и сплевываютъ. Купель считается удачной, если дитя въ ней уснуло. Купаютъ въ ночвахъ. Послѣ купели мать завѐртываетъ ребенка въ пеленки, сдѣланныя изъ стараго бѣлья, и связываетъ крестообразно узкимъ повивачемъ (крайкой), туго стягивая ножки. Пеленаютъ большею частью разъ въ день. Ма́ть, укладывая въ колыбель ребенка, молится: „Лягаю я спаты, коло мене Божая маты. Анголы въ головахъ, хранытели по бокахъ. Хранить мою душу зъ вечора до пивночи, а одъ пивночи до свиту, а одъ свиту до самаго вику" [2]).

Дитя лежитъ въ колыбели на подушкѣ изъ куриныхъ перьевъ, укутанное въ рядно. Если начинаетъ кричать, то закачиваютъ усиленно, толчками. скорѣй трусятъ, чѣмъ качаютъ. Продолжаютъ закачивать дитя годъ и два, покуда не появится новое, которому нужно освободить люльку. Дитя одѣваютъ до перваго причащенія (вводинъ) въ такъ называемый „пла́щокъ" или „плащечокъ"—рубашку безъ рукавовъ, а на вводины дѣлаютъ настоящую изъ крыжма.

Другая важная сторона физическаго воспитанія ребенка—пища состоитъ въ первое время жизни изъ материнскаго молока. Но даже въ случаѣ достаточнаго количества молока у матери прикармливаніе ребенка посторонними пищевыми средствами: жидкой пшенной кашей, писпой, квашей,

---

[1]) Въ главѣ о родинахъ было упомянуто о почитаніи воды, о слизываніи ребенка и объ осторожномъ обращеніи съ купелью. Остается добавить, что купель не выливаютъ къ ночи и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ходятъ люди, также подъ дерево, а туда, куда сходятся плетни. Въ жатву купель бываетъ только по воскресеньямъ.

[2]) Отъ Маріи Кунаковой, сел. Литвяковъ.

картофелемъ и тыквой начинается рано: на второмъ, третьемъ и четвертомъ мѣсяцѣ жизни дитяти. Эту пищу кладутъ въ свертокъ изъ стараго, мягкаго холста, такъ называемую куклу, и запихиваютъ ею ротъ дитяти. Гораздо раньше полугодія разрѣшаются также дѣтямъ свѣжіе овощи и фрукты. Вода нѣсколько позже, съ 8, 9 мѣсяца, такъ какъ до того дитя поятъ ангелы. Крестьянки никогда не пригоняютъ кормленія грудью къ опредѣленному времени, но кормятъ постоянно, насколько позволяютъ работы; „Якъ заплаче, такъ и цыцьку", начиная только всегда кормить правою грудью для того, чтобы дитя не было лѣвшей. Недостатокъ или отсутствіе молока у матери настоящее бѣдствіе. Женское молоко замѣняютъ коровьимъ или овечьимъ, разведеннымъ на треть или на половину водою,—иногда совсѣмъ не разведеннымъ, что зависитъ отъ густоты молока. Кормятъ соской. Но такъ какъ коровье молоко за уменьшеніемъ числа коровъ доставать трудно, то дитя кормятъ указанной выше пищей, также размоченной булкой. Въ такомъ случаѣ дитя иногда умираетъ отъ голода или отъ воспаленія кишечника. Еще чаще умираетъ оно, оставшись сироткой безъ матери.

При достаточномъ количествѣ молока въ груди крестьянка старается кормить дитя какъ можно дольше: до двухъ лѣтъ или до новой беременности. „Порожня годуе два годы". Стараются не отлучать въ постъ, а предъ постомъ, особенно предъ Спасовкой. Иныя матери выбираютъ для отлученія день рожденія дитяти. Другія предпочитаютъ пятницу. Кромѣ общеизвѣстнаго способа отлученія, т. е. предложенія матерью ребенку черезъ плечо хлѣба и соли, иногда и яйца, съ объявленіемъ: „на тоби хлибъ и силь, а на цыцьку не надійсь!"—есть еще слѣдующіе пріемы. Мать надѣваетъ себѣ рубашку грудью на спину для того, чтобы дитя не нашло пазухи; или прячетъ за пазуху щетинную щетку, которою мычутъ мычки, тыкаетъ ею ребенка и говоритъ: „вова!" Также мажетъ сосокъ сажею и перцемъ. Отлучивъ ребенка, его кормятъ иногда цѣлую недѣлю булкой, размоченной съ сахаромъ. Разъ отлученное дитя нельзя уже подъ опасеніемъ глупости припускать къ груди вторично. Подростая, дитя часто до года произноситъ общечеловѣческія слова: мамо, тато, бабо. До того „гукаетъ". Если первое произнесенное ребенкомъ слово будетъ мама, то у матери родится слѣдующее дитя дѣвочка, а если—тато, то мальчикъ.

На третьемъ мѣсяцѣ и раньше дитя уже садятъ въ деревянную коробку или сито, а затѣмъ и на полъ. Съ восьми мѣсяцевъ оно уже начинаетъ ходить. Учатъ ходить посредствомъ „постоячки", состоящей изъ двухъ круговъ на четырехъ ножкахъ. Въ средину ставятъ дитя. Постоячка дѣлается для того, чтобы ребенокъ не мѣшалъ занятіямъ. Вообще по бытовымъ условіямъ мать не можетъ удѣлять много времени дитяти. Большое счастіе, если бабуся можетъ замѣнить мать. Въ противномъ случаѣ дитя

отдается на руки старшей сестры, иногда дѣвочки 6—7 лѣтъ. Неудивительно, если охраняемое такою нянькой дитя пощипаютъ гуси или ранитъ свинья.

Первый годъ жизни ребенка оканчивается маленькимъ семейнымъ праздникомъ — обстрыжчынами или пострыжчынами. Во время праздника дитя садятъ на столъ, мальчика на сѣкирѣ, для того, чтобы изъ него вышелъ искусный мастеръ, а дѣвочку на конопли въ надеждѣ имѣть впослѣдствіи хорошую пряху. Баба, принимавшая ребенка, обрѣзываетъ ему волосы ножницами прежде крестообразно, а потомъ остригаетъ всю голову [1]). Конопли отдаютъ бабѣ. Она, домашніе и сосѣдки выпиваютъ полкварты водки и слегка закусываютъ мягкимъ хлѣбомъ съ сметаной или жареной рыбой. У богатырей на постригахъ малютку ставятъ ножками въ водку для того, чтобъ скорѣй ходила.

II. Народная дѣтская медицина. Болѣзненныя состоянія первыхъ дней жизни. Нервныя страданія.

Воспаленіе глазъ новорожденнаго и внутренней части уха (якъ въ ушку крутыть), народная медицина лѣчитъ однимъ и тѣмъ же средствомъ—впрыскиваніемъ покорма. Воспаленіе же слизистой оболочки рта—„плиснявку“ (молочницу)—разными средствами. Перевариваютъ „синій каминець“ (cuprum sulfuricum) съ медомъ и мажутъ языкъ дитяти. Синій камень замѣняютъ иногда перцемъ и гвоздикой. Пріобрѣтаютъ въ аптекѣ розовый медъ. Подносятъ дитя къ свиному корыту и мажутъ ему языкъ помоями, говоря трижды: „тоди плыснявка нападе, якъ на долони волосся пороcте“. Средство это примѣняютъ только тогда, когда кормится черная свинья. Также вытираютъ ротъ дитяти косою матери. Страданія легкихъ—„стыскы“ („якъ у грудяхъ важко“) думаютъ излѣчить воробьинымъ каломъ („горобынцемъ“) настояннымъ на теплой „стритеньскій“ водѣ, которой трутъ грудь и спину дитяти; даютъ немного и внутрь. Разстройство пищеваренія у дитяти, выражающееся въ рвотѣ и поносѣ, на первыхъ порахъ ничѣмъ не лѣчатъ, считая, что дитя очищается, а отъ запора (якъ не каля) впихаютъ въ задній проходъ кусокъ мыла, смазанный оливой. При рѣзи въ животѣ разбиваютъ яйцо въ горящую водку и прикладываютъ въ тряпкѣ на пупокъ. Прикладываютъ также къ пупку яйцо съ солью. Животъ растираютъ оливой; внутрь дается отваръ мяты. При разстройствѣ пищеваренія даютъ еще тертый сургучъ съ круглой сѣркой въ покормѣ. Гноеніе пупка залѣчиваютъ покормомъ, а пупочную грыжу загрызаютъ. Грызть съ успѣхомъ

---

[1]) По разъясненію профессора Н. Ѳ. Сумцова постриги — сокращеніе человѣческой жертвы въ смыслѣ pars pro toto. Религ. миѳ. знач. малор. свадьбы. Кіевъ. 1885 г., стр. 8.

можетъ только первенецъ. Онъ трижды приговариваетъ: „ой у грызи девять зубивъ. Одъ девяты до восьмы, одъ восьмы до семи и т. д. одъ двохъ до одного, одъ одного ни до одного" [1]). Кладутъ еще на пупокъ мѣдную монету стараго образца, но пупокъ и животъ никогда не бинтуютъ. При недержаніи мочи подкуриваютъ дитя смолой и калганомъ; при задержкѣ ея—поятъ настоемъ петрушки и сѣкирокъ. Стираютъ скипидаромъ. Красную и пузырчатую сыпь ничѣмъ не лѣчатъ, полагая, что ребенокъ очищается (дытына цвите, тильце молодытця). Прѣль засыпаютъ гречневой мукой или пылью изъ гнилаго дерева, просѣянными на густомъ ситѣ. Отъ шероховатости кожи—„шерсты" (щетинки) купаютъ въ непочатой водѣ съ золой, просѣянной оборотомъ руки („на выдли"). Отъ рожистаго воспаленія прикладываютъ къ покраснѣвшему мѣсту мѣлъ съ однолѣтними побѣгами бузины, или только эти побѣги, предварительно смазавъ воспаленное мѣсто оливой.

Народная медицина не различаетъ опасной формы желтухи (жовтяныци), сопровождающей гноеотравленіе крови, отъ неопасной, состоящей въ простудѣ кожи. Въ обоихъ случаяхъ купаютъ дитя въ купели, приготовленной особеннымъ способомъ. Именно женщина садится на порогѣ избы, обнажившись до пояса и прядетъ лѣвой рукой (навпакы). Затѣмъ приноситъ непочатой воды, не здороваясь и не заговаривая ни съ кѣмъ. Воду ставитъ возлѣ порога и черезъ порогъ наливаетъ ночвы, куда бросаетъ упомянутую пряжу. Грѣетъ купель, купаетъ въ ней трижды дитя и выливаетъ воду въ то мѣсто, гдѣ сходятся плетни [2]). Кромѣ этого способа кладутъ еще въ нагрѣтую какъ обыкновенно купель вѣнчальное кольцо и мѣдныя деньги взамѣнъ золотыхъ перстней и червонцевъ, также матирку, горицвѣтъ и „стрючковате зилля" и купаютъ дитя, и на ночь кладутъ ему подъ головы ножъ.

Подъ сухотами нужно понимать крайнюю худобу ребенка, происходящую отъ дурного содержанія, природныхъ недостатковъ, препятствующихъ питанію, а быть можетъ и отъ наслѣдственной чахотки, по крайней мѣрѣ въ польскомъ языкѣ слово это означаетъ чахотку.

Отъ сухотъ нужно скупать трижды ребенка въ водѣ, въ которую положена земля изъ трехъ нечищенныхъ рвовъ, солома и жито изъ трехъ токовъ и трехъ стоговъ. Послѣ такой купели воду выливаютъ подъ вербу.

Также, нагрѣвъ воду, бросить туда „тричи по девять" варениковъ, слѣпленныхъ изъ земли, взятой съ покутя. Скупать трижды дитя, а затѣмъ, поймавъ чужое черное животное: курицу, кошку, собаченку, скупать

---

1) Отъ Маріи Кириленковой с. Тишокъ.

2) Отъ кр. с. Волчка Маріи Шевченковой.

и его и выбросить на дворъ, а воду слить въ мѣстѣ соединенія плетней. Животное погибнетъ, а дитя будетъ здорово [1]). Также, сваривъ жидкую кашу съ саломъ, скупать въ ней дитя и отдать купель съѣсть собакѣ. Послѣдняя сдохнетъ, а дитя выздоровѣетъ.

Кромѣ того купаютъ дитя въ настоѣ изъ трехъ корней: шиповника (шепшыны), терна и чернаго глода или въ настоѣ жостира, глода и калины.

Отъ уроковъ, т. е. лихорадочнаго состоянія, произведеннаго какъ дурнымъ глазомъ, такъ и завистливой похвалой, предохраняютъ дитя тѣмъ, что отправляясь въ церковь, на порогѣ хаты колятъ иглой безъ нитки трижды двери крестообразно, начиная съ глухаго угла, а затѣмъ закалываютъ иголку въ шапку дитяти „щобъ нищо не урекло". Также, унося дитя изъ дома, умываютъ его изъ помойницы. Наступившіе уроки излѣчиваютъ такимъ образомъ: мать беретъ дитя на ладонь и трижды слизываетъ, затѣмъ кладетъ дитя на разостланный мѣшокъ и, переступая три раза черезъ дитя, говоритъ: „яка маты вродыла, тай отходыла". Послѣ того, мать, оборотомъ руки, ея поверхностью („на выдли"), обмываетъ личико ребенка освященной водой. Заговариваютъ уроки такъ:

„Урокы, урочыща! Тутъ вамъ не буваты, червонои кровы не пыты, жовтои косты не ломыты. Идить соби на очерета, на болота, на дыки степа, де пивень не спива, де козакъ коня не сидла, де сонце не сходе, де людьскый гласъ не заходе. А ты, вразе, вразочку, Божій чоловичку! Стань соби на мистечку. Викъ викомъ, а судъ судомъ. Аминь тому слову [2]). Или такъ:

„Ходылы урокы коло переволокы, а я ти урокы на очерета, на болота, на попови ворота, а зъ тихъ воритъ тому (сатани) въ жывитъ. Дакъ я зъ тебе прынимаю на себе, а зъ себе высылаю на дыма, на болота, на дерева и на очерета. Изъ поповихъ воритъ сатани въ жывитъ [3]).

Для излѣченія уроковъ берутъ деркачъ, бьютъ по колыбели, приговаривая: „урокы, сорокы!" [4]).

Мать предохраняетъ дитя отъ безсонницы, кладя ему подъ головы на ночь гребешокъ, а подъ подушку головки мака. Даетъ пить макъ [5]) или впрыскиваетъ въ уши сокъ лука. Нельзя на ночь оставлять ложекъ и ножей въ мискѣ, а гребня въ днищѣ. Безсонница осложняется еще иногда особымъ нервнымъ состояніемъ ребенка—крикливицами, громкимъ крикомъ безъ слезъ, при которомъ дитя запрокидываетъ головку назадъ, „заходытця". Кричитъ не постоянно, а время отъ времени. Крикливицы могутъ быть до

[1]) Отъ М. Шевченковой.

[2]) И заговоръ, и средство отъ Маріи Кириленковой 46 лѣтъ, с. Тишковъ.

[3]) Отъ Литвяковскаго дида Василія Кирченко.

[4]) Отъ Маріи Шевченковой с. Волчка.

[5]) О вредномъ обыкновеніи поить макомъ у Чуб., т. 4, стр. 17.

шести недѣль естественными, „родовытыми", а послѣ того „пороблеными", „насланными" другою женщиною отъ своихъ дѣтей. Крикливицы излѣчиваютъ такимъ же почти пріемомъ, какъ и уроки. Мать несетъ дитя къ „сидалу, пидъ куры" и кладетъ на землю: дѣвочку лицомъ къ печи, возлѣ которой должна впослѣдствіи проходить большая часть ея жизни, а мальчика лицомъ къ окну. Мать переступаетъ трижды дитя, приговаривая „яка вродыла, тай отходыла", и переодѣваетъ его въ другую одежду.

Изгоняютъ крикливицы такъ: мать выходитъ изъ хаты и, подойдя къ окну, говоритъ:

— Добривечиръ вамъ!

— Здоровы! отвѣчаютъ присутствующіе въ хатѣ.

— Чы дома ваши крыклывыци?

— Дома.

— Нехай идуть до насъ на вечерныци: у насъ музыкы грають, дивкы спивають и крыклывець бажають. Затѣмъ мать обходитъ трижды вокругъ хаты [1]).

Въ другомъ варіантѣ спрашиваетъ постороннее лице, а мать, вымитая хату, отвѣчаетъ такъ же, какъ и въ первомъ варіантѣ. Конецъ такой: „Хай идуть на улыцю, де челядь спивае и крыклывыци дожыдае" [2]).

Въ третьемъ варіантѣ женщина заходитъ со двора съ причилка и спрашиваетъ въ окно:

— Добривечиръ! чы дома ваши дивыци?

— Нема нашихъ дивыць, пишлы на вечерныци, понеслы крыклывыци, сонлывыци на вечерныци.

Баба повторяетъ вопросъ въ каждое окно.

Есть и заговоръ отъ крикливецъ. Дуютъ на ребенка и, взглянувъ на небо, говорятъ:

„Вы зори, зорныци, Божіи помишныци! Прыйдить, прынесить нароженому, молытвяному, хрещеному Ивасю соннывыцю, дримнывыцю, а одъ его одберить крыклывыци и плаксывыци и понесить на вечерныци, де дивыци гуляють. Тамъ ихъ проспивають.

Мать слизываетъ трижды накрестъ дитя и трижды плюетъ [3]).

Перехидъ понятіе сложное. Сюда входятъ болѣзненныя состоянія различныхъ періодовъ жизни. Подъ перехидомъ (родимцемъ) у дѣтей понимаютъ сильныя судороги, осложняющія иногда прорѣзаніе зубовъ, но могущія быть и гораздо раньше, даже при родахъ, какъ было выше объяснено. Ребенка въ перехидѣ покрываютъ чернымъ платкомъ или запаской

---

[1] и [2]) Отъ Евгеніи Недилькиной и Анны Мартыщенковой с. Литвяковъ.

[3]) Отъ г-жи—ской.

и молчать, чтобъ не обезпокоить его. На ночь кладутъ спать на желѣзѣ: серпѣ, долотѣ или лемишѣ [1]). Надрѣзають палецъ отцу, а если его нѣтъ, то матери и, взявъ иглой крови изъ порѣза, пишутъ дитяти крестики на лбу, щекахъ, подбородкѣ, рукахъ и ногахъ. Соски матери смазываютъ смирной.

Впрочемъ народная медицина склоняется къ мнѣнію, что перехидъ неизлѣчимъ.

Списокъ растеній, употребляемыхъ при женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ и въ дѣтской купели, упомянутыхъ въ сборникѣ:

Сокирки—delphinium ajacis.
Аеръ—acorus calamus.
Живокостъ—symphytum officinale.
Товстушка—gentiana cruciata.
Рута—ruta graveolens.
Огирочныкъ—borrago officinalis.
Оманъ—verbascum nigrum.
Хробустъ—cirsium oler aceum или carduus crispus.
Пивонія—paeonia corollina.
Ромашка—matricaria chamomilla.
Конопля—cannabis sativa.
Хмѣль—humulus lupulus.
Нехворощь—artemisia scoparia.
Деревій—achillea millefolium.
Чебрець (чепчыкъ)—thymus serpyllum.
Калина—viburnum opulus.
Гвоздика—tagetes patula.
Бузина—sambucus nigra.
Жостиръ—rhamnus cathartica.
Глодъ—crathaegus monogyna.
Шиповникъ—rosa canina.
Теренъ—prunus spinosa.
Макъ—papaver somniferum.

III. Колыбельныя пѣсни.

Колыбельныя пѣсни Лубенскаго уѣзда, какъ и всякія другія колыбельныя пѣсни, имѣя задачей усыпить ребенка, характеризуются: монотоннымъ напѣвомъ, обиліемъ уменьшительныхъ словъ дѣтскаго языка съ преобладаніемъ мягкой согласной л, и несложнымъ содержаніемъ, преимущественно изъ жизни животныхъ, окружающихъ колыбель ребенка. Часто колыбельныя пѣсни замѣняются однимъ припѣвомъ: люли, люли, люли.

1.

Ой сонъ ходыть по долыни
Клыче маты до дытыны:
Ой, соночку, соколочку!
Иды до насъ въ колысочку,
Прыспы нашу дытыночку.

(записана въ 1891 г. отъ козачки Ксеніи Дивинской м. Снѣтина).

2.

Ходыть сонько по долыни
Маты гука до дытыны:
Ой ну, соньку, въ колысоньку
Заколышы дытыноньку.
Вона хоче тай не спыть
Мабуть его дубцемъ быть.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Наталіи Грицаевой 20 л.).

---

[1]) Тоже у Чуб. т. 4, стр. 17.

3.

Ходе сонько по комышу
Я дытыну заколышу.
Иды, соньку, въ колысоньку
Заколышы дытыноньку.

(записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.).
(Чуб. т. 4, стр. 20, № 15, А. Начало сходное съ вторымъ варіантомъ).

4.

Ходыть сонокъ по долыни,
Клыче маты до дытыны!
Иды соньку въ колысоньку
Прыспы нашу дытыноньку.
У насъ хата тепленькая
И дытына маленькая;
Колысочка новенькая.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой 55 л.).

5.

Ой ну люли, люли,
Налетилы гули
Изъ чужои стороны
До нашои дытыны.
Сталы думать и гадать
Чимъ дытыну дарувать:
Чи сонькамы, чи дримкамы,
Червоными ягидкамы.
Сонькы, дримкы въ головонькы,
А ростонькы въ костонькы.
Розумъ добрый въ головоньку.

(въ 93 г. отъ коз. х. Гребищъ, Домникіи Гавриленковой).

6.

Ой ну люли, люли!
Налынулы гули,
Силы на воротяхъ
Въ червонихъ чоботяхъ.
Сталы думать и гадать
Чымъ дытыну годувать.
Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы по с....... деркачемъ [1]).

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой 16 л.).

7.

вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поютъ:

Налетилы гули
Тай силы на люли.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Елены Кунаковой 14 л.).

8.

Ой ну люли, люли!
Прылынулы гули
Тай силы на люли.
Тай сталы гадаты
Чимъ дытыну дaруваты·
Далы ій сонькы,
А сонькы въ головкы,
А дримныци въ очыци,
А ростонькы въ костонькы.

(записана въ 1890 г. отъ Мароы Малькиной 16 л. с. Волчка).

9.

Послѣ первыхъ трехъ строкъ, такъ:

Сталы думаты, гадаты
Що дытыни даруваты.
Подаруймо сонькы, дримкы.
Сонькы—дримкы въ головонькы,
А ростонькы—у костонькы,
Здоровьячко—у сердечко
А розумъ у головоньку.
Щобъ спало, щастя мало,
И щобъ росло, не болило,
Щобъ матинкы не доило.

(записана въ 1891 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Гетьмановой 25 л.)

---

[1]) Чы пшеничнымъ калачемъ.

10.

После словъ: „сталы думаты, гадаты“, такъ:

Чимъ дытыну забавляты;
Далы ёму тры квиточкы:
Одну квитку сонлывую,
Другу квитку дримлывую,
А третюю—щаслывую.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

11.

После первыхъ трехъ строкъ поютъ:

Ой вы, гули, не гудить!
Намъ дытыны не збудить
У насъ дытына маленька
И спатонькы раденька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софiи Писаренковой л. 50-ти).

12.

Налетилы гули
Посидалы на люли.
Сталы думать, та гадать:
Чымъ дытыну годувать?
Чы кашкою, молочкомъ,
Чы бублычкомъ изъ медкомъ?

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Устиньи Початкиной 17 л.).

13.

После словъ: „въ червонихъ чоботяхъ“, такъ:

Силы на колысци
Въ червонимъ намысти.
Сталы думать и гадать:
Чимъ дытыну годувать?
Чы вареничкомъ
Изъ вареннячкомъ?
Чы кутыцею
Изъ сытыцею?
Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы по ж..... деркачемъ?

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

14.

Чы кашкою, чы борщемъ,
Чы бублычкомъ, калачемъ,
Чы лемишкою, кулишемъ?

(въ 94 г. отъ Д. Гавриленковой).

15.

Ой ну люли, дытя, спать!
А я буду колыхать.
Колыхаю тай не спыть
Дайте дубця буду быть.
Зъ высокои дубыны,
Зъ червонои калыны
Для малои дытыны.

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

16.

Люли, люли, люлечкы,
Шовковiи вирвечкы;
Малевани быльця
Заколышу чернобривця.
Заколышу, залюляю,
Сама пиду погуляю.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

17.

После первыхъ трехъ строчекъ, такъ:

А дытыни спыться.
Засны, засны, задримай
И ничого не думай.

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсія Батіенка 18 л.).

18.

Ой ну люли, люлечкы!
Шовковыи вервечкы,
Малеваны быльця.
Ходимъ до Кырыльця.
Що Кырылець робыть?
Винъ лыстонькы пыше
Дытыну колыше.

(записана въ 1890 г. отъ коз. с. Литвяковъ Ганны Мартыщенковой 12 л.).

19.

После первыхъ трехъ строкъ поютъ:

А дытыни спыться, и тѣмъ кончаютъ.

(записана въ 90 г. отъ коз. с. Литвяковъ Ѳедосіи Пулехиной лѣтъ 50).

20.

После первыхъ четырехъ строкъ также поютъ:

А въ Кырыльця хресты пышуть
На люлычку легко дышуть.
А люлычка малесенька
Дытя спаты радесенько.

(отъ кр. с. Литвяковъ Настасіи Шерстюковой 16 л.).

21.

После первыхъ трехъ строчекъ:

Колыше сестрыця
Братця чорнобривця.

(въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 18 л.).

Вар., приведенный въ ст. Ящуржинскаго—К. Ст. 93 г., № 7, стр. 82, VIII, схожъ съ настоящимъ.

22.

После словъ:

Що Кырылець робе?
Пысаночкы пыше,
Дытятко колыше.

(записана въ 1893 г. отъ кр. с. Вильшанки Маріи Харлановой 50 л.).

23.

После словъ: „пиду до Кырыльця“, такъ:

А въ Кырыльця вечеря
Буде рыбка печена,
Курятына жарена,
Лебедына варена.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

24.

После словъ:

Що Кырылко робыть?
Черевычкы кроить.
И пошывъ, покувавъ,
Пидъ лавкою заховавъ,
А съ пидъ лавки на торжокъ,
Тай продавъ за шажокъ.

(въ 94 г. отъ коз. х. Гребищъ Домахи Гавриленковой 23 л.).

25.

Послѣ словъ „що Кырыло робыть", поютъ:

Нема ёго дома
Пишовъ въ лисъ по дрова.
Сами Кирылята
Шіють чоботята
Та не дорогіи
По тры золотіи.
Не сихъ шевцивъ,
А переясливцивъ.

(записана въ 1890 г. отъ Софіи Писаренковой, кр. хут. Тернавщины Матяшовской вол. лѣтъ за 50).

26.

Послѣ словъ 1-го варіанта—дытыну колыше:

Лыстоньки чытае
Дытыну хытае.
Лыстоньки малюе
Дытыну годуе.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

27.

Ой ну люли тазочкы
Тамъ шовкови клубочкы.
Золотіи крыльця,
Малеваны быльця.
Пишлы до Кирыльця.
Що Кырылець робыть?
Черевычкы кроить.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Березоточи Татьяны Пироговой 20 л.).

28.

Дивчачая кра́са
Пиды до Тараса
А що Тарасъ робыть?
Били лысты пыше,
На княгыню дыше.
Люба й мыла княгыня!
Пидскочъ пидъ вербыцю,
По холодну водыцю.
—Такъ вовка боюся.
А вовкъ у болоти,
А дытына въ срибри, злоти.

(въ 93 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

29.

Ой ну, коте!
Котъ воръ
На виконечко скикъ,.
А зъ виконьця на торжокъ
Купывъ Ивасю кожушокъ.
Ой на Ивасю износы,
Бильшъ у мене не просы.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшов. вол., Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

30.

Ой китъ, воркитъ
Скочывъ на виконце,
А зъ виконця на торжокъ,
Купывъ соби пырожокъ.
Скочывъ на колыску
Тай ставъ воркотать,
Дытыни спать не давать.
Ты, котыку, лясны,
То дытына засне,
А ты, сирый, воркны,
Дытына умовкне.

(въ 94 г., отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

31.

Ой ну, котку воркитъ,
На колысочку скикъ,
А съ колыски на торжокъ;
Купывъ соби кожушокъ.
Треба съ того котка знять
Та Ганнуси отдать,
А щобъ було тепло спать
У день, у день и въ ночи,
У запичку и въ печи
И доли и на двори
И въ синяхъ и въ комори.

(въ 1893 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

32.

Ой китъ—воркитъ
На виконечко скикъ,
А зъ виконьця на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ
И шапочку бибровую
И стёжечку шовковую
Треба съ котка зняты,
А дытыни даты
Щобъ тепленько було спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой м. Снѣтина).

Двѣ пѣсни у Чуб. въ 4 т. схожи съ настоящей: № 27, стр. 24 и № 30, стр. 25.

33.

Ой китъ—воркитъ
По загирьячкамъ скикъ,
Перепелочкы ловывъ,
А що вловывъ, тай пропывъ,
Шынкарочци заплатывъ:
— Шынкарочко Галя,
Пошый мени лёлю,
А я тоби заплачу
Тры пивныка прытащу.

(записана въ 1890 г. отъ козачки с. Волчка Маріи Шостаковой 13 л.).

34.

Ой ну люли, кицю,
Пожены телыцю
На попови толокы
Тамъ травыци по бокы
Воны напасуться
Водыци напьються
У домъ прытрясуться.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой сел. Литвяковъ).

35.

Вмѣсто первыхъ двухъ строчекъ:

Люлю, люлю, люлята
Гонять дивкы телята и т. д.

(записана въ 1890 г. отъ Маріи Одокіенковой).

36.

Ой, ну, котусю!
Займы нашу телусю,
Пожены на пашу
Щобъ прынесла на кашу,
А матинка здое
Дытятко напое.

(записана въ 1892 г. отъ кр. х. Николаевки, Матяшевской вол., Веклы Калениченковой).

Вар. Кіев. Стар. 1894 г., № 3, № пѣсни 2, стр. 560.

37.

После первыхъ двухъ строчекъ, такъ:

На попови толокы
Де травыци по бокы.
Тамъ трава и вода
И зелена лобода
Воно й напасеться,
Водыци напьеться.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Кириленковой 40 л.).

38.

Ой ну люли, люлята,
Пасуть дивкы телята
На поповій толоци,
Тамъ травыци по бокы.
У травыци напасуться,
Водыци напьються
И намъ похвалються:
Що добре вытали,
Часто напувалы
Водыцею чыстенькою
Травыцею зелененькою.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).
Вар. въ Кіев. Стар. 94 г., № 3, стр. 561.

39.

Люли, люли, люлята
Женуть дивкы телята
На попови толокы,
Тамъ травыци по бокы.
Воны напасуться,
Водыци напьються
И додомку прытрясуться.

(записана въ 1891 г. отъ Литвяковской кр. дѣвочки Маріи Одокіенковой 8 л.).

40.

Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ поютъ:

О ну, люли, кыцю
Пожены телыцю.

(отъ Варвары Максимейковой).

41.

Послѣднюю строчку замѣняютъ:

Тай такъ полягають
Тай такъ позасыпають.

(отъ Анны Мартыщенковой).

42.

Или:

Коровка напасетьця
И до дому прытрясетьця,
А матинка сдоить,
Ивася напоить.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зинаиды Дорошенковой 17 л.).

43.

Люли, люли, люлята!
Гонить хлопци телята.
Теляточка напасуться
Въ хливець заженуться.
Полягають спаты,
Пастушка сгадають.
А пастушокъ у мишокъ,
А зъ мишечка въ торбыночку.
Прыспы нашу дытыночку.
Засны, засны, задримай
Та ничого не думай.

(въ 94 г. отъ кр. с. Литвяковъ Овсѣя Батіенка 18 л.).

44.

Ой, ну люли, котку!...
Пишла кыця по водыцю,
Тай упала у крыныцю.
Пишовъ котыкъ рятувать
За ушечко вытягать.
Ой будь кыцю весела
Пойидемо на села.
Тай уловымъ мышку
Тай укынемъ въ колыску.
Мышка буде граты,
А китъ буде воркотаты,
А дытына буде спаты.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросиніи Бучакиной 60 л.).

У Чуб. т. 4-й, № 26, стр. 24 сходства очень мало, также и въ вар. Ящуржинскаго. Повѣрьы родинъ. (Кіев. Стар. 7, стр. 82, № VI).

45.

После 5-й строчки такъ:

Вытягъ кишку за ухо
Да посадывъ де сухо.
Сыды кишко а ты тутъ,
А я пиду найду прутъ.
Тай выорю нывку
Тай посію матерынку.
Матерынка цвистыме,
А Парася ростыме.
Матерынку пожнемо,
Та повеземъ продамо,
А Параси на плаття
наберемо.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновщины Ѳедосіи Бойченковой 19 л.).

46.

Ой ну, люли, люли!
Коткови дули,
А дытынци калачи,
Що спыть у день и въ ночи:
Въ ночи на печи,
Въ ранци на лавци,—
Нашій дытыни коханци,
А коханци ляльци
Горилочка въ склянци
И медокъ солодокъ
И пшеничный перижокъ.
Медомъ помажемъ,
А дытыни покажемъ;
Самы зъимо,
А дытыни не дамо.

(въ 93 г. отъ коз. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

47.

Ой люли, люли,
Коточкови дули.
Настя пава
Пыво варыла
Кравцивъ маныла.
Кравець у хливець
Не полохай овець.
Пополохавъ вивци,
Пишлы вивци
По пидвирцю.
А ты коточокъ
Не ховайся въ куточокъ,
Та зажены овечокъ
Хай воны не блудять.
И вовночкы не гублять.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины, Матяшовской вол., Софіи Писаренковой 50 л.).

48.

Ой ну, коте муругый,
Колыбъ намъ такый и другый.
Та запряглы у возокъ,
Та пойихалы въ лисокъ,
Та нарубалы хмызку,
Та заплелы хыжку,
Та загналы овечечку стрыжку.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Марины Василенковой 55 л.).

49.

Ой ты, коте рябку,
Та выметы хатку,
А ты, коте сирый,
Та выметы сины,
А ты, коте муругый,
Та якъ бы щей другый,
То було бъ васъ пара
И дытына бъ спала.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

50.

Ой ты, коте сирый,
Ты выметы сины,
А ты, волохатый,
Бижы кругомъ хаты.
Тилькы, котку, не мурчы
Намъ дытыны не збуды.
У насъ дытына маленька.
Вона спаты раденька,
А хочъ хоче, та не спыть
Треба кота дубцемъ быть.
Ой щобъ росло, не болило
И матинкы не доило.
Соньки, дримкы въ головонькы,
А ростонькы на костонькы.

(записана въ 1890 г. отъ кр. хут. Тернавщины Софіи Писаренковой 50 л.).

Чуб. т. 4, № 23, стр. 23 сходства почти нѣтъ.

51.

Ой ты, коте сирый,
Та выметы сины;
А ты, кишко, не ворчы,
Пиды смиття одымчы.
А ты, коте муругый,
Прыйды до насъ щей другый.
До нашои хаты
Дитокъ колыхаты.
У насъ хата тепленька
И дытына маленька,
Вона спаты раденька.
А щобъ спало не плакало,
А щобъ росло, якъ зъ воды йшло,
А щобъ росло не болило
И въ головци розумъ мило.

(въ 93 г., отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

52.

Э... э... люлыно,
Засны, мала дытыно!
И щобъ спало не плакало,
И щобъ росло не болило
Й на серденьку не скорбило.

(въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Маріи Денисенковой).

53.

Ой ну люли котарю,
Та выметы кошару,
А ты, котко рудю,
Та выметы грубу,
А ты, котку волохатый,
Тай обметы коло хаты.

(записана въ 1892 г. отъ кр. м. Снѣтина Маріи Денисенковой).

54.

Ой ты, коте рябку!
Та заметы хатку,
А ты, коте сирый,
Та заметы сины,
А ты, коте рудьку,
Пидтопы намъ грубку;
А ты, коте волохатый,
Та не ходы коло хаты,
Бо побьемо лапкы
Та будуть щемиты
Та будуть болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,
Нема ни лысточка,
Ни ныточкы шовку
Завьязать головку,
А щобъ не щéмило,
Щобъ не болило
И матинци не надоило.

(въ 93 г. отъ коз. Д. Гавриленковой изъ Гребищъ).

55.

Э... э... коточокъ! ходы
до насъ ночувать
И дытыну колыхать.
Будемъ котка быть,
Щобъ не вчывся такъ
робыть.
Быйте кота въ губы,
Щобъ не просывъ бубы.
Быйте кота въ лапы,
Щобъ не просывъ папы.
За що его дурно быть?
Котко буде молотыть.
Котко сирый,
Та выметы сины.
Хоть вымету та не я—
Есть у мене кошеня.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой 20 л.).

56.

Ой, котыку рябку,
Та вымитай хатку,
А ты, котку сирый,
Та вымитай сины,
А ты, котку—котарю,
Та вымитай кошару,
Выженемо овечкы
Щобъ по гирци не ходылы
Дитокъ малыхъ не будылы
Щобъ вовныци не губылы
Въ насъ вовныця дорогая,
У насъ дытына малая.

(записана въ 1890 г. отъ кр. сел. Литвяковъ Маріи Одокіенковой 8 лѣтъ).

57.

Ой ну, коте—котарю,
Займы вивци зъ кошары.
Нехай воны не блудять
И вовныци не гублять.
Теперъ вовныця дорога,
Якъ руненьце, такъ копа.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Зиновіи Дорошенковой 17 л.).

58.

Ой ну люли, китку,
Укравъ въ бабы квитку.
Ой ну люли, коточокъ,
Укравъ въ бабы клубочокъ
Тай сховався въ куточокъ.
Тилькы выдно хвосточокъ
Та лапочкы кусочокъ.
Треба котыка піймать
Тай хвостыка надрубать
И шубочку зъ его знять
Дытыну вкрывать.
Щобъ тепленько було
И велыке росло.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

59.

Е-е-е коточокъ
Заховався въ куточокъ
Тилько выдно хвосточокъ
Изъ сиреньких лапочокъ [1]).
А мы того коточка
Выженемо съ куточка
Щобъ по хати не ходывъ
И дытяти не збудывъ
Бо въ насъ дытя маленьке
Воно спаты раденьке.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой 65 л. м. Сиѣтина).

60.

(отъ Анны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ, записана въ 1891 г.

---

[1]) Та лапочкы шматочокъ, и этимъ кончается пѣсня.

61.

Ой ну люли, коточокъ,
Заховався въ куточокъ,
А дытя якъ прыйшло
Кота въ куточку найшло.
А я того коточка
Та выжену съ куточка
Щобъ по хати не ходывъ
И дытяти не збудывъ.
У насъ дытына маленька
Вона спаты раденька.

(записана въ 1891 году отъ казачки с. Хорошковъ, Снѣтинской волости, Лубенскаго уѣзда, Варвары Супруновой 21 года).

62.

Ой, ну люли, коточокъ,
Заховався въ куточокъ
Та поймавъ мышку
Укынувъ въ колыску.
Мышка буде граты,
А дытынка спаты.

(записана въ 1890 г. отъ Ганны Мартыщенковой 12 л. с. Литвяковъ).

63.

Ой ну, китку—котарю,
Та вымитай кошару
Тай уловы мышку
Та вкынь у колыску.

(далѣе какъ въ предыдущей).

(записана въ 1890 г. отъ Харитины Иваненковой 16 л., с. Литвяковъ).

Вар. у Ящуржинскаго (К. Стар., 7, 81 стр., № III).

64.

Ой ну, коту, котивъ два,
Ходить до насъ обыдва.
Ходить до насъ ночувать
Намъ дытыну колыхать
Дытыночка малесенька
Вона спаты радесенька.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой, 16 л.).

65 и 66.

Ой ты, коте чорный,
Та сидай у човенъ,
Та пойидемъ на лужокъ
Та наламнымъ квиточокъ
Та забавымъ диточокъ.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой 65 л., с. Литвяковъ).

....Поидь у долыну по червону калыну.....

67.

Ой ну люли, китку!
Та вкрадь, китку, плитку
Та понесы до Гали
Та положи на лави.
Стала Галя котка быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть;
А вчывся робыты,
Черевычкивъ шыты.
И пошывъ, покувавъ
И пидъ лавку поховавъ,
А съ пидъ лавкы на торжокъ
Та продамо за шажокъ
Та купымо перижокъ
И яблучко тее,
Що все золотее.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

68.

Ой ну люли, китку,
Тай укравъ квитку,
Та понисъ до Гали
Положывъ на лави.
Стала Галя котка быть:
Не вчысь котку такъ робыть
А вчыся робыты
Черевычкы шыты
Тай не дорогіи
По два золотіи
То по шесть,
То по пьять,
Куды ступыть—той рыплять.

(записана въ 1890 г. отъ крестьянской дѣвочки 12 л. Ганны Мартыщенковой).

69.

Первыя 2 стр. такъ:

Э...... э......, китку,
Та вкравъ же винъ плитку (рыбыну).

(въ 92 г. отъ кр. м. Снѣтина А. Гетьмановой).

70.

Послѣ словъ „по два золотіи“:

Та внесы шевцю,
Переясливцю.
Та не пошывъ, покорпавъ
Пидъ лавою поховавъ.

(записана въ 1890 г. отъ кр. Агафіи Шевченковой 60 л., м. Снѣтина).

71.

Второй стихъ замѣняютъ въ с. Волчкѣ такимъ:

Тай укравъ плитку.

(записано въ 1890 г. отъ Марѳы Малькиной 16 л.).
Ящурж. Кіев. Стар. 7, стр. 82, № VII.

72.

Ой ну люли дытына маленька,
Колысочка новенька,
Въ насъ дытына маленька,
Вона спаты раденька.
Вона хоче тай не спыть.
Дайте дубця кота быть,
Щобъ не вчывся такъ робыть.
Щобъ учывся робыты
Черевыченькы шыты
Та не сёго ременю,
Прывезены зъ Ромену.
Та не сихъ купцивъ,—
Переясливцивъ.

(въ 1892 г. отъ кр. х. Яновщины Ѳеодосіи Бойченковой 19 л.).

73.

Ой ну люли, котку,
Не лизь на колодку
Бо забьешъ головку,
Та буде болиты
Ничимъ завертиты.
Нема ни платочка,
Нема ни лысточка,
Одна була хустына
Тай ту вкрала дивчына
На куклы подрала
Куколъ наробыла
Хлопцивъ наманыла,
А хлопци молодци
Куклы попалылы
Дивчатъ попобылы.

(записана въ 1890 г. отъ Варвары Максимейковой лѣтъ 65, с. Литвяковъ).

74.

После словъ „куколъ наробылы“:

Дитокъ подражнылы. | Куклы погорилы | Дивкы подурилы.

(кр. Марія Одокіенкова восьми лѣтъ, с. Литвяковъ).

Весьма отличные варіанты, какъ отъ помѣщенной въ 4 т. Чуб., стр. 23, № 25, колыбельной пѣсни, такъ и отъ находящейся въ „Дитьски писни, казкы и загадкы“. Кіевъ, 76 г. стр. 7, № 13.

75.

После словъ „нема ни лысточка“, такъ:

Одна була хустына
Тай ту въ воду впустыла.
Сучы прачкы пралы
На куклы подралы.
Куколъ наробылы
Дитокъ поманылы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Маріи Кириленковой 46 л.).

76.

Ой ты, коте, коте нашъ,
Чы вміешъ ты оче нашъ?
—А я знаю лучше васъ,
Бо я въ попа родывся
Оче нашу навчывся.
—Такъ ты лучше заспивай
Дытыночку колыхай.
Я дамъ тоби молочка
И трошечкы маслычка
И сметанкы горщечокъ
За здоровье диточокъ.

(записана въ 1890 г. отъ кр х. Тернавщины Софіи Писаренковой, лѣтъ 50).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, схожи только 2 первыя строчки.

77.

Ой ну люли, коте нашъ!
Чы вміешъ ты оче нашъ?
А я вмію, та не весь:
Тилькы половыну
За вашу дытыну.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

78.

Ой ну, котку нашъ,
Чы знаешъ ты оче нашъ?
Що я въ школи ночувавъ
Оче наши переймавъ,
Що я въ попа родывся
Оче наши вчывся.

(записана въ 92 г. отъ кр. х. Николаевки Веклы Калениченковой 19 л.).

Чуб. т. 4, стр. 23, № 24, вар. А и В—различны.

79.

Китку рябку!
Та скопай намъ грядку.
Мы насіемъ квиточокъ
Забавляты диточокъ.

(въ 93 г. отъ кр. с. Литвяковъ Маріи Кунаковой 12 л.).

80.

Ой ну, котку рябку,
Та скопай намъ грядку
Малу, невелычку
Якъ изъ рукавычку.
Мы посіемъ маку
Ище й пустернаку
Та насадымъ квиточокъ
Забавляты диточокъ,
Бо въ насъ диты маленькы
Гуляты раденькы.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

81.

Ой ну люли, гойдаша!
И кобылу и лошя.
Мы кобылу продамо,
Лошя будемъ годувать
По ярмарку пойизжать
И бублыкы купувать
И дытыну годувать.

(записана въ 1891 г. отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой 21 года).

82.

Гойдана, гойдана,
Зарижемо барана.
Батькови тулубець,
Що хороший молодець,
А матери голова,
Що хороша, молода,
А Настуси кисточка,
Що хороша дивочка.

(записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Евфросиніи Бучачиной 60 л.).

83.

Ой ну люли гойдана
Заризалы барана.
Батькови голова,
А матери стегенце,
А котови г. . . . . ,
А дивчыни слывкы
Съ пидъ чорнои свынкы.

(записана въ 91 г. отъ коз. Варвары Коломійцевой 19 л. урож. Радьковой, с. Хорошковъ).

84.

Ой ну люли гойда,
Чужа маты пойда;
Наша маты пани
Въ голубимъ жупани.
Жупанъ загубыла
Безъ сорочкы ходыла.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

85.

Ой ну гойда, гойда
Умеръ старый Пойда [1]),
А Пойдыха зосталась
Зъ дитьмы горя набралась.

(записана въ 1890 г. отъ кр. с. Литвяковъ Харитины Иваненковой 16 л.).

86.

Маты сына колыхала
И дня й ничкы не сыпляла
Ударывъ гримъ на сыній двиръ,
Убывъ жинку, дитокъ двое,
Чорнявіи тай обое.

(въ 1893 г. отъ кр. с. Засулья Прасковьи Якимцевой 20 л.).

87.

Ой ну люли спаты,
Пишла маты до роду гуляты.
Тай у мене весь ридъ богатый
Буде мене часто частуваты,
А я буду повну выпываты.
Одъ родоньку пора до домуньку
Пробье мылый мени головоньку.

(записана въ 1890 г. отъ кр с. Литвяковъ Евгеніи Недилькиной 70 л.).

88.

Ой ну люли, Иване!
Дытя мое кохане!
Якъ я тебе родыла,
Цилу ночку ходыла;
Якъ я тебе оженю,
Сама себе звеселю.
Якъ я тебе въ службу дамъ,
Тоскы, горенька прыдамъ.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

---

[1]) Вмѣсто Пойда поютъ Бойда, Бойдыха.

89.

Ой сыну мій, Иване,
Дытя мое кохане!
Куда йидешъ, по сино?
А що везешъ, солому?
Визьмы й мене зъ собою,
Буду тоби слугою.
Буду волы пасты,
На визъ сино класты.
Буду волы погонять
И дытыну колыхать.

(записана въ 1890 г. отъ Агафіи Шевченковой м. Снѣтина).

90.

Ой ну люли, котыно!
Куды йидешъ?—По сино.
—Беры мене зъ собою:
Буду тоби слугою
Зъ дытыною малою.
Буду волы напувать,
И дытыну колыхать;
И волыкы пасты
Й сино на визъ класты.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

Вар. Кіев. Стар. 1894 г. № 4, стр. 560.

I. Игры.

I. У тумана̀

Первое мѣсто между весенними играми принадлежитъ туману, неоднократно описанному малорусскими и польскими этнографами подъ именемъ „крывого танця" (ср. Бытъ Подол. Шейк., т. 1, вып. 1, № 12, стр. 27, Чуб. т. 3, № 1, стр. 32—38, Свидн. Велыкд. у Подол. Основа 61 г. кн. 11 и 12, стр. 41). Игра эта извѣстна на противуположныхъ концахъ уѣзда: въ с. Шекахъ и Хорошкахъ, на сѣверной границѣ уѣзда, также въ южныхъ и западныхъ волостяхъ: Оржицкой, Великоселецкой, Денисовской и Лазирской. Въ срединѣ уѣзда встрѣчаются только припѣвы, а самая игра уничтожилась. Кромѣ названія, самое выполненіе игры и припѣвы въ Лубенскомъ уѣздѣ разнятся отъ раньше описанныхъ. Такъ, здѣсь треугольнаго городка изъ палокъ не дѣлаютъ, а на землѣ садится трое дѣтей треугольникомъ и рядъ дѣвушекъ, держась краемъ за одного изъ дѣтей обходитъ въ видѣ ключа всѣхъ остальныхъ, напѣвая:

1.

Туманъ танчокъ выводыть;
Що выведе, тай стане,
На дивочокъ погляне:
Чи вси дивкы у таночку?
Тилькы одніи [1]) не мае,
Що хороше спивае.
Мате косу [2]) чесала
А, чесучы, навчала:
А якъ пидешъ у таночокъ
Не поперешай дивочокъ,
Та не ставай край тумана,
Бо той танчокъ не злюбыть,
Ручку, ножку изломыть,
Золотъ перстень издійме.

(отъ Катерины Гиччиной д. Шекъ).

[1]) рожи.
[2]) рожу.

Въ Великой Селецкой прибавляютъ еще одинъ стихъ:

Та на свою надине.

(отъ Горпины Ярмошевой).

Въ с. Хорошкахъ, Снѣтинской вол., предпослѣдній стихъ такъ:

Бо туманъ руки покаля.

(отъ Вар. Супруновой).

2.

Въ д. Стукаловкѣ, Яблоновской вол., конецъ такой:

Не становысь край тумана̀,
Бо той туманъ зведе зъ ума.
Винъ за ручку здавывъ,
Золотъ перстень згубывъ.

(Горпины Бичевой).

3.

Въ с. Денисовкѣ конецъ измѣняютъ такъ:

Та не становысь позъ тумана,
А становысь позъ козака.
Туманъ ручку стыскае,
Козакъ перстень здіймае.

(отъ Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой).

4.

Въ варіантѣ с. Хитцовъ, кромѣ того, что дѣвушка называется рожей, какъ замѣчено въ выноскѣ, еще и наставленіе матери поютъ иначе:

Дочко жъ моя, рожечко!
Не становысь край туману.
Туманъ косу рознесе
Въ тыхый Дунай понесе.

(отъ Дм. Погорѣлаго).

5.

Въ д. Солоницѣ, Засульской вол., гдѣ игра уничтожилась, въ сохранившемся напѣвѣ туманъ замѣняютъ Дунаемъ и слова матери передаютъ такъ:

Чы пидешъ ты въ таночокъ,
Не становысь край Дунаю,
Бо то ричка вреклывая,
Врече тебе й косу твою.

(Пр. Якимцевой).

6.

Въ х. Тернавщинѣ, гдѣ также сохранился только напѣвъ, въ концѣ поютъ такъ:

Маты косу чесала,
Плахту, сынятку давала.
И ійи маты наущае:
Не йды, доню, въ танокъ,
Бо тамъ твою косу вречять,
Тебе черезъ Дунай поволочять.

(отъ Д. Безносовой).

7.

Въ с. Загребельи, Яблоновской вол., наставленіе матери такое:

Не становысь край короля.
Король пышный якъ дытя.
На ниженьку наступа,
Били рученькы лама,
Золотый персныкъ изнима.

(отъ Насти Пшенишной).

Всѣ приведенные варіанты тумана̀ сходны съ варіантомъ III, А, у Чуб. съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что въ Лубенскомъ уѣздѣ вмѣсто вдовы, устраивающей танецъ, являются туманъ, Дунай, козакъ и король. Но здѣсь встрѣчаются и другіе варіанты, схожіе съ приведеннымъ у Чуб. вар. VIII, въ которомъ осмѣиваются парни.

8.

У крывого танця
Та не выведу кинця.
Треба його тай выносыты,
Кинець ему тай находыты.
Веду, веду, та не выведу,
Несу, несу, тай не вынесу.
Грайте, дивочкы, грайте,
Пылу не сбывайте
И плаття не каляйте.
Шо на дивочкахъ плаття,
Якъ биль билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке,
А на хлопцяхъ плаття
Мишокъ та ряднына,
Зверху шапурына.
Гей, гей, та баранчыку!
Гей, гей, голованчыку!
Куды трава полягла
Туды й коза побигла,
А на кози каптанъ
Соломою напханъ.
А вы, дивкы, грайте
Каптанъ полатайте
Та на школы дайте.
Нехай школа зносыть,
А за васъ Бога просыть.

(Маріи Бурхаевой с. Матяшовки).

9.

Въ варіантахъ, записанныхъ за Лубнами, второй половины припѣва совсѣмъ нѣтъ, а одежда молодежи изображается такъ:

Бо на насъ плаття
Все шовкъ та китайка,
Червона окрайка [1]),
А на хлопцяхъ плаття
Михъ та ряднына,
Изъ заткала шапшюрына [2]).

(отъ Лиз. Скибиной с.Воронинецъ Лазарской вол. и В. Шульгиной, урожд. Бубликовой, с. Денисовки).

2. Смородына.

Играющіе въ смородыну, называемую также въ с. Волчкѣ игрою „въ жыда“, становятся въ ключъ, съ одного конца котораго двѣ дѣвушки подымаютъ руки; въ эту арку пробѣгаетъ крайняя играющая противуположнаго конца и „тягне за собою увесь ключъ“. Поютъ:

1.

Чы не ягода смородына?
Чы не дивчына выходыла?
Жыдъ иде, коня веде,
Дрибенъ дощыкъ иде,
Роса паде.
Ой, посію лёнъ
Пидъ паньскимъ дворомъ.
Що чорнее кориннячко,
А золоте насиннячко,
А шовковый лёнъ.

(отъ Кат. Гиччиной д. Шекъ).

[1]) зверху завывайка.
[2]) зверху шапчорына.

2.

Въ с. Загребельи три первыя строчки поютъ какъ въ 1-мъ варіантѣ, а затѣмъ:

Жыдивочка за нымъ иде.
Стой, коню, не бижы,
Жыдивочкы пидожды.
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ
Плету, плету плетеныцю
На парубкивъ шыбеныцю [1]).
Жыдъ иде, коня веде,
Жыдивочка лёнъ бере, лёнъ.
Жыденята попереду
Йидять молоко у середу.

(отъ Н. Пшеничной).

3.

Въ с. Волчкѣ поютъ иначе:

Жыдъ иде, коня веде,
А за нымъ жыдивка йде.
Постой, жыду, не тикай,
Жыдивочкы постривай.
А въ жыдивкы—чорни бривкы,
Высоки пидкивкы.
Плахта рябенька,
Сорочка биленька.
Цуръ ёму батькови,
Яка чепурненька.

(отъ Наталіи Шевченковой).

Игра эта не имѣетъ ничего общаго съ гаивкой Желманъ (Залманъ).

3. Ключъ.

Въ ключѣ двѣ дѣвушки становятся поднявъ руки вверхъ, а остальныя проходятъ у нихъ подъ руками, вытянувшись въ линію, причемъ припѣваютъ:

1.

—Ой, пустите, пустите на яровый мистъ.
—Не пустымо, не пустымо,—поламаный мистъ.
—А мы мосты помостымо
И тры ключи положымо
Тай пидемъ.

Послѣ чего первая пара пропускаетъ весь ключъ.

(с. Хорошки).

2.

Въ м. Лукомьи приговариваютъ такъ:

—Пане, пане! пусты черезъ мистъ.
—Мистъ поламаный.
—Мы ключи переложымъ тай перейдемо.

(отъ М. Норовой).

3.

Въ Матяшовской волости приговаривая:

—Пустить у ворота. | —Поламани. | —Прыйдемъ полагодымъ.

Пробѣгаютъ подъ руками.

[1]) Эти двѣ строчки включены по ошибкѣ изъ другой игры—лозы, Пшеничной.

(Въ сбор. Чуб. такая игра называется король въ одноключевой формѣ, т. 3, стр. 42, № 3, вар. А).

4. Лоза.

Въ лозу играютъ такимъ же образомъ, какъ въ смородину и ключъ, пробѣгая всей цѣпью подъ руками двухъ крайнихъ дивчатъ, и припѣвая:

1.

Плету, плету лисъ, лисъ,
На парубкивъ бисъ, бисъ,
А на дивчатъ плутаныцю,
А на хлопцивъ вишальныцю.

(въ с. Литвякахъ).

2.

Въ м. Лукомьи:

Плету, плету плетеныцю,
А на хлопцивъ шыбеныцю,
А на дивчатъ роста.
На хлопцивъ короста;
Ни велыка, ни мала,
Якъ на дубови кора.

(Матрены Норовой).

3.

Въ с. Хитцахъ двѣ первыя строчки поютъ такъ, какъ въ Лукомскомъ варіантѣ, послѣднія же двѣ такія:

На дивочокъ гай,
Шобъ вывелы край.

5. Ящуръ.

Игра эта извѣстна только въ м. Лукомьи, пограничномъ съ Хорольскимъ уѣздомъ; здѣсь въ центрѣ круга дѣвицъ, „на коши“, садится парень и ловитъ дѣвку, съ которой снимаетъ платокъ и надѣваетъ себѣ на шею.

Дѣвушки поютъ:

Сыды, сыды, ящуре,
Въ хорошому мисти.
Май соби жинку,
Якъ перепилку.
Кого ймешъ,
Обдерешъ.
Соби грошей наберешъ
И ящурку спомянешъ.

(отъ Матрены Норовой).

(Чуб. № 38, стр. 96).

6. Дзвонъ.

Дѣти, взявшись за руки, становятся въ кругъ. По срединѣ ходитъ одинъ изъ нихъ и говоритъ:

Пишла хмара
На татара,
А сонечко
По людяхъ.
Дзелень, бевъ, бевъ, бевъ!

Проговоривъ эти слова, играющій подходитъ къ одной парѣ и, опираясь на руки этой пары, спрашиваетъ:

—Яки се ворота?

—Зализни.

Онъ отходитъ къ другой парѣ и продолжаетъ допросъ:

—А се яки?

—Камяни.

—А се яки?

—Глыняни.

Дзвонъ раздвигаетъ руки и бѣжитъ, остальные играющіе гонятся за нимъ и кто поймаетъ—становится въ кругъ.

(отъ Ганны Мартищенковой с. Литвяковъ).

Въ другихъ мѣстахъ Лубенщины играютъ эту игру такимъ образомъ, какъ изложено въ сборн. Чубинск. (т. 3, № 28, стр. 87) и Иванова (№ 62, стр. 54), т. е. безъ припѣвовъ и приговоровъ, или только съ краткими переговорами. Напр. въ м. Лукомьи:—пане, пане! на яки мени ворота бигты?—на яки хочъ.—Припѣвъ приведенный въ соч. Максимовича (изд. 77 г., т. 2, стр. 471) другой: „бый, сонечко, татаръ".

7. Гадыло

(свыня).

Гадыло соотвѣтствуетъ приводимой въ сборникѣ Чубинскаго (т. 3. № 29, стр. 88) игрѣ „тикало". Играющія въ гадыло садятся кружкомъ и которая нибудь изъ нихъ, зажавъ въ ладонь соломинку, палочку или камушекъ, передаетъ ее слѣдующей, а та своей сосѣдкѣ и т. д. пока стоящая „на коши" не отгадаетъ у кого въ рукѣ соломинка. У кого въ рукахъ соломинка, тотъ замѣняетъ отгадчицу. Припѣвъ такой:

Гадъ, гадъ, гадыло,
Що по полю бродыло.
Дай, Боже, угадать
У кого свыню взять.
А тоби то оддать.

(М. Норова м. Лукомья).

8. Пижмурки

(кузьмирка).

Играющіе мальчики и дѣвочки кладутъ одному среди себя по одному или по два пальца на колѣно. Такой счетчикъ считаетъ:

Одіянъ, другіямъ,
Наставъ на баранъ.
Симсотъ груддя,
Поломавъ суддя.
А ты кумъ,
А ты лысь,
А ты—вонъ оступисы!

(с. Литвяки).

Считаютъ и иначе:

Арци, барци,
Ремисварци.
Татагонъ.
Капъ, шляпъ,—
Пиды вонъ!

(м. Лукомье).

Выступающій изъ кружка „жмурытця" и долженъ ловить остальныхъ до отгороженнаго мѣста—дука. Тотъ, кого поймаютъ внѣ дука—идетъ

жмуриться (ср. Чуб., т. 3, № 49, стр. 101 и Иван. № 57, стр. 49. Можетъ быть въ настоящей игрѣ сохранилось воспоминаніе о первичномъ счисленіи по пальцамъ—Тэйл. Перв. культ. Спет. 72 г., гл. 3., стр. 67—78 и 228).

9. Рёбъ
(хрещикъ).

Въ Лубенскомъ уѣздѣ въ рёба играютъ совершенно такъ, какъ описано въ сборникахъ Чубинскаго (т. 3, № 21, стр. 82 и № 31, стр. 89) и Иванова (№ 66, стр. 55) т. е. одна пара—рёбы или рябы ловитъ остальныя, разбѣгающіяся пары. Число играющихъ ограничено 4—6. Пойманные становятся въ свою очередь рёбами. Мѣстное отличие игры составляетъ слѣдующій припѣвъ:

Край маты
На гори статы,
Намъ рябамы
Не буваты.
Или:
Крайня маты
Наверстаты
Намъ рёбамы
Не буваты.

(Прасковья Журавлева с. Литвяковъ).

Примѣчаніе. Слѣдующія игры, кромѣ приведенныхъ, встрѣчаются въ Лубенскомъ уѣздѣ или въ такомъ точно видѣ, какъ въ сборникѣ Исаевича: Малор. нар. игры въ окрестн. Переяслава Кіев. Стар. 77 г. Іюнь и Іюль и др., или въ слегка измѣненномъ:

1) Ковзалка—катаніе по льду.

2) Крутилка—круженіе на саняхъ, привязанныхъ къ шесту, вокругъ вбитаго на льду кола.

3) Коромысло—перегибаніе двухъ дѣтей, ставшихъ спиной другъ къ другу и взявшихся за руки.

4) Довга лоза—перепрыгиваніе черезъ лежащихъ или согнувшихся мальчиковъ (см. Свидн. Велыкд. у Под. Основ. 61 г. № 11 и 12, стр. 35).

5) Тисна баба—нажиманіе другъ друга на скамьѣ.

6) Куци-баба (цици-баба по Номису. Осн. 61 г., стр. 36, Ризд. св.)—общеизвѣстныя жмурки. Въ с. Михновцахъ поймавшій кричитъ: соломнямъ, нямъ, нямъ.

7) Рипка—круженіе дѣтей, взявшихся за руки. Упавшему приговариваютъ: рипкы, рипкы! полетять твои къ лыхый годыни диткы (ср. Иван. Сбор. въ Хар. Ист.-Фил. Общ. т. 2 № 56, стр. 49).

8) Квакъ или квачъ—плеваніе сквозь руку. Оплевавшій себѣ руку ловитъ остальныхъ, которые, разбѣгаясь, кричатъ: а я квака не боюсь, за дерево не держусь. (Ibid. № 54, стр. 48).

9) Перевозъ бабы—бросаніе камешковъ по водѣ съ приговоромъ: „диду, диву! перевезы бабу. Якъ не перевезешъ, той самъ пропадешъ!“

10) Генъ-генъ, иначе кобецъ—бросаніе ножа съ кулака, головы, зубовъ.

11) Пошывайло—по Чуб. жгутъ (№ 39, стр. 96) у Иванова—швай (№ 42, стр. 42). Играющіе бьютъ жгутомъ сидящаго „на коши", покуда тотъ не схватитъ жгута. Въ с. Хитцахъ жгутъ называется „карбачъ", а бьющій—„жгунъ". Въ х. Николаевкѣ эту игру называютъ овсянкой.

12) Шкереберть (у Ив. шкопырь, № 4, стр. 20)—бросаніе палокъ сразу нѣсколькими мальчиками. Чья палка упала ближе всѣхъ, тотъ чешетъ ею по спинѣ остальныхъ, приговаривая:

—Комарю, комарю! що тебе куса?

—Вошъ та блоха.

—Тильки палокъ?

—Шисть.

—Чія палка?

—Моя.

Или иначе. Тотъ, кто чешетъ, спрашиваетъ:

—Чого тоби дать?

—Мякушки.

Спрашивающій чешетъ слегка.

—Скорыны,—чешетъ сильнѣе.

13) Игра въ цурки (гела, дучковая или масло) играется точно такъ, какъ описано въ сбор. Иванова подъ №№ 1 и 2, стр. 13—14.

14. Такія же какъ въ сб. Исаев. и Ив. игры въ мячъ: высокій дубъ Ив. № 18, стр. 28) пилка (матка № 20, стр. 28) туча (городокъ, № 21, стр. 30). Въ с. Волчкѣ есть неописанная еще игра „въ рушлята". Здѣсь играющія дѣти копаютъ ямки и катятъ мячъ. Тотъ, въ чью ямку попадетъ мячъ, бросаетъ имъ въ остальныхъ, а въ случаѣ промаха, въ ямку его кладутъ прутикъ или соломинку (рушлята). Въ чьей ямкѣ накопится болѣе шести рушлятъ, того „гонять скризь строй".

15) Просо играется такъ же, какъ въ сб. Чуб. (№ 11, вар. 1, стр. 65—66) и Ив. (№ 80, стр. 66). Мать гонится за дочкой съ прутикомъ, приговаривая: проса жать!—Не хочу.—А замижъ?—Хоть и заразъ.

16) Точно также играютъ въ бычка. Мать говоритъ дочкѣ: иды бычка пасты. Та отвѣчаетъ: не хочу. Мать бьетъ ее прутомъ и гонится подъ руками играющихъ.

17. Игра въ кота и мышь отличается отъ помѣщенной въ сб. Чуб. (№ 55, стр. 105) и Иван. (№ 61, стр. 53) лишь припѣвомъ:

Бижы, бижы, мышко, до моря,
А де золотая коморя.

Шо добрая мышка та втекла,
Ледачый котыкъ не піймавъ.

(отъ Зиновіи Конвисарь с. Песокъ).

18) Зайчыкъ—тождественъ съ игрой, описанной у Чуб. (№ 9, стр. 59—63), Ив. (№ 89, стр. 72—74) и въ Кіев. Стар. 92 г., № 6, стр. 447. съ прибавленіемъ только четырехъ строчекъ припѣва:

Ой скочъ, куды хочъ,
Куды маты велыть,
Куды твоя, зайчыку,
Голова не болыть.

(х. Николаевка).

Или:

Сюды скикъ, туды скикъ,—
Такъ не выскочышъ!
У мене ворота позамыкувани,
Жовтимъ пискомъ позасыпувани.

(с. Великая Селецкая).

19) Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть и другая игра въ зайчика, ошибочно помѣщенная въ сборникѣ Чуб. подъ однимъ № съ предыдущей, на самомъ дѣлѣ не имѣющая ничего съ ней общаго. Это скорѣй дѣтская пѣсенка, при которой дитя слегка потягиваютъ за ушко:

Зайчыку, зайчыку!
Де ты бувавъ?
—У млыни, у млыни.
—Що ты выдавъ?
—Симъ михивъ,
Горихивъ.
—Чомъ ты не вкравъ?
—Былы мене, зайчыка,
Золотіи пальчыкы
Ледве я втикъ,
Черезъ попивъ тикъ.
Лапкы попикъ.
Скаву, скаву, скаву!

(Ганна Мартыщенкова с. Литвяковъ).

Въ с. Волчкѣ послѣ шести первыхъ строкъ пѣсню измѣняютъ такъ:

.....Чомъ ты не вкравъ?
А яжъ бувъ укравъ,
Та нагналы кралчыкы.
Та побылы пальчыкы.
А я бувъ утикъ
Черезъ попивъ тикъ,
Та черезъ колоду
Та впавъ у воду.

(Нат. Шевченковой).

Въ м. Лукомьи прибавляютъ еще:

Черезъ лиску плыгавъ,
Конопелькы трищять,
Горобейкы пыщять.

(Матр. Норова).

20) Общеизвѣстная игра въ гуси играется совершенно такъ, какъ описано у Иванова (№ 68, стр. 59). Маленькое различіе замѣчено мною только въ с. Воронинцахъ, гдѣ мать, когда уже всѣ гуси переловлены, подходитъ къ волку и спрашиваетъ его:

—Шо то сычыть?
—Баба просо сыпле.
—Шо то цокотыть?
—Баба ложкы мые.

21) Воронъ такой же, какъ въ сб. Ив. (№ 67, стр. 57) съ слѣдующимъ отличіемъ: когда у матери остается лишь непосредственно стоящая за нею красна дочка (красна дивка въ сб. Иван.), то первая спрашиваетъ ворона:

—Вороне, вороне! шо въ тебе сзаду?
—Качалка.
—Въ мене дочка Наталка,—такъ не вдарышъ!

Затѣмъ мать еще нѣсколько разъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ ворону, который даетъ послѣдовательно такіе отвѣты:

—Ложка.

—Въ мене дочка ворожка.

—Пляшка.

—Въ мене дочка Мелашка.

—Рубель.

—Въ мене дочка зъ Лубень.

—Мыска.

—Въ мене дочка Орышка.

—Макогинъ.

—Ну, бый же мою дочку навздогинъ.

(отъ М. Норовой м. Лукомья).

22) Игра въ гори-дуба—горѣлки—тождественна съ описанною у Ив. (№ 4, стр. 55) и у Чуб. (№ 47, стр. 101).

23) Игра въ Кострубонька уничтожилась на нашихъ глазахъ. Осталась дѣтская пѣсенка: „померъ, померъ Кострубонько", приведенная у Максимовича (собр. соч. т. 2, стр. 521).

24) Въ южной части уѣзда извѣстна игра „шумъ", въ которой ключь идетъ подъ руками двухъ дѣвушекъ. Пѣсня такая какъ у Шейк. Бытъ Под. (№ 9, стр. 21) и Чуб. (№ 6, стр. 50—52) съ слѣдующимъ добавленіемъ:

Шо дыво, шо за дыво!
Дивка парубка прыбыла
И сорочку зняла
И прочухану дала.

(отъ Марѳы Татусевой м. Оржицы).

25) Король въ круговой формѣ играютъ такъ, какъ въ сб. Иванова (№ 90, стр. 75), Лысенка (№ 40, стр. 91), Чуб. (№ 3, вар. В., стр. 42). Припѣвъ такой:

Король край города ходыть
Король городъ отворяе,
Король дивчатъ разглядае
У городъ загоняе и т. д.

(с. Денисовка).

Или:

Король городъ занима,
Король дивчатъ вызволя.

(х. Николаевка).

Или такъ еще:

Король городъ занимае,
Король зъ війська выступае и т. д.

(х. Яновщина).

Конецъ общеизвѣстный.

26) Затѣмъ въ Лубенскомъ уѣздѣ есть, конечно, много игръ, изображающихъ дѣйствительность: брачный обрядъ, похоронный обрядъ (какъ въ Бѣлгор. у., о чемъ въ Кіев. Стар. 90 г., № 8, стр. 320), кража баштана (Ив. № 44, стр. 44). Брачный и похоронный обряды изображаютъ и посредствомъ куколъ, состоящихъ изъ четыреугольной головы, въ платкѣ или очипкѣ.

Лицо куклы перекрещено черными и красными нитками заполочи. Туловище одѣто въ цвѣтной лоскутокъ; рукъ и ногъ нѣтъ.

27) Игры въ карты, названіе мастей (чирва) дзвинка (бубны) хрести (жыръ) трефи и вино (пики) и фигуръ такое же, какъ въ Переяславѣ по описанію Исаевича.

II. Улицы и досвитки.

Съ открытіемъ весны небольшіе кружки дѣвушекъ сосѣдокъ и сверстницъ выходятъ на улицу „на веснянку". Дѣвчонки 9—11 лѣтъ сходятся отдѣльно, подростки (дивочкы, дивчата) и взрослыя (дивкы) также отдѣльно. Такъ какъ начало весны бываетъ въ великомъ посту, то крестьянская дѣвушка Лубенскаго уѣзда спѣшитъ отговѣться на второй, даже на первой недѣлѣ, а на третьей—выходитъ на улицу. Улицы собираются на берегу рѣки, на выгонѣ, возлѣ сада, у мельницы, на курганѣ или остаткахъ вала, съ сумерекъ до 10-ти часовъ вечера, а по праздникамъ и днемъ. Во многихъ селахъ и мѣстечкахъ парни дѣлаютъ кругъ въ видѣ стола. около котораго садятся съ дивчатами. Это огражденное пространство называютъ дукомъ, какъ и въ народныхъ играхъ. Въ другихъ мѣстахъ (Лукомье) вырѣзаютъ отдѣльныя скамьи дѣвкамъ и парнямъ. Дѣвица, не явившаяся на улицу, ея мать или хозяйка подвергаются насмѣшкамъ. Имъ „прыспивують" насмѣшливыя веснянки. Затѣмъ парни отрываютъ и заносятъ ворота со двора неявившейся дивчыны [1]). Главнымъ занятіемъ на улицѣ бываетъ пѣніе веснянокъ съ открытія весны до свѣтлаго праздника, петривокъ въ Петровъ постъ до 29 Іюня, любовныхъ пѣсенъ и модныхъ романсовъ въ остальное время.

Тѣ же самые кружки дѣвицъ, которые распѣвали веснянки и петривки на улицѣ съ 1-го Сентября, мѣстами съ 8, 14, или съ Покровы „просятся на досвитки". Число дѣвушекъ на досвиткахъ зависитъ между прочимъ и отъ размѣра помѣщенія, почему не можетъ быть велико (3—12, большею частью 5—7). Большее число стѣснило бы, какъ самихъ дѣвокъ и хозяевъ, такъ и парней. Досвитки собираются у того изъ сосѣдей, который согласится предоставить свое помѣщеніе для такихъ собраній. Причемъ просьба пустить досвитки обращается къ хозяйкѣ, а не къ хозяину дома. Зажиточные хозяева и вообще серьезные люди не допускаютъ вблизи себя досвитокъ, потому что послѣднія осложняются иногда безпорядками. Напримѣръ парни, добиваясь къ дѣвкамъ, могутъ иногда сломать плетень, завязать двери избы, выбить окно. Ворвавшись въ избу, они могутъ также разбить лампу, вытолкать изъ досвитокъ дѣвку, обманувшую ихъ, или

[1]) А не за дурное поведеніе, какъ сказано у Чуб. т. VII, ч. 3, стр. 451.

слишкомъ разборчивую сельскую красавицу, выбросить наконецъ ея прядку. Только всего. Особенно дурнаго вліянія на нравственность досвитки не имѣютъ. Условія найма помѣщенія такія: дѣвки прядутъ въ пользу хозяевъ (досвичанихъ батька и матери) съ пятницы на субботу черезъ недѣлю, иногда третью только пятницу по 2—5 пасомъ или шьютъ и вышиваютъ. Мѣстами (Лукомье) даютъ повисмо конопель и коробку пшеницы, или два повисма (с. Новаки). Затѣмъ, сборъ отъ щедривки или колядки остается хозяевамъ. Посѣтительницы приносятъ также хозяевамъ по хлѣбу въ три праздника: на рождество, новый годъ и крещенье, иногда по куску сала (с. Новаки), а парни—еще и по 5 коп. Каждая дѣвушка по очереди освѣщаетъ досвитки, покупая $1^1/_2$—2 ф. керосина въ недѣлю. Открытіе досвитокъ на праздникъ св. Семена—лѣтопроводца не сопровождается уже въ настоящее время музыкой и угощеніемъ. Дѣвки входятъ обыкновенно въ досвичаный домъ, приговаривая: „Господы поможы! Дай, Боже, въ добрый часъ! Щобъ легенько и веселенько, щобъ ходылось и хотилось, до всихъ хлопцивъ реготилось! Нумъ спиваты—чы весела хата?“ Часовъ въ 9—10 подходятъ парни. Правомъ посѣщать досвитки и быть принятымъ въ компанію пользуются тѣ изъ парней 15—16 лѣтъ, которые „укуплятця у парубкы“, т. е. угостятъ трижды полукьартой водки все общество парней. Если мальчикъ присосѣдится къ досвиткамъ безъ такого угощенія, то его насильно неровно стригутъ и обливаютъ сажей—„брѣютъ“. Парни, явившись на досвитки, обмѣниваются привѣтствіями:

Здраствуйте вамъ! Боже поможы!

—Здраствуйте. Спасыби.

Потомъ знакомятся съ хозяевами такимъ образомъ:

—А ну, якый тутъ батько та маты?

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Дывысь, ось якый.

Завязывается общій разговоръ: гдѣ открыты по селу досвитки, куда ходятъ какія дѣвки.

Когда парни обойдутъ такимъ образомъ всѣ досвитки на селѣ, тогда молодежь ложится спать на соломѣ, покрытой рядномъ. Если парень помѣстится возлѣ дивчыны, ему не сочувствующей,—послѣдняя скрывается на печь („спече, дае гарбуза“). Огорченный парень разбиваетъ лампу, иногда „штовхне и дивку“. Обязанность купить новую лампу лежитъ, въ этомъ случаѣ на дѣвушкѣ. Печь служитъ убѣжищемъ дивчинѣ и тогда, когда за нее заспорятъ два парня до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ или третьему лицу не будетъ оказано предпочтеніе. Если дѣвушкѣ понравится сторонній парень (лицомъ, рѣчами, „натурой“) то онъ освобождается отъ преслѣдованій мѣстной молодежи, „оплатывшысь за свою дивку“, обыкновенно полквартой водки.

Занятія дивчатъ собственно на досвиткахъ, т. е. на вечернихъ собраніяхъ по буднямъ заключаются въ шитьѣ, вышиваньи и особенно въ пряжѣ. За вечеръ дѣвушка напрядетъ отъ 2—3 мычекъ, 4—5 пасомъ, а въ 5—7 зимъ приготовитъ себѣ цѣлое приданое: хустки, рушныки, рубашки, рядна и нитки. Отъ досвитокъ нужно отличать: 1) попряхи—дневныя собранія дѣвушекъ въ досвичаной хатѣ безъ участія парней для пряжи и другихъ работъ. Онѣ начинаются позднѣе досвитокъ, послѣ Покрова; 2) вечерницы—вечернія, коротенькія собранія по субботамъ и наканунѣ праздниковъ. На вечерницахъ молодежь проводитъ время въ пѣніи, разговорахъ, слушаніи сказокъ и отгадываніи загадокъ; 3) грыща. Въ большей части Лубенщины каждыя отдѣльныя досвитки по годовымъ праздникамъ (на пущання, на второй день рождества и на крещенье) замѣтно оживляются: дѣвки приносятъ изъ дому сала, колбасъ, картофеля, огурцовъ, капусты, пшеничной и гречневой муки. Парни доставляютъ водку. Приготовляется ужинъ, нанимается музыка. Молодежь веселится, танцуетъ и поетъ. Такія отдѣльныя праздничныя досвитки часто называютъ „грыщà“. Но подъ тѣмъ же названіемъ извѣстны собранія другого рода. По направленію къ Лубнамъ, въ с. Волчкѣ, Берестовчи, въ Засульской волости, сохранились еще грыщà въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. соединеніе нѣсколькихъ досвитокъ въ одной болѣе просторной избѣ,—нѣчто вродѣ народнаго бала, на которомъ бываетъ 50—60 гостей. Провизія, водка и музыка поставляются на грыща тѣми же лицами, что и на досвиткахъ. Здѣсь въ особенности молодежь пляшетъ, гадаетъ [1]), переодѣвается въ дидовъ, солдатъ, вообще „гарюе“ (шалитъ). Здѣсь же устраивается и отсюда направляется праздничный фарсъ, изображающій ухаживанье стараго волокиты въ маскѣ (машкара или мачкара) за молодицей или дѣвушкой (меланкой) [2]). Впрочемъ въ д. Шекахъ есть и на обыкновенныхъ досвиткахъ зачатокъ маскарада, болѣе развитого на рождественскихъ играхъ. Тамъ дѣвчонки переодѣваютъ одну изъ себя въ дида съ бородой изъ конопли, другую въ молодицу въ очипкѣ, остальныхъ въ цыганокъ съ лицами, запачканными сажей, и ходятъ въ такомъ видѣ по досвиткамъ.

---

[1]) Мѣстные способы гаданья приведены въ очеркѣ Рожд. Святки въ сѣв. ч. Лубенск. уѣзда стр. 19—22. Къ числу гаданій, не упомянутыхъ въ томъ очеркѣ принадлежатъ слѣдующія: въ ночь подъ новый годъ дѣвушки с. Волчка замыкаютъ скрыню и ключъ привѣшиваютъ себѣ къ поясу, приговаривая: „суженый! прыйды одимкны“. Вѣрятъ, что суженый отомкнетъ во снѣ сундукъ. Также спускаются ночью въ погребъ, приговаривая: „суженый покажысь!“ Послѣдній покажется при выходѣ дѣвушки изъ погреба. Въ м. Лукомьи дѣвица, ложась спать, ставитъ себѣ въ головы миску съ водой и четырьмя соломинками, положенными крестообразно, изображающими мостъ, и приговариваетъ: съ кимъ я буду черезъ сей мистъ иты, съ тимъ буду викъ викувать. Парень, идущій во снѣ черезъ мостъ и есть суженый.

[2]) Ibid., стр. 13—14.

III. Пѣсни молодежи
(челядьски).

Главнымъ развлеченіемъ дѣвушекъ на улицахъ и досвиткахъ служитъ пѣніе. На улицахъ, какъ замѣчено выше, поются веснянки и петривки; на досвиткахъ свадебныя пѣсни въ сезонъ свадебъ, подъ рождество—колядки и щедривки, также модные романсы [1]) и особыя вечерничныя пѣсни, такъ называемыя трендычки.

Веснянки, по замѣчанію покойнаго Костомарова, сдѣланному въ сороковыхъ годахъ [2]), посвящены преимущественно знакомству молодыхъ людей между собой и начинающейся жизни. Въ нихъ заключается только зародышъ любви, предчувствіе или возможность ея въ будущемъ, а не самое чувство, оттого немного веснянокъ проникнуто нѣжностью, большинство ихъ блѣдно и холодно. Главное содержаніе веснянокъ: призывъ дивчатъ и парней на улицу, сожалѣніе объ отсутствующихъ, насмѣшки надъ отдѣльными лицами, соперничество улицъ, кутковъ и селъ. Веснянки состоятъ изъ 2—3 куплетовъ, однообразныхъ по размѣру и мотиву, съ протяжнымъ окончаніемъ. Въ мотивѣ чувствуется свѣжесть ранней весны [3]). Область наибольшаго развитія веснянокъ—сѣверныя волости. Къ югу отъ Лубенъ веснянокъ меньше. Тамъ ихъ смѣшиваютъ иногда съ приведенными выше весенними играми у тумана̀ и др.

Дальнѣйшую ступень сближенія молодежи изображаютъ петривки. Онѣ глубже, страстнѣе и колоритнѣе веснянокъ, такъ какъ главное содержаніе ихъ составляютъ различныя проявленія романической любви: мечты дѣвушки, побѣгъ изъ заключенія, свиданія на улицѣ, похищеніе, ревность, проклятія, смерть любовника. Почти всѣ эти событія происходятъ въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи. Петривки одного размѣра и поются всѣ на одинъ голосъ. Мотивъ ихъ нѣженъ и мечтателенъ [4]). Петривки не соотвѣтствуютъ болѣе дѣйствительности и вымираютъ. Всего крѣпче держатся они въ сѣверной Лубенщинѣ и вблизи Криницы, гдѣ происходятъ состязанія хоровъ дѣвицъ на криницкой ярмаркѣ, неоднократно описанной [5]).

---

[1]) Въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Ой, що тамъ иде
У зеленій юпци?
Щыколатове лыце,
Розовіи губкы. . и т. д.

[2]) Молодыкъ 44 г. прим. къ ст. К. Сементовскаго: Очеркъ малор. повѣрій и обыч., стр. 91.

[3]) Мотивъ записанъ въ сб. А. Маркевича. Зап. о Южной Руси. Кулиша т. 2, 57 г., № 6, стр. 241.

[4]) Мотивъ петривки сообщенъ Л. А Я—ской, за что свидѣтельствую глубокую признательность.

[5]) См. ст. О. Левицкаго въ Кіев. Стар. 83 г., Сент. и Окт. стр. 301—309.

Напротивъ, большинство трендычекъ заключаютъ въ себѣ насмѣшливое отношеніе къ любви, ея оборотную сторону. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ опредѣляетъ вечерничныя пѣсни какъ бытовыя, содержащія въ себѣ сценки изъ семейной жизни, любовныя желанія и шутки [1]). Но, приближаясь такимъ образомъ по содержанію къ нѣкоторымъ веснянкамъ, трендычки отличаются отъ послѣднихъ разнообразіемъ формы, припѣвомъ, котораго никогда нѣтъ въ веснянкахъ, отсутствіемъ опредѣленнаго голоса, такъ какъ трендычки поются на извѣстный плясовой мотивъ. Живой, бойкій мотивъ необходимъ здѣсь потому, что дѣвушка, мурлыкая трендычку, разгоняетъ сонъ. Циклъ „челядскихъ писень" заканчивается любовными, въ которыхъ замѣтно преобладаетъ трагическая сторона любви.

Веснянки.

1.

Тыны мои высокіи
Перелазы нызьки.
Збирайтеся подружечкы
Далеки и блызьки.
Збирайтеся подружечкы
Де вчора гулялы.

Уже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вьянуть, нехай вьянуть,
Нехай повсыхають,
А якъ пиде дрибенъ дощыкъ,—
То поожывають!

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Орины Шевченковой 18 л.).

2.

Ой высоки огороды,
Перелазы нызьки,
Збирайтеся подружечкы
Далеки и блызькы!
Збирайтеся подружечкы
Де вчора стоялы,

Бо вже наши васылечкы
Одъ сонця повьялы.
Нехай вьянуть, нехай вьянуть,
Воны поодходять.
Нема нашихъ парубьятокъ,
Воны повыходять.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ульяны Выборной 25 л.).

3.

Летыть сова подовшъ села
Опустыла крыла.
Выйды, выйды, дивчынонько,
Выйды чорнобрыва.

Летыть сова подовшъ села,
Опустыла брюхо,
Выйды, выйды, дивчынонько,
Чортова брехухо!

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

4.

И дощъ иде, вода реве,
А колесо креше,
Що хлопчына правду каже,
А дивчына бреше.

И дощъ иде, вода реве,
Въ очерети сухо,
Выходь, выходь, дивчынонько,
Наша щебетухо!

(въ 95 г. въ с. Черевкахъ).

---

[1]) Въ ст. о досвитк. и посидѣлк. Кіев. Стар. 86 г., № 3, стр. 427.

5.

И дощъ иде, роса пада,
Въ очерети сухо.
Выйды, выйды, Марусенько,
Наша голосухо!

(въ 88 г. отъ Пр. Заикиной х. Кремянки).

6.

Якъ пидийду пидъ виконце
Маты горохъ варыть,
Свою дочку—одынычку
За юлыцю сварыть.
—Годи тоби, моя маты,
Гороху варыты,
Пусты дочку одыныцю
Хочь поговорыты.
—Не для тебе, скурвый сыну,
Я дочку вродыла,
Щобъ я тоби противъ ничкы
Гуляты пустыла.
—Пусты мене, моя маты,
На часъ на часочокъ
Роспустыты по ярочку
Громкый голосочокъ.

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ульяны Бондаренковой).

7.

Чы у тебе, дивчынонько,
Не ридная маты?
Уся челядь на юлыци,
А ты лягла спаты.
Чы у тебе, дивчынонько,
Не братъ, не сестрыця?
Що мы выйшлы на улыцю,
А ты якъ черныця.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Вар. I въ с. Волчкѣ 2-й куплетъ такъ:

Хочь ридная, не ридная
Вона волю мае.
Свою дочку одыныцю
За улыцю лае.

(въ 95 г. отъ кр. Наталіи Шевченковой с. Волчка).

Вар. II с. Литвяковъ 2-й куплетъ такъ:

Ой треба жъ тій та матинци
Горщокъ кваши даты,
Щобъ пустыла дивчыноньку
До насъ погуляты.

(въ 95 г. отъ кр. Маріи Кунаковой 16 л.).

8.

Лала, лала! мате была
Та выгнала съ хаты.
Иды дочко, Галюточко,
Веснянкы спиваты.

(въ 89 г. отъ коз. с. Литвяковъ Марины Мартыщенковой).

9.

Що на нашій на юлыци
Знесла курка коко.
Хто не выйде на улыцю,—
Той вылизе око.
Щой на нашій на улыци
Знесла курка двое,
Хто не выйде на улыцю,
Вылизуть обое.

(въ 93 г. отъ О. Шевченковой х. Николаевки).

10.

До насъ, до насъ, парубьята!
До насъ погуляты.

Ой есть у насъ по персныку
Будемъ дароваты
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои ричкы,
Помостылы дивкы кладку
Съ червонои стричкы.
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои честы,
Наварымо вареничкивъ
Зъ собачои шерсты.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной).

11.

До насъ, до насъ, мойсiевци! [1])
До насъ ни до кого!
Намочылы вамъ горилкы,
Для васъ ни для кого.
До насъ, до насъ, мойсiевци!
До нашои ричкы,
Помостылы вамъ мосточокъ
Съ червонои стричкы.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

12.

До насъ, до насъ, подоляне!
До нашои ричкы,
Положымо мы кладочку
Съ червонои стричкы.
Червоная не такая,
Голубая краще—
Ой, бодай васъ, подоляне,
Та напала трясця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ 19 л.).

Въ с. Пескахъ 3 и 4 стр. такъ:

Положымо тры клаптыка
Червонои стричкы.

Вмѣсто голубая—зеленая.

(въ 95 г. отъ Зиновiи Конвисарь).

13.

До насъ, до насъ, парубьята!
Та до нашихъ дивочокъ,
Наварымо вареныкивъ
Съ червонихъ ягидочокъ.
До насъ, до насъ, парубьята!
До нашои ричкы,
Покладемо вамъ кладочкы
Съ червонои стричкы.

(въ 94 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Варвары Кузнецовой 16 л.).

14.

До насъ, до насъ, юсковчане,
До нашого броду.
Помостымо вамъ кладочку
Зъ колющого глоду.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ К. Крятовой 19 л.).

15.

До насъ, до насъ, та хлопьята!
До нашои рады.
Насбираймо дижку помый
Зъ усiи громады.
Якъ будете выпываты,
Будемъ долываты,
Та все своихъ та хлопьятокъ
Будемъ шануваты.

(въ 93 г. отъ кр. Улиты Кучеренковой с. Мгаря).

16.

Упавъ снижокъ на обнижокъ
Да вже не ростане.
Прыбувайте чорнявiи
Якъ вечиръ настане.

---

[1]) Мойсеевка—пограничное село Хорольскаго уѣзда.

Русявіи йдить до дому,
Чорняви ночуйте.
Вы, собакы, не гавкайте,—
Сусиды, не чуйте.

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой 18 л.).

17.

Якъ выйду я, та крыкну я,
То ты догадайся,
Хоть вечерявъ, не вечерявъ,
Бижы поспишайся.
Хочь вечерявъ, не вечерявъ,
То беры потрошку,
Якъ зачуешъ голосочокъ,
То кыдай и ложку.

(въ 93 г. отъ Орины Шевченковой 17 л. х. Николаевки).

18.

Не крюкайте рябi жабы
Въ густимъ очерети.
Не сидайте вражи сыны,
Рано вечеряты.
Якъ сядете вечеряты,
То берить по трошку,
Зачуете голосочокъ
То кыдайте ложку.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваненковой 15 л.).

19.

Ой выйду я за ворота:
Очеретъ та сино.
Ой десь мое серденятко
Вечеряты сило.
Ой вечеряй, серденятко,
Та беры по трошку,
Якъ зачуешъ голосочокъ
То кыдай и ложку.

(въ 93 г. отъ кр. Мароы Павлященковой 18 л. х. Пышнаго, Ольшанской вол.).

20.

Покочу я тарилочку
Хоть по барвиночку,
Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Хоть у недилочку.
Якъ не прыйдешъ у недилю
Прыйды въ понедилокъ,
Якъ зацвите рута мята
Хрещатый барвинокъ.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина У. Выборной).

21.

Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Сю ничъ ночуваты,
Хоть лавочкы узесенькы,—
Буду прымощаты.
Качалочкы въ головочкы,
А рубель у бокы,
Соломкою прытрусыла
Кочергою вкрыла.

(въ 90 г. отъ Ул. Кучеренковой с. Мгаря).

22.

Вары, маты, вечеряты,
А я ляжу спаты;
Кому мыла, кому люба,
То прыйде до хаты.
Вары, маты, вечеряты
Гречани галушкы.
Кому мыла, кому люба,
Прыйде на подушкы.

(въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, Евфросиньи Глушковой).

23.

Якъ нарнуло воды зъ моря
Весь день не спадае,
Тяжко, важко на серденьку,
Якъ вечиръ настае.

(въ 94 г. отъ воз. с. Тишковъ Прасковьи Кириленковой).

24.

Коло хаты все загаты
Кудрявои мяты.
Нема мого мыленького—
Не пиду гуляты.

(въ 90 г. отъ К. Даценковой с. Ольшанки).

25

Зайды, зайды, зирочко,
Зайды свитова.
Уси хлопци на юлыци
А мого нема.
Болыть больно головонька
Ничимъ завьязать.
Далеко я одъ мылого
Никимъ наказать.
Завьяжу головоньку
Шовковымъ платкомъ,
Накажу мыленькому
Хочъ риднымъ браткомъ.

(въ 93 г. отъ кр. х. Николаевки Настасьи Дорошенковой 18 л.).

26.

Ой у лиси на ориси
Сорока завысла,
Бодай тоби, дивчынонько,
Вечеря искысла.
Нехай кысне, перекысне,
Я не буду йисты,
Нема мого мыленького
Ни съ кимъ мени систы.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ).

27.

Уси куры до купочкы,
Пивень на порози,
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Нема мого мыленького
Въ дорози горюе,
Нема квиткы рожевои
Десь маляръ малюе.
Измалюе маляръ квитку
Зъ червоного шовку,
Хыба прыйде, прымандруе
Изъ города съ полку.
Якъ змалюе маляръ квитку
Тай усимъ покаже,
А якъ прыйде мій мыленькый,
Правдоньку роскаже.

(въ 95 г. въ с. Н. Булатцѣ отъ Барановой).

28.

Ой немае въ саду квиткы
Десь маляръ малюе,
Нема мого мыленького
Хиба прымандруе.
Измалюе маляръ квитку
Съ червоного шовку,
Прымандруе мій мыленькый
Зъ Лубеньского полку.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литвяковъ).

29.

Зійшовъ мисяць, зійшовъ мисяць,
Тай обгородывся.
Уси хлопци на юлыци,
А мій исказывся.

(въ 93 г. отъ кр. с. Мгаря Ул. Кучерявенковой 19 л.).

30.

Уси куры на сидали,
Пивень на остришку,
Уси хлопци на юлыци,
А мій пасе кишку.

(въ 94 г. отъ Ул. Матвіенковой с. Волчка).

31.

Уси куры на сидали
Пивень на порози.
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Чы винъ шые, чы винъ крае,
Чы дома немае,
Чы съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

32.

А шожъ мени за полова
Шо зерна не мае?
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мого немае?
Уси куры на сидали,
Пивень на порози,
А шо мени зъ чужихъ хлопцивъ,
Якъ мій у дорози?

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

33.

На що мени та полова,
Що зерна не мае?
На що мени чужи хлопци,
Якъ мого немае?
Я полову прогортаю
Зернышка шукаю,
Съ чужимъ хлопцемъ не сидаю,
Свого дожыдаю.

(въ 89 г. отъ С. Шудриковой м. Снѣтина).

34.

Злетивъ пивень на ворота
Крычыть, кудкудаче,
Ой дывыся, козаченьку,
Якъ Маруся плаче.
Уси куры на сидали,
Пивень на порози,
Уси хлопци на юлыци,
А мій у дорози.
Злетивъ пивень на ворота
Крычыть кукурику.
Уже-жъ тоби, Марусенько,
Не бачыть до вику.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

35.

Витеръ віе, сонце гріе
Калыну ламае,
Уси хлопци на улыци,
А мого немае.
Витеръ віе, сонце гріе
Калыну колыше.
Хай твоему бисъ батькови
Мій первый женыше.

(въ 1888 г. отъ кр. с. Литвяковъ Варвары Иваненковой 15 л.).

36.

Ты, улыця безумныця,
Хто по тоби ходыть?
Шо хлопчычокъ дивчыноньку
За ручевьку водыть.
Водывъ, водывъ за ручевьку
Тай пишовъ за Десну,
Оставайся дивчыноньно
На другую весну.

Колысь було густо, густо
Теперъ стало пусто.
Хто по ровахъ валялыся,
То тіи намъ зосталыся.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Настасьи Пшеничной 16 л.).

37.

Ой, улыця роспутныця!
Якъ на тоби пусто.
Чомъ не мае, якъ бувало
Челядонькы густо?
Була челядь, була челядь,
Та вся замижъ пишла.
Осталася найменьшая,—
На юлыцю выйшла.

(въ 95 г. отъ кр. с. Литвяковъ Маріи Кунаковой 16 л.).

38.

Ой выйду я за ворота
Нема мого злота,
Тилькы стоить та нескреба,
Що мени не треба.
Ой выйду я за ворота
Не бере й охота
Десь моему мыленькому
Негайна робота.
А хоть гайна, хоть негайна,
То винъ не гуляе
И съ тыхого Дунаечка
Коня напувае.
А кинь ирже, воды не пье
Дороженьку чуе,
Десь мій мылый, чорнобрывый
Зъ иншою ночуе.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

39.

Якъ я свого мыленького
У Крымъ выряжала
Взяла ёму зузуленьку
Тай подарувала.
Нехай тоби зозуленька—
Мени соловейко.
Нехай тоби тамъ легенько,
Мени веселенько.
Нехай тоби зозуленька,
Щобъ рано кувала,
Нехай мени соловейко,
Щобъ я не скучала.

(въ 90 г. отъ кр. с. Ольшанки Ксеніи Даценковой 18 л.).

У Чуб. (т. 3, № 96, стр. 118), какъ вставка въ другую пѣсню и одинъ средній куплетъ похожъ нѣсколько.

Послѣдній куплетъ въ Снѣтинѣ поютъ такъ:

Тоби буде зозуленька
Раненько куваты,
Мени буде соловейко
Правдоньку казаты.

(отъ У. Выборной).

40.

По за селомъ, по за селомъ
Повезено сино,
А десь мое серденятко
Вечеряты сило?
Ой вечеряй, серденятко,
Та беры по трошку,
Та подавай голосочокъ
Въ вышневый садочокъ.
Ты думаешъ, дивчынонько,
Шо въ степу ночую?
А я твои голосочкы
Що вечора чую.
А якъ бы я, козаченьку,
Твій голосъ зачула,

Вылитала бъ зъ виконечка
Якъ сыва зозуля.
Хоть зозуля—не зозуля,
А хоть соловейко.

Послѣднія шесть строчекъ такія же, какъ и въ предыдущей пѣснѣ.

(записана въ 95 г. отъ кр. с.Воронинецъ Лизаветы Скибиной).

41.

Весна, весна, що день красна,
Зо стрихъ вода капле.
Уже жъ нашимъ парубьятамъ
Мандривочка пахне.
Якъ мандрувавъ, шапку изнявъ
Нызенько вклонывся,
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ я й не барывся.
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ зъ дорогы,
Куплю тоби черевычкы
На биліи ногы.
Молы Бога, дивчынонько,
Щобъ прыйшовъ изъ війска,
Буде тоби изъ осены
Роспущена киска.

(въ 93 г. отъ кр. х. Гребищъ Д. Гавриленковой 23 л.).

42.

Нема въ мене намысточка
Тилькы дынъ разочокъ,
Десь мій мылый, чорнобрывый
Такъ якъ образочокъ.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

43.

Торохъ, торохъ, сію горохъ,
Вродыла чебрыця.
Чы бачыла, подружыно,
Мого чорнобрывця?
Чы бачыла, не бачыла
Не далеко, блызько,—
Якъ побачышъ подружыно—
Поклоныся нызько.

(въ 93 г. отъ М. Этноровичъ 19 л. с. Волчка).

44.

Ой, пустіи огороды
Капуста не родыть,
За вражимы ворогамы
Мій мылый не ходыть.
Якъ будемо городыты
Той буде родыты,
Якъ забере бисъ ворогивъ
То буде ходыты.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтина).

45.

Якъ бы я на той куточокъ
Дороженьку знала,
Я бъ своему мыленькому
Гостынчыкъ послала.
Невелыкый той гостынчыкъ:
Чотыри оришка,—
Якъ немае пары коней,
Прыйды, серце, пишкы.

(въ 88 г. отъ кр. У. Выборной м. Снѣтина).

46.

Якъ вырву я для утишки
Чотыри оришкы,
Якъ немае пары коней,
То прыйды хоть пишкы.
Якъ прыйду я до риченькы
Нема перевозу,
А хто мене вирно любыть
Бреде черезъ воду.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

47.

Передамъ я мыленькому
Чотыри оришка,
Якъ не маешъ пары коней
Прыйды, серце, пишкы.
Якъ не маешъ пары коней
Щей пары жупанивъ,
Той не шлыся до чорнихъ бривъ
До шытихъ рукавивъ.
—Шыти били рукавчята
И въ полахъ мережка,
А щобъ же ты не бачыла
Ни свита, ни стежкы!

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Горпины Джигиль).

48.

Зачыняйте батькы хвиртки
Ворота съ тынамы,
Хай вашому чортъ батькови
Зъ вашимы сынамы.
У васъ сынкы якъ пидсвынкы
Лежять зъ матерямы,
А мы выйдемъ на юлыцю
Гуляемо сами.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

Въ вар. с. Хитцовъ первыя двѣ строчки такъ:

Забывайте жинкы клынкы
Ворота клынамы.

Затѣмъ въ концѣ прибавляютъ:

Наши дочкы якъ зирочкы
Гулять до пивночкы.

(отъ Е. Глушковой).

49.

Ой, казалы загоряне
Що прыйдемъ зарани,
Уже вечоръ вечоряе,—
Загорянъ немае.
Ой тимъ же ихъ та немае,
Жывуть за водамы,
Якъ настане темній вечиръ
Плывуть селезнямы.
Плывы, плывы селезныку
Не вдарься крыльцамы,
Прыйды, прыйды, мій мыленькый,
Не самъ, зъ молодцямы.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

50.

Мисяць ясный, мисяць ясный!
Не свиты никому,
Та засвиты мыленькому
Якъ иде до дому.
Та засвиты мыленькому
Восковую свичку,
Якъ брестыме мій мыленькый
Черезъ быстру ричку.

(въ 88 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Настоящая веснянка значительно разнится отъ всѣхъ вар.: 1) въ „Вжинѣ ридного поля“ Гатцука. Москва, 1857 г., стр. 146 и 147; 2) у Коцип. въ сб. „Писни, думкы и шумкы“, стр. 70; 3) въ Малор. лит. сб. Мордовцева, подъ №№ 109—111, стр. 289, изд. 1859 г. и 4) въ Истор. сб. Драг. и Ант. т. 1, стр. 76.

51.

Идуть, идуть парубьята,
Якъ сыняя хмара,
Попереду мій мыленькый,—
А я й не пизнала!

Не пизнала по станочку,
Якъ по голосочку.
Попереду мылый иде
Гра на сопилочку.
Сопилочка якъ стрилочка
Орихове денце,
Я жъ думала чужый иде,
А жъ то мое серце.

(въ 88 г. отъ кр. с. Снѣтина Катерины Ивахненковой).

52.

По за селомъ, по за селомъ,
По за слобидкою,
Ой чуть мого мыленького,
Що йде зъ сопилкою.
Кленовая сопилочка,
Орихове денце,
Я жъ думаю чужый иде,
Ажъ то мое серце.
Я жъ думала чужый иде,
Та стала тикаты,
Ажъ то мое серденятко,
Треба пидождаты.

(въ 88 г. отъ В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ Сбор. этн. эксп. Чуб. (т. 5, № 124, стр. 56) и въ Зап. о Южн. Рус. Кулиша (т. 2, стр. 241) есть вар., мало похожій.

Вар. I. Въ с. Волчкѣ вмѣсто 7 и 8 строчекъ поютъ такъ:

Якъ заграе мій мыленькый
Болыть мое серце.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой).

Вар. II. Въ м. Лукомьи 3 и 4 строчки такъ:

Туды мое серденятко
Пишло зъ сопилкою.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

Вар. III. Послѣднія 4 стр. въ с. Пескахъ такъ:

Я жъ думала чужый иде
Та стала ховатьця,
Ажъ то мое серденятко,
Треба прызнаватьця.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

53.

Торохъ, торохъ, сію горохъ.
Горошку по трошку
Утопталы та горяне
На подилъ дорожку.
Не такъ воны утопталы,
Якъ киньмы убылы,
Хотять воны препогани,
Шобъ мы йихъ любылы.
Шо Маруся не полюбыть,
Евдошка не ваша,
А Парася одказалась,—
Неправдонька ваша!

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 12 л.).

54.

Ой не ходы Сабадашу [1])
На улыцю нашу,
Черезъ тебе, Сабадашу,
Прыпалыла кашу.
Каша прила не доприла,
А хлибъ не допеченъ,
Ой той мени не женышокъ,
Що на одынъ вечиръ.
Ой то мени хлибъ допеченъ,
Що высоко сходыть,
Ой то мени женышенько,
Що тры годы ходыть.

(въ 89 г. отъ У. Выборной м. Снѣтина).

---

[1]) Вар. въ Нывѣ. Одесскомъ сборникѣ 1885 года № 12, стр. 184, вмѣсто Сабадашъ— Барабашъ.

55.

Наварыла вареныччкивъ
Не съ солонимъ сыромъ;
Хай твоему чортъ батькови
И съ хорошимъ сыномъ!

Намастыла вареныччкивъ
Не съ солонимъ масломъ,
Хай твоему чортъ батькови
И съ твоимъ багатствомъ.

(въ 90 г. отъ У. Кучерявенковой с. Мгаря).

56.

Ой, выйду я за ворота
Гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедонька
На тыхимъ Дунаю.
Що билая лебедонька
Воду сколотыла,

Молодая дивчыненька
Жалю наробыла.
Изродыла удивонька
Хорошого сына
Та на мою головоньку,
Щобъ я полюбыла.

(въ 89 г. отъ Секлеты Шудриковой м. Снѣтина 17 л.).

57.

И то гора, и се гора,
А я межъ горамы,
Нигде мени погуляты
Тай за ворогамы.
Нигде мени постояты
Пидъ похыльнымъ тыномъ,

Нигде мени погуляты
За вдовынымъ сыномъ.
Щой у вдовы сынъ хорошый,
А хозяйскій кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный.

(въ 88 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной).

58.

Оришына, черемшына
Чому не зиходышъ?
Молодая дивчыненько!
Чому не выходышъ?
Ой якъ мени выходыты
За высокимъ тыномъ?

Ой якъ мени выходыты
За удовы сыномъ?
Щой удовый сынъ хорошый,
А отецькый кращый,
А якъ выйде на улыцю
Такъ якъ мисяць ясный!

(въ 95 г. въ с. Низшемъ Булатцѣ отъ Барановой).

59.

Ой у саду вышня
Пидъ садомъ черешня
Не любыте дивчаточки
Дворового лежня.

Що дворовый лежень
Не хоче робыты
Тилькы спаты, та гуляты
Та горилку пыты.

(въ 90 г. отъ Ксеніи Даценковой с. Ольшанки).

60.

Коло млына калына,
Не калына—вышня.
Не для тебе, вражый сыну,
На юлыцю выйшла.

Коло млына калына,
Не калына—сосна,
Не для тебе, вражый сыну,
Я въ батенька зросла.

Шо у мого та батенька
Крамомъ крамуваты.
Досталося ледачому
Рукы потыраты.

Ой, потырай, вражый сыну,
Колы довелося!
Колы мое биле тило
Зъ твоимъ понялося.

(въ 95 г. отъ дв. Вас. Шульгиной, урожд. Бубликовой, изъ с. Денисовки).

61.

Ой жаль, мате, вечирочка
Не гуляла вчора.
Изминывся голосочокъ
Щей тыхая мова.
Голосочокъ у лисочокъ
Тыха мова ризно.
Не лай мене, моя маты,
Що я хожу пизно.
Що я хожу, я гуляю,
Добрый розумъ маю

Що я тому ледачому
Виры не доймаю.
Ледачый сынъ, ледачый сынъ,
Ледачого батька.
Тилькы ёго закрасыла
Сывенькая шапка.
Ледачый сынъ, ледачый сынъ
Ледачои ненькы.
Тилькы ёго закрасылы
Бривонькы чорненькы.

(отъ кр. д. Мгаря Улиты Кучерявенковой).

Вар. I. Въ х. Гребищахъ прибавляютъ еще куплетъ:

Ледачый сынъ, ледачый сынъ,
Ледачого роду.

—Пишовъ бы я утопывся—
Запоганю воду.

(отъ Д. Гавриленковой).

Въ сб. Лысенка Укр. письни. Кіевъ, стр. 41, нѣсколько измѣненныхъ три куплета и послѣднихъ двухъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Пескахъ начинаютъ такъ:

Ой, хмарытця, туманыця,
На велыку тучу,

Не лай мене, моя маты,
Я вамъ не докучу.

Шо я хожу, я гуляю и т. д.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Вар. III. Въ м. Оржицѣ послѣ трехъ куплетовъ, какъ въ 1-мъ вар., заканчиваютъ пѣсню слѣдующимъ четвертымъ:

Не діймала, не діймала,
Не буду дійматы,

Нехай ёго ридъ не дижде
Щей старая маты.

(въ 95 г. отъ коз. Мареы Татусевой 19 л.).

62.

Запалю я куль соломы
Не горыть, палае,
За що мене моя маты
За женыха лае?
Не лай мене, моя маты,
Николы, ни за що.
Полюбыла чорзна кого

Велыке ледаще.
Що робыты?—Не прыбыты,
А жать не нагнетця,
А якъ выйде на юлыцю
Зъ челяди сміетця.
Та не смійся ты, ледащо,
Не смійся, бездиля!

Не побыла суботонька,
Такъ побье недиля!

(въ 94 г. отъ коз. с. Тишковъ Пр. Кирилленковой).

63.

Запалю я куль соломы,
Солома палае.
Бижы, бижы, козаченьку,
Дивчына вмирае.
—Ты думаешъ, козаченьку,
Що я й умираю,
А я съ тебе, молодого,
Ума вывиряю.
Бодай тебе вывиряла
Лыхая годына!
Було лычко якъ яблучко,—
Стало якъ ожына.

(въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья М. Норовой 16 л.).

64.

Надъ моею хатыною
Сыня хмара стала,
А на мене, молоденьку,
Поговиръ та слава.
Була слава, була слава,
Сталы й поговоры
Та на тую дивчыноньку,
Шо чорніи бровы.
Була слава, була слава
Сталы й поговиркы,
Та на тую дивчыноньку
Шо чорніи бривкы.
Шо я тую сыню хмару
Рукавомъ розмаю
Перебула той поговиръ,—
Перебуду й славу.

(въ 95 г. отъ кр. с. Воронинецъ Лазорской вол. Лизаветы Скибиной).

Вар. I. Въ д. Гребищахъ послѣднія двѣ строчки такъ:

А своему мыленькому
У прыгоди стану.

(въ 93 г. отъ Д. Гавриленковой).

Вар. II. Въ м. Лукомьи послѣдній куплетъ поютъ такъ:

Я за славу сама стану,
Тай одговорюся.
Перебуду сей поговиръ,
Славы й не боюся.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

65.

Сюды гора, туды гора,
А я межъ горамы,
Нельзя мени на юлыцю
Тай за ворогамы.
Вороженькы ворогуйте
А вы, люде, знайте,
А вы хлопци зъ дивчатамы
До свита гуляйте.
Вороженькы ворогуйте,
А вы, люде, чуйте,
А вы хлопци зъ дивчатамы
До свита ночуйте.

(въ 94 г. отъ М. Павлищенковой х. Пышнаго).

66.

На тимъ кути на юлыци
Не колода прысба.
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ трыста.
На тимъ кути, на юлыци
Не колода—сволокъ,
Нехай прыйде, нехай сяде
Козаченькивъ сорокъ.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

67.

На тимъ кути на юлыци
Тай на переюлку
Роскурыла козакови
Дивчынонька люльку.
За люлечку копіечку
А за тютюнъ гроши,
Куры, куры, мій чорнявый,
Правдывый, хорошый.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

У Чуб. (т. 3, № 31, стр. 133) второй куплетъ тождественный.

68.

На тимъ кути, на юлыци
Груша не зелена,
Ой тимъ вона не зелена,
Що челядь мерзена.
А на нашій на юлыци
Верба зелененька,
Ой тимъ вона зелененька,
Що челядь гарненька.

(въ 90 г. отъ Н. Самохваловой д. Шекъ).

69.

На юлыци дви палыци,
А третя ломака,
Одна дочка у Ивана
Тай та полежака.
Що робыты? Не прыбыты,
А жать не нагнеться,
А якъ выйде на улыцю
Съ челяди сміется.
Не смійсь, не смійсь, та дивчыно!
Чортова ледащо.
Перевела намъ улыцю
Не знаемо за що.

(въ 92 г. отъ кр. Ульяны Лысенковой урожд. Матвіенковой изъ д. Гребищъ).

70.

На тимъ кути на юлыци
Не парубкы—хлопци
Закувалы дивчыноньку
Въ дубовій колодци.
Сыды, сыды, дивчынонько,
Ни въ день, ни въ годыну,
Покы прыйде козаченько
Возьме за дружыну.
Беры, беры, козаченьку,
Бычкы та телычкы
Купы своій дивчынoньци
Жовти черевычкы.
Беры, беры козаченьку
Волы та коровы,
Та вызволы дивчыноньку
Зъ тяжкои неволи.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

71.

Що на нашій на улыци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши
Посередъ улыци.
Горщокъ каши, горщокъ каши
Щей рака жывого,
Щобъ на нашій на улыци
Ни духа жывого.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Ул. Выборной 24 л.).

72.

На тимъ кутку въ Горнанивци
Дивкы чаривныци,
Закопалы горщокъ каши
Посередъ улыци.
Горщокъ каши, горщокъ каши
Горщокъ смородыны,

Бодай же вы, сучи дочкы,
Зъ ума посходылы!
А котора закопала,
Щобъ трясця напала,
А котора наварыла,
Шобъ не говорыла.

(въ 95 г. отъ кр. с. Волчка Наталіи Шевченковой 13 л.).

73.

На тимъ кути на юлыци
Кобыла блудыла,
Тамъ дивчына нетёпуха
Запаску сгубыла.
Нетёпуха, недряпуха,—
Нерублени полы,—
Тимъ же іи хлопци люблять,
Що чорніи бровы.

(въ 90 г. отъ кр. д. Шекъ Н. Самохваловой).

74.

По тимъ боци на толоци
Кобыла блудыла,
Ой тамъ наша дивчынонька
Запаску сгубыла.
Скыдайтеся парубьята
Та по золотому,
Та купымо дивчыноньцы
Запаску червону.

въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго Мареы Павлищенковой 18 л.).

75.

Ой на гори два крамари [1])
Копають крыныцю.
Оддай, оддай, та Иване,
Свою одыныцю.
Ой на гори два крамари
Копають глыбоку,
Оддай, оддай, та Иване,
Свою заволоку.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агриппины Джигиль).

76.

Ой на гори два крамари
Копалы крыныцю,
Оддай, оддай, стара маты,
Свою одыныцю.
Нехай въ тіи крыныченькы
Вода прыбувае,
Нехай моя одыныця
Хочъ зъ годъ погуляе.
Нехай въ тіи крыныченькы
Водыця вщербытця,
Нехай моя одыныця
Робыты навчытця.

(въ 93 г. отъ кр. с. Волчка Матрены Этноровичъ).

77.

Выхвалялась дивчынонька,
Шо поясъ ягнячій,
А якъ выйде на юлыцю,
То поглядъ собачый.

(въ 95 г. отъ кр. д. Загребелья Н. Пшеничной).

78.

Берить одъ насъ, пидгоряне,
Коробочку клоччя,
А намъ дайте передайте
Чорнявого хлопця.

(въ 88 г. отъ кр. В. Иваненковой с. Литвяковъ).

Въ пѣсняхъ съ № 78—83 упоминаются кутки разныхъ селъ.

---

[1]) Вѣроятно грабари.

79.

Ой нате вамъ, кодачане,
Тры трясци въ запасци,
А четверте въ жывитъ лыхо,
Щобъ сыдилы тыхо.

(въ 90 г. отъ кр. Агриппины Джигиль 17 л. с. Хорошковъ).

80.

Ой нате вамъ, кодачане,
Мысочку узвару,
А намъ дайте, передайте
Чортову роззяву.

(въ 90 г. отъ кр. с. Хорошковъ Агр. Джигиль).

81.

Ой нате вамъ, западынци,
Пшенышную булку,
А намъ дайте, передайте
Кузьмышыну дурку.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой с. Хитцовъ).

82.

Та на нашій тай улыци
Та на нашій ривній
Выгравалы наши хлопци
Вороными киньми
Выгравалы, выгравалы
Та выбылы яму,
.
Поставылы дивчыноньку
До горы ногамы
Постій же ты, дивчыненько,
И день, и годыну
Покы прыйде козаченько
Возьме за дружину.

(въ 94 г. отъ Пр. Кириленковой с. Тишковъ).

83

Задумалы та рудчане
Ровы покопалы,
Поставылы пидгорянъ
До горы ногамы.
Ой стійте вы, пидгоряне,
До горы ногамы,
Покы прійдуть ваши хлопци
Съ чорными бровами.

(въ 93 г. отъ мѣщ. с. Литвяковъ Вар. Кузнецовой).

84.

Задумалы та снитынци
Городъ городыты,
Щобъ никуды лытьвякивцямъ
Гуляты ходыты.
Не поможе, мылый Боже,
Ваша загорожа.
Идуть, идуть лытьвякивци,
Якъ повная рожа!
Идуть, идуть лытьвякивци,
Якъ макъ процвитають,
А нашіи та снитынци,
Якъ золото сяють!

(въ 1888 г. отъ кр. м. Снѣтина Ульяны Выборной 24 л.).

85.

Снитынъ городъ, Снитынъ городъ,
Лохвыця—станыця!
Якъ не возьму, кого люблю,
Не буду й женытця.

(въ 92 г. отъ Матрены Мыциковой с. Хорошковъ).

86.

Выдно Хытци, выдно Хытци,
Щей хытцяньску баню,
Тоди мени полегшае,
Якъ я туды гляну.

(въ 94 г. отъ Евфросиніи Глушковой с. Хитцовъ).

87.

Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
И снитыньски вербы,
Туды мою головоньку
Що вечора верне.
Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитыньску грушу,
Туды мою що вечора
Порывае душу.
Выдно Снитынъ, выдно Снитынъ
Щей снитыньскы хресты.
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесла вечеряты
Та забула ложкы,
Сидай, мылый, на коныка
Та йидь до ворожкы.

(въ 89 г. отъ кр. м. Снѣтина Сениты Глушковой).

88.

Выдно Луку, выдно Луку
Щей лучаньски хресты,
Туды мени мыленькому
Вечеряты несты.
Якъ понесу вечеряты,
Тай тамъ заночую,
А я тоби подружечко
Женыха дарую.
Брешешъ, брешешъ, подружечко,
Якъ ты подаруешъ,
Що ты его вирно любышъ
И зъ нымъ помандруешъ.
Не багато мандрувала
Тилькы одну ничку,
Заробыла копу грошей,
Щей червону стричку.
А я тую та стричечку
У будень зносыла,
А за тую копу грошей
Щей кращу купыла.

(въ 88 г. отъ кр. м. Снѣтина У. Выборной).

89.

По садочку нызько хожу,
Барвиночекъ сажу,
Шо я въ тебе, моя маты,
Не жонатый хожу.
Порисъ, порисъ барвиночокъ
На яръ похылывся,
Щаслывою годыною
Козакъ уродився.
Шо подума, погадае,
Той Богъ помогае
Черезъ тую дивчыноньку,
Шо свататы мае.

(въ 94 г. отъ Е. Глушковой д. Хитцовъ).

90.

Черезъ гору та въ контору
Орелъ воду носыть.
Якъ тамъ маты свого сына
Вечеряты просыть.
Ой, вечеряй, моя маты,
Колы наварыла,
А я пиду на той кутокъ
Де дивчына мыла.
Ой, вечеряй, моя маты,
Гречаны галушкы,

А я пиду на той кутокъ
На били подушки
Ой, вечеряй, моя маты,
Сухы сухарыны,
А я пиду до дивчыны
На били перыны.

(въ 95 г. отъ Н. Шевченковой с. Волчка).

У Чуб. (т. 5, №№ 811, 814—417, 422 стр.) два первые куплета какъ вставки въ совсѣмъ другія пѣсни.

91.

Ой пшеныця, кошаныця
Товарови паша.
Сватай мене козаченько
Пущай буду ваша.
Хочь ты сватай, хочь не сватай,
Хочь такъ прысылайся,
Щобъ та слава не пропала,
Що ты женыхався.
— Женыхався не сміявся
Сміятся не буду.
Цилувався, мылувався
Тай до вику буду.

(въ 95 г. отъ коз. Ксеніи Крятовой 19 л. с. Юсковецъ, Черевковской вол.).

92.

Лугомъ иду, голосъ веду,
Розвывайся, луже!
Сватай мене, козаченьку,
Люблю тебе дуже!
А хочь сватай, хочь не сватай,
Абы прысылався,
Абы слава не пропала,
Що ты женыхався.
Женыхався не сміявся,
Думавъ йии браты
И старостивъ посылаты, —
Не отдала маты.

(въ 92 г. отъ Ул. Кучерявенковой с. Мгаря).

Въ збірн. Лысенка Спет. 1868 г. № 30, стр. 64 2 первые куплета такіе же.

93.

Ой плавалы утенята
По той бичокъ ставу [1]),
Сватай мене, козаченько,
Не вводь мене въ славу!
—Що ты сама, дивчынонько,
По славонци ходышъ,
Що пизненько—не раненько
По улыци ходышъ.
Ой якъ мени, козаченько,
Раненько ходыты?
Ты самъ сыдышъ, мене держышъ
Велышъ говорыты.
—Не потурай, дивчынонько,
Моій розмовоньци,
Держы розумъ щей умъ добрый
Въ своій головоньци.
Ой держала розумъ добрый
Та впустыла въ воду,
Не вповала на худобу,
Якъ на твою вроду.
А ни вроды, ни породы,
Ни третьёго зросту,
Доведетця топытыся
Зъ высокого мосту.

(въ 93 г. отъ кр. х. Пышнаго М. Павлищенковой).

---

[1]) Иногда и такъ: Та поперекъ ставу.

94.

Половына саду цвите,
Половына вьяне,—
Колысь було вирно любыть,
А теперъ не гляне.

(въ 90 г. отъ Нат. Глушковой м. Снѣтина).

95.

Не бый мене, безбатченко,
На святу недилю,
Бо я тоби, безбатченко,
Ничого не вдію.
Побый мене, безбатченку,
У той понедилокъ,
Якъ поросте межъ косамы
Хрещатый барвинокъ.
Хочъ барвинокъ, не барвинокъ
Такъ червона рожа,
Хочъ якому козакови,
Я дивчына гожа!

(въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины Ул. Бондаренковой).

96.

Пидийду я пидъ яблуньку,
А лыстъ опадае,
Жалуй мене, подружечко,
Женыхъ покыдае.
-- Не журыся, подружечко,—
Рута зелененька,—
Сей покыне, другый буде
Щей ты молоденька.
Сей покыне—другый буде,
Щей отъ сего кращый,
А сей буде у болоти
Межъ чортамы старшый.

(въ 90 г. отъ Ул. Бондаренковой х. Яновщины).

Въ с. Пескахъ прибавляютъ еще куплетъ:

Та сей буде у лавоци
Крамомъ крамуваты,
А той буде у болоти,
А тихъ паруваты.

(въ 95 г. отъ З. Конвисарь).

Въ Збірн. Лысенка. Спет. 68 г. № пѣсни 30, стр. 64, 8 и 9 куплеты такіе же, какъ два послѣдніе перваго варіанта.

97.

Колы ходышъ у ворота
Накыдай каблучку,
Якъ не хочешъ мене любыть,
Любы мою сучку.
Въ мене сучка рябушечка
Та не твого хорта,
Есть у мене женышына,—
Та не тебе чорта!

(въ 91 г. отъ В. Кузнецовой с. Литвяковъ).

У Чуб. (т. 3, стр. 161) подробнѣе и не такъ связна.

Вар. Въ м. Лукомьи вмѣсто 5 и 6 стр. такъ:

Въ мене сучка рябесенька,
Краще твого хорта и т. д.

(въ 95 г. отъ М. Норовой).

98.

Бижыть вода лотокамы,
Нельзя іи пыты,
Сыдыть руда зъ моимъ мылымъ,
Нельзя іи быты.
А я воду проколочу,
Чыстои напьюся,
Такы руду одчарую,
Зъ мылымъ нажывуся.

(въ 95 г. отъ дворянки Василисы Шульгиной, урожд. козачки Бубликовой с. Денисовки).

99.

Беру воду коло броду
На каминь хилюся,
Нихто мене, братця, не зна
За кимъ я журюся.

Беру воду коло броду
Коромысло гнеться,
Нихто мене, братци, не зна
За кимъ серце бьетця.

(въ 91 г. отъ кр. д. Шекъ Надежды Самохваловой).

Вар. Въ с. Хорошкахъ 1-й куплетъ такъ:

Коло броду беру воду
На каминь ступаю,
Нихто того, братци, не зна
За кимъ я скучаю.

100.

Сыдыть голубъ на берéзи
Голубка на вышни,
Скажы, скажы, мій мыленькій,
Шо въ тебе на мысли.
Шо ты клявся, ты божывся:
Любытыму душу,

Теперъ мене покыдаешъ,—
Я плакаты мушу!
Скрыплять нови воритечка
Треба ихъ заперты.
Кого любывъ—любытыму
До самои смерты.

(въ 95 г. отъ кр. с. Юсковецъ Катерины Шелудьковой 15 л.).

101.

Шо ты жывешъ за горою,
А я за другою,
Чы журыся ты за мною
Якъ я за тобою?
Журюсь, журюсь, козаченько,
Якъ сыва голубка,

Бисы твого батька знають,
Яка въ тебе думка?
Шо у тебе така думка
Колыбъ зазнаваться,
А у мене така думка
Колыбъ повинчаться.

(въ 93 г. отъ кр. д. Гребищъ Д. Гавриленковой).

102.

Зійшла зирка спидъ вечирка
Тай впала до долу,
А хто мене, молодую,
Одведе до дому?

Проведе тебе, дивчыно,
Довгая лозына,
А щобъ знала съ кимъ стояла
Речи розмовляла.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

103.

Чогось вода руда стала,
Хвыля сколотыла
Чогось дивка не весела,
Лыбонь маты была?

А хоть была, хоть не была—
Не на лыхо вчыла,
А щобъ знала съ кимъ стояла,
А що говорыла.

(въ 95 г. отъ коз. Христины Марченковой 17 л. с. Михновецъ Нижебулатицк. вол.).

104.

Зійшла зирка вечирняя
Зійде й свитовая.

Выйшла одна подруженька
Выйде щей другая.

Зійдемося подружечкы
Тай поговорымо,
Заспиваймо по писеньци
Додому ходымо.

Заспивалы по писеньци
Трёма голосамы,
Пишлы наши голосочкы
По пидъ небесамы.

(въ 88 г. отъ кр. с. Литвяковъ В. Иваненковой).

Петривки.

1.

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
Усю ничъ не спала, биль сукала.
По гори ходыла, биль билыла (2).
Та до теи бели говорыла:

Ой, беле жъ моя, тонесенькая!
Кому ты будешъ вирнесенька?
А чы тому пану, що въ жупану?
Чы тому хлопку, що на коныку?
А чи тій нетязи, що въ сермязи?

(отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой).

Вар. I. Послѣ:

Беле моя! била, тонесенька.
За кого жъ я пиду молодесенька?

А чы за старого, а чы за малого,
А чы за хлопійка молодого?

(отъ кр. х. Яновщины Василисы Конычки).

Вар. II. Послѣ словъ:

Ой, беле жъ моя, тонесенька!
Тай колы ты будешъ билесенька?
Тоди я буду билесенька,

Якъ на неби хмарка сынесенька,
Тоди я буду найбилійша,
Якъ на неби хмарка найсынійша.

(отъ кр. с. Литвяковъ И. Недилькиной).

Вар. III. Послѣ:

Якъ на неби хмарка та сынесенька,
Якъ у саду травка зеленесенька.
Чы я тебе, биле, не билыла?
Чы я тебе, биле, не золыла?

Я надъ тобою, биле, изныдыла
И всю петривочку просыдила,
А я тебе, биле, шануватыму
На велыкый празныкъ надиватыму.

(отъ кр. с. Вильшанки Т. Гайдаевой).

Вар. IV. Послѣ:

На Дунай ходыла, биль носыла
До тіи бели говорыла:
Биль моя! тонка, била,
Якъ я тебе, беле, шовкомъ [1]) потчу,

За мылого замижъ пиду—
Въ будень зношу.
Якъ за нелюба—шанувать буду
Выйму да подывлюсь
Да слёзамы обильюсь.

(отъ кр. х. Тернавщины С. Латенковой).

Вар. V. Послѣ:

И до тебе, бель, говорыла:
Биле жъ моя, биле! тонка, била

И чого ты, биле, почорнила?
А я за тобою молодая изныдыла

[1]) Или: чернимъ потчу.

Уçю петривочку просыдила.
Якъ пиду я замижъ за нелюба
То я съ тебе, биле, плахту вытчу.
А я тую плахту шануватыму
На риздво й на велыкдень на-
дníватыму.
Исъ припечка горшкы выйматыму
Грывкамы лавкы стыратыму.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ Меланіи Остапенковой).

Вар. VI. Послѣ:

Тоди я буду билесенька,
Якъ пидешъ ты замижъ, моло-
десенька,
Шо я тебе, беле, шануватыму
На велыкый празныкъ надива-
тыму (2)
Прыпичкы й лавкы стыратыму.

(отъ кр. с. Рудки А. Сокиркиной).

Вар. VII. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ, такъ:

И въ свекрухы горшкы вытяга-
тыму
Та лавкы стыратыму.

(отъ коз. Анны Богиничевой с. Губскаго Тарандинцовской вол.).

Малая ничка петривочка,
Та клыче зовычку невисточка:
Иды, зовыце, иды сестрыце,
Та до мене ночуваты.
Боюсь, невисточко, боюсь молода,
Шобъ ты мене не зрадыла
Моеи русои кисочкы не збавыла.
—Не бійся, зовычко, не бійся,
сестрычко,
У мене замочкы турецькіи,
А защипочкы нимецькіи.
Колы се стало намеркаты,
Стукотыть, грюкотыть коло хаты
Тожъ прыйихалы зовычкы браты.
Одмыка дверечкы у червоному,
А выходыть у синечкы у золо-
тому
А входыть у свитлоньку у чы-
стому злоти.
Бере зовычку за билую руку
выводыть изъ хаты,
А зовычка стала плакаты рыдаты
И на невисточку враждоваты:
Шобъ тоби, невисточко, Богъ
не вгодывъ,
У чыстому поли и хлибъ не родывъ
Якъ ты мене, молоденьку, из-
радыла
И мою русу косу избавыла.
Не ддае мене мій батенько,
Не выряжа мене ридна матинка
Не выряжа мене ридный бра-
тичокъ,
Не выряжа й ридна сестрыця,
А выряжа мене ясній мисяць,
Та выряжа мене ясна зирочка,
Дае мене замижъ невисточка,
А выряжа мене темна ничка—
петривочка.

(отъ кр. Прасковьи Лысенковой 60 л. м. Снѣтина).

2.

Купалась ластивка, купалась,
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась.
Купалась ластивка шобъ не
душно,
Журылась дивчына шобъ не
скушно.

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы Евфросиніи Семперовичъ 20 л.).

3.

Купалась ластивка, купалась
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась,
Своимъ подружечкамъ хвалылась:
А чи було лито, чи не було,
Чогось воно мени надокучыло.
Шо я, молодая, не гуляла;
Мене моя маты не пускала,
Въ нову комирочку [1]) зачиняла [2]),
Золотимъ замочкомъ замыкала
Шовковимъ шнурочкомъ завья-
зала,
Трёма засовцямы засувала,
Гиркымы словамы заказала:
Ой посыдь же, доню, у комори,
Покы розiйдутця поговоры
Ой посыдь же, доню, у комороци,
Покы розiйдутця вечорныци,
Покы пиде челядь изъ улыци.
А я молодая не послухала
Золоти замочкы поодбывала
Шовкови шнурочкы поодрывала(2)
Пишла на улыцю погуляла,
Свого мыленького повыдала.

(отъ Ульяны Выборной м. Снѣтина).

Вар. I. Въ с. Новакахъ, Ольшанской волости, послѣ третьей строчки вставляютъ:

На нови ворота схылылася,
Дрибными слёзамы умылася,
Вышытымъ рукавомъ утерлася.

(отъ Настасьи Щербаневой).

Шослѣ словъ: Покы розiйдутся изъ улыци—такъ:

Та твои братикы та сестрыци,
Та твои дивери та зовыци.

(отъ нея же).

Вар. II. Обращенiе матери къ дочери поютъ въ д. Пятигорцахъ такъ:

Ой посыдь же, доню, у комироци
Покы розiйдутця изъ улыци.
Ой посыдь же, доню, у темныци,
Покы розiйдутця вечорныци.

Въ концѣ:

Уже-жъ я сыдила, уже-жъ я
лежала
Тiи челядонькы не переждала.
Такы той замочокъ поламала
Тай на улыци погуляла.

(отъ кр. Варвары Охрименковой).

Вар. III. Въ д. Загребельи, Яблоновской волости, конецъ этой петривки такой:

А я своiй матинкы та корылася
На улыцю гулять просылася.
Пусты-жъ мене, маты, погуляты,
Уже челядонькы не чуваты.
Тилькы мiй мыленькiй не лягае
Мене, молодои, дожидае.
У дубову свистылку выгравае
Мене, молоденьку, выклыкае.

(въ 95 г. отъ Насти Пшеничной 17 л.).

Вар. IV. Окончанiе этой петривки въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости, такое:

---

[1] и [2]) Вездѣ вмѣсто комирочкы поютъ иногда „свитлыцю". Или: Дубовымы дверямы зачыняла.

Тай одсуну-жъ викно кватырочку
Та стану, подывлюся по рыночку
Ажъ тамъ по рыночку танчокъ ходыть,
А мій мыленькій танчокъ водыть.

(отъ Анны Богиничевой).

4.

Купалась ластивка, купалась
На бережечку сушылась,
Молода дивчына журылась,
Що на неи маты сварылась,
Молода дивчына плакала,
Що на неи маты жалкувала,
Що на улыци та ночувала.
— Годи тоби, моя мате, сварытыся,
Я не буду бильше барытыся,
Годи тоби, моя маты, жалкуваты,
Я не буду бильше ночуваты.

(отъ О. Недильниной с. Литвяковъ).

5.

Купалась ластивка, купалась
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына хвалылась.
Шо нема на сели кумпаншого,
Надъ мого Грыця богатшого.
Та не одынъ же винъ у батька сынъ
Та не одынъ же винъ жупанъ зносывъ
Зносывъ жупанъ та за гроши,
Полюбывъ дивчыну, шо хороша.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ В. Охрименковой).

6.

Пусты мене, мате, погуляты,
Бо вже челядоньки не выдаты.
Уже челядонька лягла спаты.
Тилькы мій мыленькый не лягае,
На нову сопилку выгравае,
Мене, молодую, выклыкае [1]):
— Выйды, дивчыно, перепелочко!
— Выйду, козаче, мое сердечко!
—Выйды, дивчыно, та нагидочко!
— Выйду, козаченько, мій барвиночку!
— Выйды, дивчynонько, та не барыся!
— Выйду, козаченько, не журыся!
— Выйды, дивчынонько, не гай мене,
— Выйду, козаченько, не лай мене!

(отъ Зиновіи Дорошенковой х. Николаевки).

Вар. Въ хуторѣ Яновщинѣ начало такъ:

Коло тыхого Дунаечка
Ой тамъ козаченько выгравае,
Молоду дивчыну выклыкае.

(отъ Ульяны Бондаренковой).

7.

Пусты мене, маты, погуляты,
Бо вже челядоньки не выдаты,
Уже-жъ челядоньки не выдаты
Та вже вороженькы та ляглы спаты.
Пусты мене, маты, въ огорожу,
А якъ не ймешъ виры дай сторожу.
Ой, слухай же, маты, деркачъ дере,

[1]) Иногда: мене молодои дожыдае.

Пусты на улыцю, бо й плачъ бере!
Ой, слухай же, маты, соловей свыще,
Пусты на улыцю—женыхъ кличе!
Ой слухай же, маты, чайка кряче,
Пусты на улыцю—женыхъ плаче!

(отъ Ул. Выборной м. Снѣтина).

Вар. I. Послѣ шестой строчки такъ:

Сторожа поснула, маты не чула,
А я, молоденька, гуляты майнула.

(отъ Варвары Кузнецовой с. Литвяковъ).

Вар. II. Начало петривки въ с. Волчкѣ такъ:

Ой, маты, маты! воронъ кряче,
Пусты на юлыцю—женыхъ плаче.
Не за кимъ же плаче якъ за мною,
Якъ не пускаешъ,—Богъ зъ тобою.

(отъ Натальи Шевченковой 12 л.).

8.

Мате, мате! Деркачъ дере,
Пусты погуляты, бо ажъ плачъ бере.
Маты, маты! чайка кыгыче,
Пусты на улыцю, бо женыхъ кличе!
Маты, маты! деркачъ дере пидъ горою,
Въ мене женышына пидъ полою.
Деркачъ дере дай малисинькій,
Въ мене женышына молодисинькій.

(отъ Маріи Рябоконевой 19 л. с. Загребелья).

9.

Та на вгороди конопелечкы
Та дрибни, не велыки, зелененькы.
Та не дають витры постояты,
Зеленому лысту помаяты.
Та що я у батька та зроду одна
Та не дають люды погуляты
Русою косою помаяты.

(отъ Уст. Калениченковой с. Березоточи).

10.

Ходыть коныченько по надъ гречкою,
Молодый хлопчына зъ уздечкою:
Пидожды, коню, осидлаю
Пойиду дивчыну одвидаю.
Чы вона жыва, чы здорова
Моя дивчыонька чорноброва (2)
Билесенькe лычко, тыхая мова.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

11.

На мори утка купалась,
На тры бережечкы сушылась.
Наталка своимъ сыномъ хвалылась:
Нема зилля пахущого,
Надъ мого Иванка кращого.

(въ 95 г. отъ дворянки Василисы Шульгиной, урожд. Бубликовой, с. Денисовки).

12.

(Входитъ въ № 13).

13.

Ой горе, горе! сухый дубе!
Та на тебе, дубе, морозъ буде!
Що я морозу не боюся,
Завтра въ ранци розивьюся,
Та на дибривоньку похылюся,
Та на тіи воды та на слободы,
Та на дивчынынo та пидвирьячко,
Та у покутнее виконечко.
Сыдыть дивчынонька край виконечка
Не закрые лычка одъ сонечка,
Ни русои кóсы одъ полумьячка.
Я-жъ думала, що полумьячко,
Ажъ то козакове здоровьячко.
Я-жъ думала, що огонь горыть,
Ажъ то козаченько конемъ бижыть,
Я-жъ думала, що огонь паше,
Ажъ то козаченько на кони пляше!

(отъ Авд. Сокиркиной д. Рудки).

14.

Ой, горе, горе, сухый дубе!
Що на тебе, дубе, пожаръ буде.
Та паше поломья съ тебе дуже,
Та паше поломья на подвирьячко,
Ажъ у покутнее виконечко.
Тамъ дивчынонька хусточкы шыла,
Та шыла хусточкы съ китаечкы
Китыла китыци зъ заполочи,
Та слала подаркы золотіи:
Це жъ тоби, козаче, подарочкы
Одъ твоеи дивчыны коханочкы.
А винъ же подаркивъ не прыймае,
Зъ собою дивчыну забирае.

(отъ О. Недилькиной с. Литвяковъ).

Вар. Въ с. Губскомъ, Тарандинцовской волости начало петривки такъ:

Ой, горе, горе, сухый дубе!
Та летыть поломья червонее (2)
Та на Наталины воритечка.
Сыдыть же вона край виконечка
Въ ейи головонька гладесенька,
Въ ейи матинка риднесенька.

(отъ Анны Богиничъ).

15.

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодна вода пидъ тобою.
А стань, вербо, у толоци,
Де збираютця дивкы й хлопци.
Де дивкы й хлопци збираютця,
На медъ, горилку складаютця
Выкынь, козаче, хочъ полушечку,
За свою Марусю славну душечку
Выкынь, козаче, хочъ копіечку,
За свою Марусю, славну дивочку.
Выкынь, козаче, хочъ грывеньку,
За свою дивчыну чорнобрывеньку.

(въ 95 г. отъ коз. м. Оржицы Евфросиніи Семперовичъ).

16.

Не стій, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою,
А стань же ты, вербо, на рыночку
Та на хрещатому барвиночку.
Та стань же ты, вербо, на толоци,
Та де сбираются дивчата и хлопци.
А де сбираются та ривняются,
На медъ, горилочку та скыдаются
Выкынувъ Иванко та копу грошей,
Шо винъ у батька сынъ хорошый
Выкынувъ Иванко половыночку,
Сотишывъ дивчыну—челядыночку.
Выкынувъ Иванко найбильше всихъ,
Та выбравъ дивчыну найкращу всихъ.

(отъ коз. Д. Гавриленковой 23 л. д. Гребищъ въ 94 г.).

Вар. Вмѣсто 5—8 стр. въ с. Хорошкахъ, Снѣтинской вол., поютъ слѣдующія:

Туды сыритки сбиралысь,
Хрещатымъ барвинкомъ затыкалысь
На медъ, горилочку складалысь и т. д.

(отъ Матрены Мыцикъ).

17.

Що по чужихъ селахъ дощи йдуть,
А въ насъ ричкы течуть.
Тай заплету тынкомъ ричечку
Та пущу лебидя й лебедочку.
А тожъ не лебидь билесенькый,—
То Иванко молодесенькый,
А тожъ не лебедка билесенька,—
Тожъ Ганна молодесенька.

(въ 95 г. отъ кр. д. Пятигорецъ В. Охрименковой).

18.

Посію я рожу надъ водою
Поставлю сторожу пидъ вербою (2)
Чи не пиде дощыкъ стороною.
Стороною дощыкъ, стороною,
Та на мою рожу червоную
Та на мій барвинокъ хрещатенькый,
Та на мій василекъ запашненькый [1]),
Та на мою мяту кучерявую
Та на мою косу русявую.
Що у мене коса до пояса,
Червоный коснычокъ до пятычокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,
Що у мене брови якъ шнурочокъ,
Що у мене очи якъ терночокъ.
Тай обизвався козаченько:
Тай не выхваляйся, дивчынонько,
Бо не ты кисоньку выкохала,
Не ты биле лычко выбиляла.
Выкохавъ кисоньку твій батенько,
Выбилыла лычко твоя матинка,
Тай по трычи въ ночи вставаюче,
Твое биле лычко вмываючы (2)
Твою русу косу заплитаючы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина)

Вар. 1. Въ с. Литвякахъ прибавляютъ къ началу пѣсни слѣдующія шесть строкъ:

По чужихъ сторонахъ дощи йдуть,
А въ нашій—ричкы течуть.
По чужихъ сторонахъ витры віють,
А наши дивчата рожу сіють.
Ой сіють же рожу й василечокъ
Щей хрещатенькый барвиночокъ.

(отъ Ор. Недилькиной).

Вар. 2. Въ с. Юсковцахъ начало такъ:

Ой выорю нывку, щей долынку
Та посажу рожу щей калынку.

(отъ Кс. Крятовой).

Вар. 3. Въ х. Пышномъ, съ 8-й строки:

Моя руса коса въ коснычку,
Моя била ручка у персныччку.
Щой у мене очи якъ терночокъ,
Щой у мене брови пидъ шнурочокъ.
Що у мене лычко якъ яблучко,
Сама молодая якъ ягода.

(Мареы Павлищенковой).

---

1) Или: Та на мій любыстокъ лыстатенькый.

Вар. 4. Въ с. Рудки въ концѣ такъ:

Выкохала косу моя матинка,
Билее лыченько у батенька.
Выкохала косу у садочку,
А билее лыченько у холодочку.

(Авдотьи Сокиркиной).

Вар. у Чуб. (т. 3, № 50, стр. 145) не похожъ и гораздо слабѣе.

Вар. 5. Въ с. Воронинцахъ начало различно, именно такъ:

Посію я рожу пидъ горою
Поставлю сторожу чорноброву,
Чы не вдарыть дощыкъ стороною.

(отъ Анны Клименковой).

Вар. 6. И такъ еще:

Соловей, соловейко на калыни,
Сывая зузуля на туполи.
Козакъ дивчыни до любовы,
До любовы тай до розмовы,—
Билее лычко, чорніи бровы.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе наружности дѣвицы, оканчивающееся такимъ образомъ:

Моя ручка у персныччку,
Моя била нижка у черевычку,
Моя руса коса у коснычку.

(отъ Софіи Холодняковой).

Вар. 7. Въ м. Оржицѣ, послѣ 8 строчки перваго варіанта, описаніе наружности такъ:

На мое лычко билесеньке,
На мое словце вирнесеньке.
На мое лычко щей билійше,
На мое словце щей вирнійше.

(отъ Евфр. Семперовичъ).

19.

Малая ничка петривочка.
Та кличе зовыцю невисточка:
Ой, прыйды, зовыця, прыйды, сестрыця,
Та прыйды до мене ночуваты.
— Боюсь, невисточко, боюсь молода,
Ой, щобъ же ты мене не зрадыла,
Русои косы не збавыла.
— Не бійсь, зовыце, не бійся, сестрыце!
У мене комори орихови,
У мене дверечка дубовіи
У мене замочкы турецькіи
У мене ключыкы нимецькіи.
Ой, тилько стало намеркаты,
Тупотыть, грюкотыть коло хаты.
Ой, то прыихалы зовыцю браты.
Що зовыця каже: розбойнычкы,
А невистка каже—то любовнычкы.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Вар. Въ с. Пескахъ въ петривкѣ этой слѣдующія отличія: въ отвѣтѣ зовыци:

— Не прыйду, невистко, не прыйду, молода,
Бо ты, молодую, мене зрадышъ,
Одъ батька до свекра переманышъ.

Въ успокоеніи, высказываемомъ невисткою:

— У мене комори дубови,
У мене дверечка соснови.

Въ самомъ концѣ прибавляютъ:

Взялы зовычку за билу ручку,
Повелы зовычку у темнычку.

20.

Та малая ничка на купала
Де ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку у барвиночку,
Уставай, козаче, недовирочку.
Ночувала другу въ темному лугу
Уставай, козаче, несуженый другу.
Ночувала третю пидъ ожыною
Съ тобою, козаче, зъ дружыною.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

21.

Малая ничка проты Ивана
Съ кимъ ты, дивчыно, ночувала?
Ночувала ничку пидъ дубчыкомъ
Съ тобою, козаче, голубчыкомъ.
Ночувала другу пидъ березою
Съ тобою, козаче. розвезою.
Ночувала третю у барвиночку
Съ тобою, козаче, недовирочку.

(отъ Василисы Конычкы х. Яновщины).

22.

Ой, на вгороди роменъ, роменъ,
Та кажуть же люды: мылый умеръ
Ой, ходимъ, сестрыци, дывытыся:
Чи буде дивчына журытыся?
Молода дивчына не журытця,
Ходыть по вгороду въ груды бьетця (2).
Уже мій мыленькый не вернетця.
Выйшла за ворота, рукы ломыть:
Уже мій мыленькый не говорыть!
Хочъ бийся, не бийся, не поможетця,
Во вже козаченько не прыгорнытця.

(отъ Мароы Павлищенковой х. Пышнаго).

Вар. Вмѣсто этихъ двухъ поютъ и такъ:

Выйшла за ворота побываетця:
Уже мій мыленькый не бзываетця.

23.

Коло шыру шыру шырокого [1]),
Коло Дунаечка глыбокого,
Тамъ дивка—сыритка нижкы мыла,
Чысту водыцю сколотыла.
Та де узявся козаченько
Та на вороному коныченьку (2)
Та въ голубому жупаныченьку.
Ставъ коныка напуваты,
Ставъ дивку сыритку проклынаты:
— Бодай ты, сыритка, бильшъ не зросла,
Такою малою замижъ пишла,
Та щей молодою завдовила,
Маленькихъ диточокъ посыротыла!
— Бодай ты, козаче, не оженывся,
На сынёму морю утопывся!
Бодай кинь вороный ставъ горою,
Золоте сидельце—долыною
А самъ, молоденькый,—ставъ могылою!

(отъ А. Сокиркиной).

[1]) Въ Литвякахъ: коло выру; въ с. Юсковцахъ: коло гаю; въ х. Пышномъ: коло яру.

Вар. 1. Проклятія козака и сиротки въ Низшемъ Булатцѣ поютъ такъ:

— Щобъ ты выйшла замижъ молодою
Та щей осталася и вдовою!
— Бодай твій конычeнько воды не напывся,
Бодай ты, козаче, втопывся.
Щобъ твій конычeнько—купыною,
Твоя нагаечка—гадыною!

(отъ Матрены Барановой).

Вар. 2. Въ х. Пышномъ такъ:

А сыритка стала—отгадала:
Бодай ты, козаче, не оженывсь,
Въ тыхому Дунаю утопывсь,
Що твій конычeнько—горою,
Твое сиделечко—купыною,
Твоя нагаечка—гадыною.

(Мареы Павлищенковой).

Вар. 3, записанный въ х. Тернавщинѣ отъ немолодой женщины Софіи Латенковой, старинный, но кажется испорченный, такой:

У поли крынычeнька, холодная водычeнька,
Тамъ сыритка ногы мыла,
Холодну воду сколотыла.
Прывивъ козаченько коня напувать,
Ставъ сыльно сыритку проклынать.
Щобъ ты, сыритко, бильшъ не зросла
И замижъ пишла, не зрозумила
И молодая завдовила
Вона молода стала,
Сыльно ёму й отгадала:
Щобъ ты, козаченьку, не дождавъ.
Щобъ твій кинь середъ моря яворомъ ставъ.
Твое сиделечко купыною,
Твоя нагаечка—гадыною!
Выйшла его ридна маты воды браты.
Стала на то дыво дывоваты:
Я не разъ, не два воду брала,
Сёго дыва не выдала.
А молода сыритка ій отгадала:
Се не дыво—то твоя дытына,
Се я, молода, ёму такъ поробыла!

Вар. 4. Въ числѣ проклятій сыритки въ с. Губскомъ такъ:

Бодай ты, козаче, та вовкомъ ставъ.

(отъ Анны Богиничевой).

Вар. 5. Въ с. Волчкѣ проклятія сыритки:

Бодай ты, козаче, съ коня вбывся,
Шобъ ты, молоденькій, не оженився.

(отъ Натальи Шевченковой).

Вар. 6. Въ сел. Новакахъ начало петривки такое:

Ой, не стій же, вербо, надъ водою,
Бо холодная вода пидъ тобою.
Пидъ тебе водыця пидбигае,
Съ пидъ тебе кориння вымывае.

Затѣмъ между проклятіями козака:

... Зъ маленькими дитьмы одурила

И сыриткы:

... Твоя нагаечка гадынкою,
А ты, козаченько, чортынкою.

(отъ козачки Н. Щербаневой).

24.

Уже петривка мынаетця,
Зузуля куваты забуваетця.
Уже петривка мынулася,
Зузуля куваты забулася,
Ячмени зажыгаютця,
Соловьи щебетать забуваютця.
Уже ячмени позажыгалысь,
Соловьи щебетать позабувалысь.

(въ 95 г. отъ двор. В. Шульгиной, урожденной Бубликовой с. Денисовки).

25.

Та вже ячминь колосъ выкыдае,
Соловейко голосъ покыдае;
Тай вже-жъ ячминь колосъ тай выкынувъ,
Соловейко голосъ свій покынувъ.
У ячмени колосъ набростывся,
Соловейка голосъ изминывся.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина)

26.

Зозуленько! моя матинко.
Та до Петра тоби та куваньячко,
Писля Петра тоби вылитаньячко.
Писля Петра серпы браты
Та йты у поле жыто жаты.

(отъ М. Рябоконевой с. Загребелья).

27.

Уже петривочка мынаетця
Сыва зозуленька ховаетця
Пидъ капустяный лысточокъ,
Щобъ не одминывся голосочокъ.
Пидъ капустяне качаньячко,
Щобъ не одминылось куваньячко.
Да пидъ лободу, да пидъ зильячко [1]),
Щобъ не одминылось йийи пирьячко.

(отъ А. Сокиркиной с. Рудки).

Вар. Въ д. Пятигорцахъ начинаютъ эту петривку такимъ образомъ:

Уже петривочкы дви недилечкы
У зузули голосъ якъ у дивочкы.

(отъ В. Охрименковой).

28.

Ой, Петре, Петре! щей ты, Иване!
Уже петривочка помынае.
Уже петривочкы дви недилечкы,
Напывайтесь дивкы горилочкы.
Уже петривочкы—одна, одна,
Напывайтесь дивкы вына.
Уже петривочка помынае,
Сыва зозуленька полынае.
Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.

(отъ кр. с. Волчка Натальи Шевченковой 12 л.).

29 [2]).

Сёгодня купала, а завтра Ивана,
А пислязавтра Петра и Павла.
Ой, Петре, Петре, и ты, Иване!
Уже жъ твоя петривочка мынае.
Уже петривочка мынаетця,
Сыва зозуленька ховается.

[1]) Или: Пидъ капустяне зиллячко, | Щобъ не зминылося пирьячко.

[2]) Почти всѣ петривки записаны въ 1889 году.

Уже петривочка помынула,
Сыва зозуленька полынула.
Уже петривочци не буваты,
Сызій зозуленьци не куваты.

(отъ У. Выборной м. Снѣтина).

Трендычки [1]).

1.

Чогось мени не прядетця,
Пидо мною дныще гнетця,
На четверо нытка рветця.

2.

Ой, колыжъ той вечиръ буде,
Що багато хлопцивъ буде?
И велыкихъ, и малихъ,
И розумнихъ, и дурнихъ,
И убогихъ, и богатихъ,—
Буде съ кого выбираты!

3.

По за садомъ, садомъ [2])
Тры мисяця рядомъ.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
Первый мисяць ясный—
Егорко прекрасный.
Другый мисяць ясный—
Трохымко прекрасный.
Третій мисяць ясный—
Прокопко прекрасный.
Ой, ну сюды, ну!
Тры мисяця рядомъ.
По за садомъ, садомъ
Тры зирочкы рядомъ.
Ой, ну, сюды ну!
Тры зирочкы рядомъ.
Перва зирка ясна—
Варуся прекрасна,
Друга зирка ясна—
Настуся прекрасна,
Третя зирка ясна—
Наталя прекрасна.
(припѣвъ).
Що Варуся буде
Пшеныченьку жаты,
А Настуся буде
Медомъ торгуваты,
А Наталя буде
Шматурья збираты,
Просыла Прокопка
Торбы зашываты.
(припѣвъ).

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣдніе два куплета поютъ и иначе:

Що Варуся зъ Егоркомъ—
Пшеныченьку жаты,
Настуся зъ Трохымкомъ
Ячменю вьязаты,
Наталя съ Прокипкомъ
У шынокъ гуляты.

Вар. II. Вмѣсто двухъ послѣднихъ куплетовъ въ х. Пышномъ поютъ:

Иванко съ своею
Пшеныченьку жаты,
Гаврылко съ своею
Медомъ шынкуваты,

---

1) Помѣтки собирателя, отъ кого и когда пѣсни записаны, пропущены въ виду краткости пѣсенъ. *Прим. редакціи.*

2) Иногда: „по за яромъ, яромъ“.

Данылко съ своею
Шматурья прохаты
Одъ хаты до хаты.
Шматкивъ напрохалы
Собакы нагналы,
Торбу розирвалы
Шматкы похваталы.

Вар. III. Въ х. Яновщинѣ припѣвъ такой:

Грай море, цвиты зоре!
Самодёръ.
Тюхы, тюхы,
Дёръ, дёръ, дёръ.

(подражаніе соловью).

4.

Котылося тры зирочкы зъ неба
Чогось мени до батенька треба;
Треба мени волового воза,
Тамъ дивчына якъ повная рожа.
Йийи маты гречаныкы чыныть,
А хлопчына дверей не отчыныть.
Одчынитця двери проты мене
Тай оддайте дивчыну за мене.
Шкода зятю одъ доброго слова
Не ночуе дивчынонька дома.
На досвиткахъ велыка залога
Тамъ ночуе дивчына здорова.

5.

Що Маруся та Оксана,
Салымонова Лександра,
Що до Дороша ходылы,
Клункомъ мирочку носылы.
Дорошъ буде переводыть
На лучшую путь наводыть.
Дорошъ Дорошыси лае:
Чомъ очипочкивъ не мае?
Чомъ крамарыкы не ходять
Чомъ очипочкивъ не носять?
— Ой ты, Дорошъ, Дорошыно!
Въ тебе куца кожушына.
Сыдыть Маруся кивае
Тай на Дороша моргае:
Що я й прынесу
Хочъ не вранци, въ вечорыни
Вытягну въ сестры изъ скрыни.
Якъ побигла до дому
Та не въ хату—въ коморю
Замутылася.
Ходыть вона та ныкае
Та чогось вона шукае
Та вкрала лынтварь
Взяла ёго розгорнула,
Посмотрила, впьять згорнула
Тай за пазуху запхнула
Тай до Дороша майнула,—
Буде доточыть!
Йийи мате старая
На досвиткы не пускае.
— Такы-жъ бо пиду!
Якъ потягну сусуныну,
Якъ потягну рядно съ тыну,
А якъ прыйде женышына;
Въ ёго куца кожушына,
А въ мене рядно!—

6.

Ой не выходь на юлыцю (3) [1]) на юласъ
Тай не сидай проты мене (3) проты насъ.
Скажуть люды: любышъ мене (3) любышъ насъ.

---

[1]) Слово, возлѣ котораго цифра 3, поется трижды.

Бо мы роду не простого (3) не съ простыхъ.
Бо мы роду князивського (3) князивськихъ.
Князивській сынъ въ гусли грае (3) въ гусли гра
Соби Машу выклыкае (3) выклыка.
— Выйды, Маша, на крылечко (3) на крыльцё
Промовь, Маша, хочь словечко (3) хочь словцё
— Ой, рада-бъ я выходыты (3) выходыть,
Съ тобой, серце, говорыты (3) говорыть
Буде-жъ мене маты знать, на юлыцю (3) не пускать.

7.

Ты, дивчыно, прыберыся,
Ты, козаче, подывыся:
Чы хороша, чы вродлыва,
Чы до дила робитлыва.

Надавыла, надавыла надавья,—
Надавыла соловья.
Соловейко шуры буры
Тай убывъ тры зузули.

8.

Що на неби ясна зирка,
Що Маруся гарна дивка.

Гарна дивка, гарно ходыть,
Гарно йийи маты водыть.

9.

На тарильци билый сыръ,
Що Иванко гарный сынъ.

Гарный сынъ, гарно ходыть,
Гарно ёго батько водыть.

10.

На тарильци два лыны,
Мій мыленькій прылыны!
Прылынулы разомъ два
Чорноброви обыдва.

Та не знаю, що робыть
Чы покынуть, чы любыть?
Которого одсылать,
Которого оставлять.

11.

Якъ посію сири, били гарбузы,
Туды йшлы у тры ряда, парубкы.
Попереду та Иванко иде
За собою та Марусю веде,
— Ты, Марусю, ты, дружыно моя!
Якого ты мени зилля дала?

— Дала зилля драголюбчыку,
Драголюбчыку, чыку, чыку
У стаканчыку,
Дала-жъ тоби тай у чарощи,
Щобъ любылысь тай у парощи.

Вар. Начало настоящей пѣсни въ сел. Волчкѣ такъ:

У нашого пана на двори, на двори
Уродылы сири, били гарбузы.

12.

Зайшло, зайшло сонечко
За садъ выноградъ,
Цилуйтеся, мылуйтеся,
А хто кому радъ.
Що дивчына козакови

Раденька була
Дала ёму шыту хустку
Щей шматъ помела
Взяла ёго за рученьку
Та въ садъ повела.

Йижъ, козаче, ягидки,
Которіи солодки,
А котори кисли,
То нехай на вышни,
А котори ни,—
Зоставляй мени.

Вар. I. Въ с. Хорошкахъ прибавляютъ:

А якъ зелени,
То давай Олени.

Вар. II. Въ х. Пышнóмъ послѣ „шматъ полотна" поютъ:

Оце тоби, козаченьку,
Комора нова.

И тѣмъ кончаютъ.

13.

Якъ узяла козаченька нудота,
Прыпынае коныченька до стовпа.
А самъ, молодъ, по пидъ тыномъ рачкы, рачкы,
Та до тіи дивчыноньки швачкы, швачкы.
Коло неи не насыдыться,
Винъ на неи не надывыться.
Така въ ёго думка була,
Щобъ дивчына ему жинка була.
Тай не тайся, дивчынонько, не тайся,
Бо въ тебе козаченько вдався.

Первыя двѣ строчки въ х. Николаевкѣ такъ:

Заболила въ козаченька голова,
Та прывьязавъ коныченька до двора.

14.

По надъ терномъ стежечка,
По надъ терномъ бытая,
Бытая була (2).
Що въ дивчыны бривонькы,
Що въ дивчыны чорніи,—
Матуся дала (2).
А хто йийи знатыме,
То той цилуватыме,—
Хлопійко душа.

Вар. Въ с. Волчкѣ вмѣсто „бривоньки" такъ:

Шо въ дивчыны губонькы,
Шо въ дивчыны пышныи и т. д.

15.

Чы я тоби не кажу:
Що засватана хожу?
А ты виры не ймешъ,
Та що вечора йдешъ.
Серденятко мое!
Прошу тебе ласкою
Не ходы ты до мене.
Буду, серце, ходыть,
Буду вирно любыть,
Хочь мени, хочь тоби
Тай на свити не жыть!

16.

Чы чуешъ ты, Гапко,
Клыче тебе батько?
Черезъ тынъ, костынъ, костынъ,
Черезъ теренъ густый, густый
Черезъ частой, наборчастой
Черезъ колисчастой.
Хочъ же винъ клыче,
То я знаю на що:
Хоче мене батько
За конюха ддаты.
Я конюха не люблю
За конюха не пиду.

Затѣмъ пѣсня поется также о свинарѣ, вивчарѣ и козакѣ. Конецъ такой:

Я козаченька люблю,
За козаченька пиду,
Съ козаченькомъ жыть буду,
А вивчаря забуду.

Въ с. Литвякахъ начинаютъ такъ:

Ой, дивчыно Гапко!
Клыче тебе батько (2).
Воливъ запрягаты (2)
На квиткы ораты.
Или:
На тютюнъ ораты.

17.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько,
Нихто краще не заграе,
Якъ той Кононенко [1]).
Кононенко грае,
А Миронко вчыться,
Якъ не визьме Харытыны,
Не буде женыться.

Вар. I.

Ой на гори, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.
Пысаренко пыше,
А хлопчына вчыться.
Не посватаю Маруси,
Не буду й женыться.

Вар. II. Вмѣсто второго куплета въ х. Пышномъ поютъ:

Пысаренко грае
Въ дубову сопилку,
Высвыставъ, выгукавъ
У Самсона дивку.

Вар. III. М. Лукомья:

На вгороди, ненько,
Цвите голубенько.
Нихто мене такъ не любыть,
Якъ той Пысаренко.
Пысарь пыше на бумаэи,
А Иванко на кытайци.
Нате, братци, передайте
Маруси коханци.

18.

Надъ Сулою надъ водою
Кислыци навыслы,
Не добере Самсоныха
Невисткы до мысли.
Нехай вона выбирае,
Яку сама знае,
Надъ нашои Наталочкы
Кращои немае.

19.

Гиля, гиля! сиры гусы на ставъ.
Добривечиръ, дивчыно, бо я щей не спавъ.
А я спавъ, не спавъ,—не буду й спаты.
Дай мени, дивчыно, повечеряты.
Въ мене вечеря—рыбка печена
За для тебе, серденько, прыготовлена
Рыбку пойимо, медкомъ запьемо,
Мы съ тобою, серденько, поговорымо.

---

1) Коваленко.

20.

Ой бачу я, бачу,
Якъ ты волы гнала.
Тимъ я тебе не займавъ,
Що маты стояла.

Ой бачу я, бачу,
Що ты бычкы перла,
Тимъ я тебе не займавъ,
Що ты моя перва.

Въ м. Лукомьи въ началѣ прибавляютъ еще куплетъ:

Ой, дивчыно Насте,
Де ты волы пасла?
Пидъ дубкамы съ парубкамы
Де травыця рясна.

21.

Надъ ричкою надъ Донцемъ
Стоитъ дивка зъ молодцемъ.
Напьялася рукавцемъ
Напьялася обома.
Винъ цилуе, обнима.
Пытаеця: чія я?
—Ой, дивчыно! чія ты?
Чы выйдешъ ты гуляты?
Якъ выйдешъ ты, выйду я,
Тоди скажу, чія я.

У Чуб. (т. 5, стр. 87, № 182) первыя двѣ строчки такія же

22.

Ище пивни не спивалы
Кажуть люды блызько свитъ.
Стоитъ мылый край воритъ
Выклыкае молоду дивчыну
Та до себе на совитъ.
—Ой, якъ мени ходыты,
Тебе вирно любыты
Де бильшъ челяди гуляе,
То тамъ буду судыты.
—Якъ ты мене судышъ разъ,
А я тебе двичи,
Де бильшъ челяди гуляе,—
Плюватыму въ вичи.

23.

Черезъ ричку у лисокъ
Подай мыла голосокъ.
Черезъ быстру риченьку
Подай мыла рученьку.
Ой, рада бъ я ручку дать,
Сторонни люды стоять.
То не люды—старыкы,
То наши розлучныкы.
Хотять же насъ побидыть,
Любовь нашу розлучыть.
Любовь наша дорога,
Розлученька тяжела.

Въ с. Литвякахъ вмѣсто послѣдней строчки двѣ такія:

До чого насъ довела,
До славонькы, до стыда.

24.

Ой, маты моя!
Та зарижъ мотыля.
Шобъ моему женыхови
Та вечеря була.

25.

Чы я тоби не казала
И не говорыла:
Прыйды, прыйды у вечери
Я рыбку варыла?
Винъ не прыйшовъ у вечери
Та прыйшовъ у ранци.
Ой, позбирай, скурвый сыну,
Кисточкы на лавци.

26.

Ой не ходы лёдомъ,
Ходы огородомъ,
Бо на лёду провалыся
Тай до мене забарыся.

Я не боюся,
Бо не провалюся,
Якъ я тебе вирно люблю.
Тай не забарюся.

27.

Ой, не ходы по лёду,
Бой увалыся.
Чы ты мене вирно любышъ,
Чы ты чваныся?
Якъ я тебе не люблю,
Скарай мене Боже,

Буду тебе цилувать,
Покы сыла зможе.
Уже й нацилувався,
Уже й намылувався.
Часъ пора перестать,
Щобъ и славы не застать.

Въ зб. Лысенка, 68 г., № 37, стр. 83—первыя 7 строчекъ такія же.

28.

Трахъ, трахъ по леду,
Хочь и слызько та йду,
Та до тіи дивчыны,
Шо хороша на выду.

Хочь хороша, –не хороша,
Такы въ неи таланы.
На юлыци хлопци бьютця,—
На кошари бараны.

29.

Якъ бы мени не тыны
Та не перетынкы,
Ходывъ бы я до дивчыны
Тай до Харытынкы.

Якъ бы мени не тыны
Та не перелазы,
Ходывъ бы я до дивчыны
По чотыри разы.

30.

Маты Сыдорова
На Сыдора позавыдувала.
Изъ Сыдора и сорочку зняла,
Сыдорови прочухана дала.

Оце тоби прочуханъ, прочуханъ,
Щобъ ты дома ночувавъ.
По досвиткахъ не ходывъ, не ходывъ,
Чужихъ дивокъ не любывъ.

31.

Якъ пиду я у гай, у гай,
А тамъ дивкы—ай яй яй!
То чорняви, то биляви,
На котру глянь—уси брави.
А я на ихъ задывывсь
Та зъ воламы розгубывсь.

А я хожу та мытаю,
Та дивчачу матиръ лаю.
Дошатався, домытався,
Покы батько пидобрався
Съ ципочкамы зъ ломачкамы,
Щобъ не гулявъ зъ дивочкамы.

32.

Ой у стрильця пидъ виконéчкомъ
Грае Прокипко сывымъ конéчкомъ.

Дивчына рада, въ долони плеще:
Ой, прыбудь, прыбудь, Прóкипко, ище.

33.

Нема гречкы, ни половы,
Що въ Маруси чорни бровы.
Ты, Маруся моя!
Ты до горя довела!
Ты до горя, до биды,
До холоднои воды.

34.

Ой, матинко! хыкаетця,
Хай легенько згадаетця,
Кого люблю поцилую,
Ажъ губонькы слыпаютця.

35.

На гору йшла пидперлася
Заплакала й утерлася.
Куды йду, слёзы лью
Нема того, що люблю.

36.

Ой, хожу по току,
По гладесенькому.
Выплакала кари очи
По мылесенькому.
Ой, хожу по току
Тай по копаному.
Выплакала кари очи
Тай по коханому.

37.

Якъ пиду я до млына
Та піймаю лына.
Ни съ кимъ систы,
Лына зъисты,
Хиба сяду сама.

38.

Сердытця та лыха̀
Не бачыла женыха
Якъ бы жъ его побачыла
То я ёму бъ оддячыла!
Кывнула та моргнула
До серденька прыгорнула.
До серденька до щырого
До лыченька до билого.

39.

На вгороди буркунына
Та нема мого та Даныла
Та нема тай не буде
Винъ у вечери прыбуде.
А хочъ прыйде—не прыйму,
Я й одъ себе прожену.
Хочъ прогонь—не боюсь,
А до тебе прыгорнусь.

40.

На вгороди редька,
Нема мого Федька!
Ось перегодомъ
Бижыть огородомъ.
Нижкою тупъ, тупъ!
Чы дивчына тутъ, тутъ?

41.

На вгороди гарбузы,
Нема мого мармузы.
Якъ нема тай дарма,
Переночую й сама.

42.

На вгороди салата
Нема мого Кондрата.
Нема, нема щей не буде
Винъ у вечери прыбуде.

Въ с. Пескахъ, Засульской волости, послѣднія двѣ пѣсни варьируютъ сообразно имени парня такимъ образомъ:

Ой, на гори ямка, | Нема мого Иванка.
Или:
На вгороди макивка, | Нема мого Якивка.
Или:
На вгороди квасолына, | Нема мого Васылына, и т. д.

Послѣднія же двѣ строчки поютъ какъ въ предыдущемъ варіантѣ.

43.

Прыйды, прыйды въ понедилокъ
Та пидемо по барвинокъ.
Ты жъ мене пидманула,
Ты жъ мене пидвела;
Ты жъ мене молодого
Зъ ума—розума звела! [1])
Прыйды, прыйды у вивторокъ
Та нажнемо снопивъ сорокъ.
Прыйды, прыйды у середу
Та пидемо по череду.
Прыйды, прыйды у четверъ,
Лучше буде нижъ теперъ.
Прыйды, прыйды у пятныцю
Та пидемо по яглыцю [2]).
Прыйды, прыйды у субботу
Та пидемо на роботу.
Прыйды, прыйды у недилю
Та пидемо у шевлію.
Ты жъ мене обманула,
Ты жъ мене пидвела!
Ты жъ мени, молодому,
Вечеряты не дала.

Вар. Въ с. Литвякахъ первыя двѣ строчки такъ:

Прыйды, прыйды сама буду | Та напнымо халабуду.
А въ концѣ:
Ой, выходывъ всю петривку
Та выносывъ всю горилку.
Ой, выходывъ вси мясныци
Та выносывъ вси кислыци.

44.

На вгороди вивци пасла
Назбирала горщокъ масла.
Назбирала, посолыла
Вареныкчивъ наварыла (2)
Соби хлопцивъ наманыла.

45.

Пидъ хатою вышня
Бье козаченько трепака,
Щобъ дивчына выйшла.
Не выйшла дивчына,
Выйшла йійи маты:
Иды, иды, мій зятеньку,
До насъ вечеряты,
Я не хочу вечеряты,
Повечерявъ дома,
Прыйшовъ же я на довидкы:
Чы дивчына дома?
Дома, дома, дома,
Лежыть нездорова.
Ни сорока, ни ворона
Ни чорная галка,
Що дивчына та козакъ,—
Кажуть люды,—парка.

---

[1]) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ.

[2]) Яглыця—трава.

46.

Ой не стій на току
Та не вій кукылю,
Та не моргай очыма,
Бо не твоя дивчына.

47.

Ой не стій пидъ вицномъ
Не ворочайся
Скыдай шапку, иды въ хату,
Поздоровкайся.
Не мыкуляй очыма,
Бо не твоя дивчына.

48.

Ой не ходы коло хаты
Та не дратуй цуценяты,
Бо цуценя дяяволыть,
Въ мене серце болыть.
Ой не стій пидъ викномъ,
Не ворочайся,
Скыдай шапку та йды въ хату
Поздоровкайся.

49.

Ой не ходы коло хаты
Та не топчы руты мняты.
Не для тебе я садыла,
Щобъ я тебе полюбыла.
Не для тебе полывала,
Щобъ я тебе сподобала.

50.

И Грыцъ на току,
А я хату мету.
Мету хату, мету сины,
А на Грыця чорты силы.

51.

Якъ ходыла по надъ токомъ
Накынула ёго окомъ.
Винъ горбатый, я похыла,
Тимъ я ёго полюбыла.

52.

Ой, матинко—черешенько,
Воды мене гарнесенько.
Ю вышываній сороци,
Щобъ любылы мене хлопци.

53.

Была мене маты зранку,
Що порвалы хлопци дранку [1]),
А я сила тай латаю
Тай на хлопцивъ поглядаю.

54.

Нестору, Нестору!
Купы мени перстень
Изъ зеленимъ вичкомъ [2]).
Поверныся бочкомъ.
Щей бочкомъ, щей бочкомъ
Щей реберочкомъ.
—Не звы мене козакомъ,—
Зовы сердечкомъ!

55.

Ой, на гори зайчыкы трублять,
Чогось мене хлопци не люблять?
Скынтеся, хлопци, по грошу
Купить мени ленту хорошу,
А я буду ленту носыты
Будуть мене хлопци любыты.

---

1) Сорочку.

2) Камушекъ.

56.

Кучерявый Иванъ
На капусту оравъ,
Кучеряву дивчыну
Поганяты нанявъ.

Симъ день погоныла
На косныкъ заробыла,
Хто йде тай смыкъ
За новый косныкъ.

57.

Ой, що то за мисяць
Колы свитыть, колы ни?
Ой, що жъ то за мылый
Колы ходыть, колы ни?
Ой, чому не прынисъ

Чого я бажала?
А чы сала кусокъ,
А чы мыла брусокъ,
А чы тіи нещасніи
Чачавыци мишокъ.

58.

Не ходыла на улыцю —не пиду,
Не любыла чорзна кого—й не люблю!
Брешешъ, дивчыно, брешешъ,
Що вечера на улыцю чешешъ [1]).

Брешешъ, дивчыно, брехаешъ,
Що вечора на улыцю махаешъ.
—Правда, козаченьку, правда,
Що вечора на улыцю гайда.

59.

Ты капуста, ты росада моя,
Ты дивчына, ты досада моя.
Ты капуста головыстая,
Ты дивчына норовыстая.

Ты капуста выкыдай качаны,
Ты дивчыно покыдай норовы.
Ты капуста одностеблыця,
Оцынъ ходыть, другый сердытця

60.

И вчора не бувъ, и сёгодня не бувъ,
Десь ты мене, серденько, тай на викы забувъ.

—Я й не забувъ, та росердывся бувъ,
Бисови норовы до другои повелы.

61.

Идить, идить, заволокы, зъ хаты,
Хай лягають дивчаточка спаты.
У насъ викна изъ виконыцямы
У насъ двери съ клынового древа,
Намъ такои сволочи не треба.

У насъ викна изъ виконыцямы
До насъ ходять съ полюбовныцямы.
У насъ двери позащипуваны,
До насъ ходять позачисуваны.

62.

Колыбъ швыдче суббота
Булабъ хлопцямъ робота (2)
Заносыты ворота.
Зачепылы волокою
Тай потяглы толокою.
Зачепылы тонкимъ валомъ

Тай потяглы довгимъ яромъ.
Люды до церкви идуть,
Хлопци ворота несуть.
Не хвастайте хлопци дуже,
Що новіи въ васъ картузы.
Вы картузы погубыте,
Дурни булы,—той будете.

---

1) Крешешъ.

63.

Очеретъ густый тай надудкуватый,
Славный парень на натуру, та прыдуркуватый.
На вгороди лепеха прылепеткувата,
Славна дивка на натуру—прышелепкувата.

64.

Посіяла бурякы
Помижъ огиркамы
Препогани парубкы
Брезгують дивкамы.
Я думала, що вгиркы—
Колы пупьянкы,
Я думала парубкы,—
Колы шушвалкы.

65.

Черезъ садъ выноградъ
По воду ходыла,
Та не давъ мени Богъ
Кого я любыла.
Тилько давъ мени Богъ
Та на мое лыхо,
Колышу й ворошу,
А винъ лежыть тыхо.
—Хочь ты мене колышы
Хочь ты мене ворошы,
Хочъ ты мои чорни брови
На папери испышы.
—Що ты мои на папери,
А я твои на лубку.
Любы мене на сонечку,
А я тебе въ холодку.

66.

За синечкамы, за дверечкамы
Стояла кровать съ подушечкамы.
На тій кровати Иванко лежыть
На правій рученци дивчыну держыть:
Дивчыно моя! свитъ выноградe,
Не ходы по ночахъ, щось тебе вкраде.

Вар. I. Въ с. Литвякахъ послѣ первыхъ двухъ строчекъ прибавляютъ:

На тій кровати дивчына лежала,
Дивчына лежала хлопчыны бажала:
Нехай той прыйде, що мени хочетця,
Що винъ по досвиткахъ тай не волочытця.

Вмѣсто двухъ послѣднихъ строчекъ въ х. Тернавщинѣ такъ:

Ой нема, нема кого хочетця
Десь по юлычкамъ винъ волочытця.
Винъ волочытця въ сирячыни,
Мени хочетця, щобъ у чумарчыни.

Въ с. Хорошкахъ прибавляютъ еще:

Щей штаны сыни, сорочка била,
Самъ парень до дила.

67.

Ой, матинко черешéнько!
Засыдилась дуже,
Колыбъ мене той узявъ,
Що ложечкы струже.
Винъ наструже, винъ натеше
И на базаръ понесе.
И самъ себе прохарчуе,
Щей до дому прынесе.

Примѣчаніе. Эта пѣсня чисто мѣстная, кромѣ с. Калайдинецъ, извѣстнаго своими издѣліями изъ дерева, и окрестныхъ селъ Ольшанской вол., она неизвѣстна.

68.

Ой, матинко, до лышенька!
Купы мени женышенька
Хочь багато грошей дай,
Хорошого выбирай.
Та не жалій копы грошей,
Шобъ чорнявый та хорошый.

69.

Ой, маты моя!
Люблю Грыця коваля.
Я до печи, винъ за плечи:
Щебетушко моя!
И люблю и пиду
И поможы Боже!
Буду его цилувать,
Покы сонъ изможе.
Вжежъ нацилувався,
Вже-жъ намылувався, (2)
Якъ у саду соловей
Тай нащебетався.

70.

Куры та гусы гречку пойылы
На сынее море пыть полетилы.
Дивчыно Галю! заверны ты гусы,
Поцилуй козаченька въ чорніи усы.
То що, то що, то я й поцилую
Въ его боридоньку презолотую.
Щей въ тіи губкы, що не курять трубкы,
Щей у той выдочокъ, красный якъ лысточокъ,
Щей у ти бривонькы, тонкы якъ шнурочокъ.

71.

Горохова копыця
По дорози котытця.
Молодая дивчына
Красотою хвалытця:
Ой, тикала одъ татаръ,
Утикала й одъ жандаръ.
Теперъ я вже не втечу,
Семенъ Ивановычу!

72.

Варуся по виныкы ходыла
Сама соби Егорка любыла.
Стану я, подумаю сама:
Ой, кому я прыдостанусь молода?
Чы сёму, чы тому панычу?
Чы Егору Мыхайловычу?

73.

Ой, матинко вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой, матинко, туполе!
Яке мени тутъ горе!
Вставай, доню, не тужы,
Та наймайся та служы;
Вороженькивъ не гляды.
Тилькы сами ворогы
Кругомъ хату обляглы.
Кругомъ хату щей сины
Вороженькы обсилы.
Кругомъ сины й ворота,
А я бидна сырота.

74.

Ой, ходимо, Ганно!
Товарови даймо.
Зеленои лободы
Та поженемъ до воды.
Не солодка лобода,
Що не пьетця вода.

75.

Що у тихъ богачокъ
Та багато сорочокъ,
А у мене одна
Тай та била що дня.
У вечери намочу,
Опивночи колочу,
Якъ сонечко блысне,
Сорочка высхне
Якъ сонечко опивдни—
Сорочечка на мени!

76.

Ой, на току, на току
Молотылы хлопци.
Навидалы курипочку
Накрыту въ коробци.
Ой, тамъ куры пропадають,
Де дивкы гуляють.
Чы за медъ, чы за пыво,
Чы за ту горилку;
Истричае парубокъ
Изъ пивныкомъ дивку.
Не такъ вона излякалась
Тилько стало стыдно,
Заховала пивныка,
Тилько хвостыкъ выдно.

77.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Черезъ тры города,
Заплутався въ гарбузиння
Та наробывъ шкоды.
Пидихожу пидъ виконце:
Добривечиръ, люде!
Росплентайте зъ гарбузиння
Вамъ шкоды не буде.
Увійшовъ я въ хату
Просять мени систы,
Дають мени картоплыну
Нечыщену исты.
Я на тую картоплыну
Скоса поглядаю
На полыци вареничкы
Я й самъ добре знаю.
Погасылы каганець
Полягалы спаты
А я за ти вареничкы,
Тай пишовъ изъ хаты.
Выйшовъ же я за ворота
Прошу себе систы,
Вареничкивъ исты.
Поивъ же я вареничкы,
Поивъ вареныци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на полыци
Ой, прощайте, добри люде,
Щей ты, серце Насте,
Щобъ на мене молодого
Не було напасты.

Вар.

Якъ пишовъ я до дніеи
Люлькы закурыты,
Зняла зъ мене кожушыну
Ще хотила й свыту.
Якъ пишовъ я до другои
Просыть мене систы
Дае мени бараболю
Нечыщену исты.

Далѣе какъ въ первомъ варіантѣ.

78.

Якъ пишовъ я на досвиткы
Та черезъ городы
Заплутався въ гарбузыння
Та наробывъ шкоды.

Пидійду я пидъ викно:
Добривечиръ, люде!
Выплутайте зъ гарбузыння
Вамъ шкоды не буде.
Кому гарбузыння,
А мени насиння,
Хто выплута зъ гарбузыння
Заробыть спасиння.
Якъ пишовъ я на досвиткы
Нигде мени систы
Дають мени бараболю
Нечыщену исты.

Я на тую бараболю
Скоса поглядаю,
На полыци вареныкы,
Я на ихъ моргаю.
Погасылы каганець
Полягалы спаты,
Я за тіи вареныкы
Дай выйшовъ изъ хаты.
Ой, ивъ же я вареныкы
Та ставъ вареныци,
Перевернувъ макитерку
Въ синяхъ на полыци.

79.

И сюды и туды
Моя кукурузка—
Що на печи горяче,
А въ запичку узко.

Що до мене сыто, сыто
Що до мене решета,
Що до мене по симъ ходыть,
А я бидна сырота.

80.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бéрези колько?
Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Цилуются ловко.

Чы такъ у васъ, якъ у насъ
На бéрезы колючкы?
Чы такъ у васъ, якъ у насъ
Стуляются губочкы.

81.

Ой, чого ты, Пазыно, по симъ лузи блудышъ?
Ой, мабуть ты, Пазыно, мого сына любышъ?
Ой, на тоби Пазыно, коня вороного
Тай не любы, Пазыно, сына молодого.
Ой на що тій Пазыни коныкъ вороненькый?
Сподобався Пазыни козакъ молоденькый.
На Пазыни юпка якъ сыва голубка,
А ни батько купывъ и не маты дала,
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ хорошимъ козакомъ.
На Пазыни спидныця
Трыста рублывъ дурныця,
А ни батько купывъ, а ни маты дала.
Молодая Пазына съ козакомъ добула

Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.
Якъ умерла Пазына у субботу вранци
Положылы Пазыну на тесовій лавци,
Якъ надилы Пазыни чоботы сапьянци
Молодои Пазыни выдно пьяты й пальци.
А ни батько купывъ и не маты дала
Молодая Пазына съ козакомъ добула.
Добула, добула, бо хорошая була.
Пидъ зеленымъ байракомъ
И съ чорнявымъ козакомъ.

82.

Катерына гречку варыла,
Катерына хлопцивъ маныла.
Въ Катерыны чорная юпка,
Катерына чортова дурка.
Въ Катерыны чорна запаска
Въ Катерыны чортова ласка.
Въ Катерыны чорна одежа,
Катерына чортова лежня.

83.

Музыканты мои!
Вы заграйте мени
Коваля, Коваля.
Що я въ свого батенька
Одыныця була.
Трай, рай, рай
Дощыку въ рай.
Що у мого батенька,
Що у мого ридного
Сири волы на двори, на двори,
Що я тіи волы продала, продала
Соби хорошіи музыканты наняла.
(Затѣмъ измѣняютъ только слово волы на: кони, гусы).

84.

Ой, Боже мій, Боже!
Що я наробыла?
Полюбыла чабана
За грудочку сыра.
Укушу я того сыру,
А сыръ не солоный,
Подывлюсь на чабана,
Чабанъ не моторный.

85.

Яръ, яръ!
Я за яромъ стояла,
Я зъ маіоромъ гуляла.
Я маіора люблю,
За маіора пиду
Барынею!

86.

Я русявого люблю
За чорнявого пиду,
Ну, я рыжому не важу
У болото запроважу
Сыдыть рыжый та гада
Изъ болота выгляда,
Що хороша, чорнява
У болото загнала.

87.

И до дила не я,
До роботы—не я.
Ай до дила роботуха
И до хлопцивъ щебетуха.
И до дила, и до рала,
И до хлопцивъ удала!

88.

Ой, чей же то двиръ,
Що на гори хата?
Тамъ славная дивчынонька
Тильки не богата.
Ой, дивчыно моя!
Мое серденятко!
Радъ бы я тебе взять
Такъ не велыть батько.
Хоть батько велыть
Такъ ридъ не велыть,
Якъ побачу тай заплачу,
Ажъ жывитъ заболыть.

Въ с. Пескахъ начало этой пѣсни такъ:

Ой, дубъ та на дуба
Та дивчына моя люба.
Ой, радъ тебе взяты
Такъ не велыть моя маты.

Далѣе какъ въ первомъ варіантѣ съ замѣной батька матерью.

89.

Сватай мене, пане Йване,
А ты, маты, виддай мене,
Бо уже-жъ я доходыла
Така гладка якъ кобыла.
Ряба, ряба якъ зузуля
Черевычкы жовти вбула (2)
Тай на улыцю майнула.
Черевычкы—рыпу, рыпу,
Батько каже: другы куплю
Маты каже: чорта зносышъ,
Бо зъ досвитокъ мычкы носышъ.

90.

Якъ тоби, козаченько, угодыть,
Яку тоби та стёжыну купыть?
Червоную, дивчыно, червону,
Щобъ высила изъ застижокъ до долу.
Якъ тоби, дивчыно, угодыть,
Яки тоби закаблучкы становыть?
Зъ высока, козаченько, зъ высока̀,
Щобъ вдарыла дивчына трепака.

91.

Уже свитъ, уже день,
А дивчына зъ лиса йде,
Тай заросылась,
Тай забродылась.
Ягидочкы рвала,
Цыбульку щыпала.
Се жъ тому хлопчыни
Снидать сготовляла.

92.

Уже свитъ, свиточокъ,
Коло хаты слидочокъ.
Ой, хто его прослидывъ?
То хлопчына молодый.
До дивчыны прыходывъ
Черевычкы прыносывъ.

Любовныя пѣсни.

1.

Ой пиду въ лисокъ, та сорву цвитокъ
Та зовью винокъ, пущу на ставокъ.

А хто винокъ вловыть, той мене возьметь.

Ой йихавъ козакъ зъ Дону до дому,
Прывьязавъ коня до бересточка,
А самъ пишовъ ловыты виночка.
По колина ставъ винка не доставъ,
А по поясъ ставъ тай потопать ставъ.
Тай потопать ставъ, виночокъ доставъ.
Ой, бижы-жъ ты, коню, до дому
Не хвалысь, коню, дома никому,
Не хвалысь, коню, що я втопывся,
А хвалысь, коню, що я оженывся.
Въ мене молода—холодна вода,
Въ мене свитилкы—на неби зиркы,
Въ мене бояре—глыбокы яры,
Въ мене старосты—густи бересты,
Въ мене свашечкы—разни пташечкы,
Раненько встають, жалибненько кують,
Мени, молодому, жалю завдають.

2.

Тече ричка зъ Дунаечка
Тай у море впала.
Дивчынонька молодая
Зъ моря воду брала.
Козаченько молоденькый
Пару коней напувавъ,
До своеи дивчынонькы
Стыха речи розмовлявъ:
Скажы, скажы, дивчынонько,
Усю правдоньку мени:
Чы ты любышъ? чы ты пидешъ
Сей годъ замижъ за мене?
— Я правдонькы не скажу,
Сей годъ замижъ не пиду.
Посіяла васылечкы
У зеленому саду.
Ростить, мои васылечкы,
Я васъ буду полывать,
Прысылайся зъ старостамы
Буду рушнычкы давать.
Прысылався зъ старостамы,
Я рушнычкивъ не дала:
Хочь я ростомъ и высока,
А на лита молода.

3.

Гай, маты, гай тай не метеный,
Зеленою лищыною переплетеный.
У тимъ гаю нихто не бува,
Молодый Иванко коня напува.
Напоившы коня, тай ставъ попасать,
До своеи дивчыноньки лыстонькы пысать.
—Дивчыно моя! горда та пышна,
Пысавъ я до тебе лыстонькы—чому не вышла?
—Иване мій! не великый панъ,—
Сидлай коня вороного, йидь до мене самъ.

4.

Ой, шо-жъ воно за Маруся,
Шо я іи вирно люблю,—заняты боюся?
Тимъ я іи не займаю,
Шо свататы маю;
Тимъ до неи не горнуся—
Поговору боюся.
Колыбъ мени, Господы, вечора диждаты,
Зберу хлопцивъ всихъ молодцивъ
До Маруси гуляты,
А самъ сяду край виконця

Та буду слухаты,
А що буде Марусына
Моимъ хлопцямъ казаты.
Марусына по свитлонци ходыть,
Словесно говорыть:
Есть у мене два садочкы
Тай обыдва не родять,
Есть у мене два женыхы
Тай обыдва не ходять.
Буду сады полываты,
Шобъ обыдва родылы,
Буду хлопцивъ чаруваты
Шобъ обыдва ходылы.
Прычарую ручкы й нижкы
Щей каріи очи,
Шобъ не ходывъ до другои
Темненькои ночи.

5.

Камяна гора розвалялася,
Дивка съ козакомъ попрощалася.
—Козакъ молодый! проведы домой.
—Дивка молода! случылась бида,
Случылась бида—потерявъ коня,
Потерявъ коня—щей сиделечко,
Прощай, дивчыно, мое сердечко!
Потерявъ коня, щей подушечку,
Прощай, дивчыно, моя душечко!
Потерявъ коня, щей нагаечку,
Прощай, дивчыно, моя павочко!

6.

Ты, мисяць ясный! мій мылый прекрасный
Якый ты родывся на свити нещасный!
Якый ты вродывся—мени знадобывся,
Якый ты удався—мени сподобався.
—Колыбъ мени, мыла, орловіи крыла,
О́рловіи крыла, соловыны очи,
Знявся, полетивъ бы до мылои въ ночи.
Та сяду я, впаду, у мылои въ саду,
Чы не выйде мыла къ мени на пораду.
Моя мыла ходыть, билы рукы ломыть,
Билы рукы ломыть, словесно говорыть:
Сусиды блызькіи, ворогы тяжкіи,
Судять и говорять, бо й сами такіи,
Покопалы ямы глыбоки пидъ намы,
Попадайте въ ямы вороженькы самы,
Не робить розлукы, розлукы межъ намы!

7.

Якъ пиду въ поле, та гляну въ море,
Сама я бачу, що мени горе.
Ой, бачу, бачу по кому плачу,
По мыленькому, що не побачу.
Буду стояты хоть на камени,
А чы не прыйде мылый окъ [1]) мени.

[1]) Въ сѣверо-восточномъ углу Лубенскаго уѣзда, въ предѣлахъ волостей: Снѣтинской, Волчковской и Матяшовской предлогъ къ, икъ, произносятъ окъ. Напр.: окъ чому се? (въ чемъ дѣло?) или въ пѣснѣ: Прыбудь, прыбудь, мій батенько, теперъ окъ мени. Такъ говорятъ, впрочемъ, и къ югу отъ Лубенъ въ Оржицкой и Селецкой волостяхъ.

Ждала я ждала—нема никого,
Прылетивъ голубъ тай той ничого.
—Ой ты, голубчыкъ, голубъ сызенькый!
Скажы, голубчыкъ, де мій мыленькый?
—Що твій мыленькый у чистимъ поли;
У чыстому поли та пидъ вербою,
Зложывъ рученькы самъ надъ собою.
—Ой, Боже, Боже! на що давъ знаться,
Колы не судышъ, щобъ намъ побраться?
Колы не судышъ, чомъ не розлучышъ,
На що ты, Боже, такъ довго мучышъ?
Хочь изведы, хочь розведы,
Хочь у могылу насъ обохъ поклады.
Лучше-жъ я буду у земли тлиты
Нижъ безъ мылого у свити жыты!

У Чуб. (т. 5, стр. 357, № 696) вар. отдаленный, отличный по языку, эпизода съ голубемъ нѣтъ.

8.

Кому воля—намъ неволя!
Нихто не зна мого горя.
Наше горе ніякое,
Наше горе велыкое.
Били ручкы дилечка не роблять,
Били нижкы въ садъ гуляты ходять.
У садъ у садочокъ
Щипать ягидочокъ.
А я ягидъ не нарвала,
Соловейка роспытала:
—Соловей мій, сызокрылый,
Скажы правду де мій мылый?
—А твій мылый у неволи
У сахарному заводи.
Що винъ робыть? Зaробляе,
Ажъ питъ очи залывае,
А хозяинъ ёго лае,
Що роботонькы немае.

Отдал. вар. въ Кіев. Стар. 86 г. № 10, стр. 407.

9.

Порисъ роменъ съ тыномъ ровенъ,
Порисъ, похылывся.
Изъ чужои сторононькы
Козакъ дивци одклонывся;
—Даю тоби одклонного—
Коныка вороного.
—А я тоби шыту хустку
Съ пидъ злота самого.
Чы дивчына—не дивчына
Сю хустыну шыла,
Вона, мене, молодого,
Навикы зсушыла.

10.

Сонце сходе я журюся,
А заходе—плачу.
Ой, кого я вирно люблю,
Люблю й не побачу.
А кого я ненавыжу
По всякъ часъ повыжу.
Якъ зорву я зъ рожи квитку
Та пущу на воду:
—Плывы, плывы зъ рожи квитка,
Ажъ до мого роду,
Чы не выйде стара маты
По холодну воду.
Выйшла маты воды браты
Тай поймала квитку:
—Ой чого ты зъ рожи квитка
На води завьяла?
Моя дочка, паняночка,
Симъ недиль лежала.
Хочь лежала—не лежала,
Зроду не болила.

Идуть хмары изъ Полтавы,
Та все съ хмарочкамы,
Чужи дочкы паняночкы
Та вси съ парочкамы.

Моїй дочци, паняночци,
Парочкы нéмае.
Тилько іи пары, що очыци кари,
Тилькы іи доли, що чорніи брови.

11.

Пусты-жъ мене, маты,
Въ поле жыто жаты.
Та буду жаты, пылуваты,
Доленькы шукаты.
—Ой не пущу, доню,
Щобъ не заблудыла
Уже-жъ свое щастя, долю,
Давно загубыла.

—Пусты-жъ мене, маты,
У море купаться.
Буду плавать, пурынаты,
Доленькы шукаты.
—Ой, не пущу-жъ, доню,
Щобъ ты не втонула,
Бо вже твое щастя, доля,
Ажъ на дно пурнула.

12.

Налынулы гусы
Зъ далекого краю,
Сколотылы воду
На тыхимъ Дунаю.
Бодай же вы гусы
Съ пирьячкомъ пропалы!
Якъ мы вирно любылыся
Теперъ пересталы.

Ой, мы вирно любылыся,
Якъ голубивъ пара,
А теперъ тай разійшлыся,
Якъ сыняя хмара.
Ой, мы вирно любылыся—
Обое хороши,—
А теперъ та розійшлыся,
Якъ срибныи гроши.

Въ варіантѣ, записанномъ въ х. Николаевкѣ, прибавляютъ въ началѣ:

Нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни,
Нихто не прыгорне пры лыхый годыни.
Не прыгорне батько, не прыгорне маты,
Хыба той прыгорне, що думае браты.

И въ концѣ:

Якъ мы любылыся, якъ сиры утята,
А теперъ розійшлыся, якъ ти сыротята.

Вар. II.

Та козаче, голубче!
Та несуженый друже.
Та якъ мы любылысь
Съ тобою дуже.
Та якъ мы любылысь,—
Обое хороши,—
А теперъ розійшлыся,
Якъ сребряны гроши.

Та якъ мы любылысь,
Якъ голубы въ пари,
А теперъ та розійшлыся,
Якъ сонце по хмари
Якъ мы любылыся,
Якъ зерно въ ориси,
А теперъ та разійшлыся
Якъ туманъ по лиси.

У Чуб. (т. 5, стр. 315, № 621) очень отдаленный.

13.

Тонкáя хмелыночка на яръ подалася,
Молода дивчынонька въ козака вдалася.
Яки очи, такі й брови, така й головонька,
Якъ зійдемось до купочкы, стыха розмовонька.
Пишла наша розмовонька тыхо за водою,
Ты велыкый, я малая—не зійду зъ тобою.
А хочъ зійду, хочъ не зійду—не поривняюся,
Тилькы серцю одрадонькы, що женыхаюся.
Бодай тая степовая могыла запала,
Я пидъ нею ночувала, вечиръ утеряла.
Утеряла вчора вечиръ, утрачу й сёгодня.
Не бувъ мыленькый учора, не буде й сёгодня.
Та не давъ мени порадóнькы, серцю одрадóнькы.
—Яку-жъ тоби, моя мыла, одраду даваты?
Стелы, мыла, постиль билу, та ляжемо спаты.
Одну ручку въ головочку, другою обняты.
До серденька прыгорнувшы тай ставъ цилуваты.
—Ой дежъ се ты, козаченько, зъ крыныци вмывався
Межъ усію челядою мени сподобався?
—Ой, дежъ се ты, дивчынонько, зъ бумажечкы звыта,
Держышъ мене за рученьку до билого свита?
Хоть зъ бумагы, не зъ бумагы—билого папера,
Де стоялы розмовлялы—ходимъ и тепера.
Любылыся, кохалыся, якъ ластивка въ стриси,
А тепера розійшлыся, якъ зерно въ ориси.
Любылыся, кохалыся, тай не побралыся,
Тилько наши вороженькы та навтишалыся.

14.

Повій витеръ витерочокъ
Зъ глыбокого яру,
Прыбудь, прыбудь, мій мыленькый,
Зъ далекого краю.
Ой, радъ бы я повиваты,
Такъ яръ глыбоченькый,—
Ой, радъ бы я прыбуваты,
Такъ край далеченькый.
Женуть волы изъ дибровы,
Овеченькы съ поля.
Заплакала дивчынонька
Край козака стоя.
—Ой куды ты отъизжаешъ,
Сызокрылый орле!
Ой хто мене молодую
Сей вечиръ прыгорне?
Прыгортайся, дивчынонько,
Къ другому мылому,
Та не кажы тіи правды,
Що мени самому.
—Ой, якъ мени, козаченьку,
Правды не казаты?

Якъ прыгорне, поцилуе,
Тай стане пытаты:
Ой що будемъ, дивчынонько,
Сю ничъ розмовляты?
Треба мени, молоденькій,
Всю правду казаты.

У Чуб. (т. 5, № 69, стр. 28, вар. Б.) самое небольшое сходство.

15.

Въ лузи, въ лузи стоять волы въ плузи,
Та никому сирихъ воливъ поганяты,
А я, молодая, волы погоняла
Съ козаченькомъ на размови стала:
—Чомъ ты не прыйшовъ, чомъ ты не прыйихавъ
Якъ я тоби, серденько, велила?
Чы коней не маешъ, чы дорожкы не знаешъ?
Чы матуся йихать не звелила?
—Я коныка маю и дороженьку знаю
И матуся йихаты велила.
Есть у мене сестра, найменьшая зросла,
Вона мени йихать не звелила.
—Не йидь, не йидь, брате, въ чужу сторононьку
До дивчыны тай на розмовоньку,
Бо въ чужій сторонци горилкы напьесся
Самъ молодій славы набересся.
Я горилкы не пью, одъ меду не впьюся
Самъ, молодый, славы встережуся.

16.

Уже сонце нызенько, вечиръ блызенько
Прыйды, прылыны до мене, серденько!
Прыйды, прылыны до моеи хаты,
Одчыню дверечка, не чутыме маты.
Якъ одчыняла легенько здыхала,
А выпровожала—плакала, рыдала
Плакала, рыдала и правды пытала:
Та чы ты мене любышъ? Чы самъ себе нудышъ?
Чы до иншои ходышъ, зъ иншою говорышъ?
А мене, молоденьку, въ славоньку вводышъ.
Не ходы до мене, не смійся зъ мене,
Бо бьють мене, лають,—та все черезъ тебе!

17.

Яромъ, яромъ, пшеныченька ланомъ, горою овесъ.
Не по правди, молодый козаче, зо мною жывешъ.
А якъ прыйде вечиръ вечирочокъ, то до иншои йдешъ,
А до мене стыха стыхесенька голосъ подаешъ.
Ой, обсады, мыла, молода дивчына, выноградомъ двиръ,
А щобъ не заходывъ, якъ вечиръ прыходывъ, голосочокъ мій.
Уже я садыла, уже полывала—не прыймаеться,

Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынаеться.
Ой посады, мыла, молода дивчына, кучеряву мяту
Ой куды я йтыму, або йихатыму, тай зайду у хату.
Уже-жъ садыла, уже й полывала—не прыймаеться.
Уже-жъ мое вирне зазнавання все мынаеться.
Ой застелы, мыла, молода дивчына, коврамы весь двиръ,
А щобъ не помазавъ червонихъ чобитъ, золотихъ пидкивъ.
А бодай же ты, мій мылый, сёго не диждавъ,
Щобъ мои червони кылымы ногамы топтавъ.

Вар. Въ с. Литвякахъ вмѣсто 5—6 строчекъ такъ:
Ой посады, мыла, голубонько сыза, зелену вербу
Де не ходытыму, де не блудытыму—до тебе зайду.

18.

Зайшло сонце за ярокъ.
Та прыйды, мылый чорнобрывый,
Хочь до мене на часокъ.
Та поговорымъ мы съ тобою
Хочь послидній вечерокъ!
Що ты клявся, ты божывся:
Не покыну я тебе.
А теперъ ты покыдаешъ
Серцю жалю завдаешъ.

Свиты, мисяць, свиты ясный
Щей вечирняя зоря,
Що зъ вечора до пивночи
Мого мылого нема.
Десь мій мылый, чорнобрывый
Изъ иншою размовля.
Чы зъ лучшою, чы зъ кращою
Чы зъ такою якъ бы й я?

19.

Ой у поли дви туполи
Одна одну перехытуе,
Що въ козака дви дивчыны
Одна одну перепытуе:
Чы була ты, подружечко,
Вчора зъ вечора на улыци?
Чы стояла, розмовляла
Зъ моимъ мылымъ до пивночи?
—Я й гуляла, розмовляла,
Трошкы постояла.
А винъ вздыхавъ, тебе пытавъ,
Чомъ ты вчора не выходыла?
Шырокая та улыця
Очеретомъ перетычена,

Препогана подружечка
Мого хлопця переклыкала.
Шырокая тай улыця
Очеретомъ перестрочена,
Препогана подружечка
Мого хлопця запорочыла.
—Ой, лучше намъ, подружечко,
Суцильного пятака маты,
Ой, лучше намъ, подружечко,
Сокупного женыха маты.
—Ой, на тоби, подружечко,
На рукава полотенечко,
Тай не крушы, тай не сушы
Та мого сердечка.

20.

Запысалы парня молодого у салдаты
Та забула красна дивка роспытаты:

А чы мени замижъ иты, чы гуляты?
Гуляй, гуляй, красна дивка, якъ гуляла,
Топчы, топчы черевычкы якъ топтала.
Наймай, наймай музыченька якъ наймала.
Та не стелы билои постили—потолочять,
Воны тебе, молодую, изморочять.
Не надивай срибнихъ перстнивъ—поздіймають,
Били рукы твои поламають.

21.

Йихавъ козаченько на вороному коныченьку та съ дорогы сбывся
Вороному коныченьку ажъ на грыву схылывся:
Ой, пойидьмо, коню, ажъ у чысте поле,
Тамъ дивчына сыротына пшеныченьку поле.
Вона поле, вона поле, кукиль выбирае
Вороному коныченьку пидъ ногы бросае.
—Годи тоби, дивчынонько, кукиль выбираты
Вороному коныченьку пидъ ногы бросаты.
Стелы, стелы постиль билу та будемо спаты.
—Ой, не буду слаты—не велила маты,
Бо ты козакъ молоденькый будешъ жартуваты.
—Ой, не буду, дивчынонько, далеби не буду!
Лягай, лягай, дивчынонько, та не бійсь ничого,
Бо я, козакъ молоденькый, не зрадывъ никого.
Якъ не спала дивка ничку, тай не спала другу,
А на третю ниченьку мисненько заснула.
Якъ израдывъ козаченько—дивчына не чула.
Якъ лягала дивчына, якъ повная рожа,
А сёгодня стала ни на що не похожа,
Та лягала дивчына якъ червона калына,
А встала дивчына якъ билая глына.

Вар. у Чуб. (№ 692, стр. 354, т. 5) сходства нѣтъ почти никакого.

22.

Уси дивочкы по таночку ходять,
Безнеривна [1]) дивка передокъ водыть,
А за нею королевычъ ходыть,
Безнеривну дивку за рученьку водыть.
Та повивъ іи до шынкарочкы въ двиръ

[1]) Вѣроятно Немеривна, хотя настоящая пѣсня кромѣ созвучія въ названіи героини и событія самоубійства ничѣмъ не напоминаетъ пѣсенъ о Немерихѣ (Чуб. т. 5, № 464, нѣск. вар. стр. 893—896). Лыс. Збир. Укр. писень 68 г. № 3, стр. 5.

Посадывъ іи сю на лавочку
Та налывъ їй вына чарочку.
Пыла вона ночку, пыла вона другу,
А на третю ночку прочутылася.
Та глянула вона на подолы,
А у неи красніи полы.
Узялась вона за головочку
И побигла вона ажъ до домочку:
Давай мени, моя маты, ключи золотіи.
Я подмыкаю сундукы новіи
Та выйму я завыванннячко
Свое вишнее покрываннячко.
Та не выняла завываннячка
Свого вышнёго покрываннячка
Та выняла соби гострый ножъ
Тай ударыла проты серця наскрозь.
Іи маты сыдыть, слизонькамы хлыпне,
А королевычъ бижыть, червинцямы сыпле.
Сыпле, осыпае, та все тещеньку благае.
— Та булобъ тоби зъ неи не сміятыся,
Та булобъ зъ нею повинчатыся.

23.

Ой, ковалю! славный коваленку!
Чомъ не встаешъ рано пораненьку?
Чомъ не куешъ зализа тоненько?
Чы въ коваля зализа немае,
Чы въ коваля стали не хватае?
Чы коваля журьба обнимае?
Чы въ коваля дивчыны немае?
—Есть у мене дочка Катерына [1]),
Тай та худо славы наробыла,
Опивночи сына спородыла,
Въ китаечку взяла исповыла,
Въ колодязи спаты положыла
Шепшыною взяла прыстромыла,
Буйнымъ витрамъ тай прыговорыла:
Повій, витре, зъ далекого краю,
Та нажены та сынюю хмару.
Съ тіи хмары дай, Боже, дощыкъ
Позалывай стежкы тай дорожкы,
А щобъ туды люды не ходылы,
Щобъ шепшыны тіи тай не зворушылы,
Щобъ дытыны тай не розбудылы.

Въ с. Литвякахъ послѣ 9 строфы такъ:

А съ пивночи въ крыныци втопыла,
А икъ свиту щей Бога молыла:
Ой дай, Боже, снигы та морозы
Позамитай стежкы и дорожкы,
Щобъ не зналы сусиды ворожкы.
Щобъ не зналы куды я ходыла,
Щобъ не зналы кого я любыла.

Вар. у Чуб. (т. 5, № 712, стр. 363) гораздо кратче.

[1]) Или: Одна була душа Катерына.

24.

У тимъ сели у Еркивцяхъ [1]) нова новына,
Уродыла Стеха Штеривна [2]) малее дытя.
А вродывшы мале дытя, тай исповыла,
А сповывше мале дытя, на воду однесла.
Плывы, плывы, ты мале дытя, куды вода йде,
А я пиду погуляю де челядь гуде.
Рыбалочкы—коханочкы та рыбку ловылы.
Не поймалы щукы рыбы, вловылы лына,
Выкынулы та на бережочокъ, ажъ мале дытя.
Исповылы те мале дытя въ тонку крамыну̂
Тай понеслы те мале дытя передъ старшыну.
Положылы те мале дытя на тесовый стилъ,
Тай вдарылы у Еркивцяхъ у велыкый дзвинъ.
—Збирай, збирай, панъ отаманъ, всю челядь на двиръ.
Вси дивочкы коханочкы до церковци йдуть,
Молоду Стеху Штеривну посередъ села бьють.
Уси дивчаточкы—коханочкы та почесани,
А молодая Стеха Штеривна та нечесаная.
—Не плачъ, мате, не журыся, бо ще дома пьять,
Та не пускай на досвиткы—нехай дома сплять.
Не плачъ, мате, не журыся, бо ще дома тры,
Та не пускай на досвиткы, ворота запры.
На досвиткахъ, моя маты, у соломи сплять,
А биля ихъ, моя маты, женыхивъ по пьять.

Вар. I.

Ой пошлы наши та рыбалочкы рыбкы ловыты,
Не піймалы щукы рыбы, піймалы лына.
Роздывылысь, розсмотрилысь—ажъ мале дытя
Взялы-жъ те розмале дытя на билы рукы
Та понеслы те розмале дытя на казенный дворъ,
Положылы розмале дытя на тесовый столъ:
Убирайтеся, роскрасавыци—буде переборъ!
Уси, уси роскрасавыци та почесани йдуть,
Та на своихъ та головонькахъ виночкы несуть.
А одна, одна расканалья нечесана йде
Та на своій головонци винка не несе.

У Чуб. (т. 5, № 9, стр. 1191 и № 461, стр. 890) вар. отдаленные, пѣсни кратче, дѣйствіе происходитъ въ Харьковѣ.

[1]) Ерковцы—смежное съ Шершневкой село Засульской вол. Луб. уѣзда.

[2]) Вмѣсто Штеривна поютъ Нестеривна, Крепакивна. Фамиліи Штери въ с. Ерковцахъ нѣтъ.

Вар. II. Въ с. Литвякахъ послѣ шестой строчки такъ:

Тай ударылы та рыбалочкы въ большій колоколъ:
Сбирайтеся красни дивки на сей переборъ!
Тай котора зъ васъ, красни дивкы, дытя зродыла,
Тай у недилю та ранесенько въ ричку однесла.
У недилю та ранесенько уси дзвоны ревуть
А вже-жъ тую расканалью въ кайданы ведуть.

1. Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда [1]).

Свадебный обрядъ Лубенскаго уѣзда, изложенный мною въ Кіевской Старинѣ 1890 г., распадается на двѣ части: приготовленіе къ торжеству, бывающее въ субботу и самое торжество—въ воскресенье. Въ субботу приготовляется женщинами, безъ участія вдовъ, главный обрядовой хлѣбъ—коровай или коровгай. Шишки, лежни, загребу—особый длинный хлѣбъ—пекутъ впрочемъ еще съ пятницы, въ м. Лукомьи даже съ четверга. Въ бывшей Матяшовской волости даже и коровай приготовляютъ съ пятницы. Въ субботу же къ молодой собираются ея подруги и старшая дружка свиваетъ два вѣнка изъ красныхъ лентъ, похожіе на цвѣты полнаго мака. Въ с. Тишкахъ одна дѣвица вьетъ вѣнокъ молодой,—другая молодому. Сиротки къ свиванію вѣнковъ не допускаются. Къ югу отъ Лубенъ также въ дер. Шекахъ и Хорошкахъ вѣнковъ публично не вьютъ, а заготовляютъ раньше. Послѣ вѣнковъ, молодая съ подругами идетъ приглашать на свадьбу. На Матяшовскихъ хуторахъ молодая, приглашая на свадьбу, становится на колѣни и кладетъ поклоны [2]). Въ южныхъ волостяхъ молодая приглашаетъ на свадьбу только вдвоемъ съ старшей дружкой. По возвращеніи съ улицы, дѣвицы изготовляютъ еще гильце или выльце [3])—сиреневую (зъ бозя) или вишневую вѣтвь, украшенную житомъ, калиной и гарусомъ. Въ Матяшовской, Черевковской и Тарандинцовской волостяхъ гильце вьютъ въ пятницу, а въ с. Волчкѣ въ воскресенье, какъ въ Кіевской губ. Въ южныхъ волостяхъ гильца нѣтъ; нѣтъ также по всему уѣзду гильца у молодого [4]). Съ окончаніемъ гильца въ большинствѣ селъ средней Лубенщины оканчивается и субботняя дѣятельность дружекъ и они въ самомъ началѣ вечера расходятся по домамъ. Въ южныхъ волостяхъ, также въ Черевковской, Тарандинцовской и въ м. Снѣтинѣ дружки сидятъ часовъ до 8—9 вечера у молодой и поютъ ей. Приходитъ и молодой съ музыкой

---

[1]) Ссылки подъ пѣснями отъ кого и когда записаны исключены, въ виду краткости пѣсенъ. *Прим. редакціи.*

[2]) Приглашеніе на свадьбу въ моемъ очеркѣ „На свадьбѣ у богача" стр. 2.

[3]) Гильце—остатокъ чествованія дерева и богослуженія въ лѣсу. Н. Ѳ. Сумцовъ. Кіев. Стар. 90 г. Іюль, стр. 72—87. Культурн. пережив.

[4]) Въ Кіев. губ. напротивъ только у молодого. Никол. Кіев. Стар 83 г., стр. 382.

и боярами, если живетъ въ одномъ селѣ. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодая и дружки берутъ гильце и идутъ въ досвичаный домъ, туда же является молодой съ боярами. Въ досвичаномъ домѣ молодежь пьетъ водку, закусываетъ коржами и оладьями и поетъ. Свадебное торжество начинается въ воскресенье въ обоихъ весильныхъ домахъ одинаковыми обрядами. И молодого, и молодую родители и старшіе родственники благословляютъ хлѣбомъ, причемъ садятся на ряднѣ или кожухѣ шерстью вверхъ. Братъ садитъ молодую за столъ на посадъ, гдѣ она остается съ дружками до пріѣзда жениха. Въ домѣ молодого свахи и свитилки пришиваютъ поѣзжанамъ красныя ленты къ шапкамъ, а мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ обсыпаетъ ихъ овсомъ. Въ Тарандинцовской волости мать ѣздитъ при этомъ верхомъ на палкѣ, а въ южныхъ волостяхъ выводитъ лошадей за поводья полою изъ двора. Поѣзжане въ нечетномъ числѣ 15—25 душъ выѣзжаютъ на 5—8 конныхъ повозкахъ. Въ Тишковской и Вильшанской волостяхъ поѣздъ ѣдетъ еще на волахъ [1]). Поѣздъ останавливается предъ запертыми воротами молодой и по уплатѣ мѣстнымъ парнямъ „воритняго могорыча" въѣзжаетъ во дворъ. Здѣсь лошадей привязываютъ къ плетню и поѣзжане подходятъ къ дому. Женихъ выдвигается впередъ, опираясь на трость. Дружка и пиддружного, первыми вошедшихъ въ хату, садятъ за столъ и ставятъ возлѣ нихъ кувшинъ съ брагой, накрытый шишкой. Возвратившись, послы объявляютъ поѣзду: „кланявся сватъ сватови, сваха сваси, молода молодому, старосты старостамъ, дружкы боярамъ, а мы вамъ". Изъ избы выносятъ столъ, происходитъ обмѣнъ шишокъ и подарковъ: зять получаетъ платокъ, которымъ въ с. Хитцахъ дружко тотчасъ же утираетъ ему носъ и перевязываетъ правую руку или привѣшиваетъ къ боку. Поѣзжане получаютъ хустки и рушныки, а мать—традиціонные чоботы, перевязанные красной лентой. Въ с. Крутомъ берегѣ поѣзжанъ приглашаетъ въ избу вмѣсто тестя сторонній человѣкъ, затѣмъ въ избѣ ихъ спрашиваютъ: „хто звавъ у хату?"—„Батько", отвѣчаютъ они. Тогда выводятъ другого посторонняго и опять спрашиваютъ: „може се вашъ батько?" Поѣзжане отвѣчаютъ: „нѣтъ" и выходятъ изъ хаты. Еще разъ выходитъ посторонній человѣкъ и только затѣмъ уже показывается тесть и приглашаетъ войти въ домъ. Дружко вводитъ молодого и поѣзжанъ въ хату и трижды протискиваетъ ихъ вокругъ стола, подруги молодой вскакиваютъ на лавы, а братья и мальчики (продажныкы, продавальныкы) замахиваются и слегка ударяютъ молодого палками [2]). Во

[1]) Какъ въ Сербіи. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 143.

[2]) Сходныя обыкновенія во всей южной Руси, у русинъ, великороссовъ, сербовъ и осетинъ (см. Чуб. т. 4. Весилля у русинъ. Основа 62 г., стр. 32. Осокинъ. Сельск. св. въ Мал. уѣздѣ, въ Соврем. 74 г. Серб. село. Соврем. 65 г., V, стр. 140).

всей южной Лубенщинѣ, также въ Тарандинцовской и Тишковской волостяхъ дружко раздаетъ мальчикамъ по 1 коп. и по рюмкѣ водки, а свашка—по маленькой шишкѣ: „купують молоду". Молодой садится возлѣ своей невѣсты въ шапкѣ съ вѣнкомъ, а къ югу отъ Лубенъ—безъ шапки и вѣнокъ прикалываютъ ему на грудь. Начинается угощеніе и пѣсенное состязаніе хоровъ дружекъ съ свашками и свитилками, насмѣшливыми пѣснями съ короткими и энергическими напѣвами. Кончивъ пѣть, дружки протискиваются во дворъ, за ними бояре, поѣзжане съ зажженной свѣчей [1]), молодые. Къ вечеру начинается ужинъ, раздѣлъ коровая и самый печальный моментъ свадьбы—расплетаніе косы. Невѣста наклоняетъ голову и братъ расплетаетъ ей кончикъ косы, вынимая оттуда красную ленту. Плачъ молодой и присутствующихъ женщинъ, печальное содержаніе и напѣвъ пѣсенъ, которыя поютъ въ это время, красный свѣтъ восковыхъ свѣчей—все производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе на душу [2]). Въ южныхъ и западныхъ волостяхъ обряда расплетанія косы въ домѣ молодой нѣтъ. Затѣмъ родители благословляютъ молодыхъ образами и хлѣбомъ. Отецъ говоритъ: „теперъ, дочко, на мій хлибъ не надійся, а соби дбайте та розжывайтесь, шобъ у васъ свій бувъ". Простившись, молодая становится на возъ или сани, крестится и раскланивается на четыре стороны, начиная съ востока. Молодой становится возлѣ нея. Мать выводитъ лошадей со двора подъ уздцы, иногда полой, и посыпаетъ жито вслѣдъ молодымъ. За молодыми выѣзжаетъ повозка родственниковъ невѣсты, такъ называемыхъ „прыданъ". Поѣздъ мчится къ молодому. Свашки и свитилки выкрикиваютъ свадебныя пѣсни, парни гикаютъ и бубенъ гудетъ не умолкая. Молодая, подъѣзжая къ своему новому жилищу, посыпаетъ житомъ, приговаривая: „твоя хата, а мій верхъ!" Или такъ: „йиду сиримы воламы, щобъ позатыкать вамъ роты хвостамы. Ступаю правою ногою на порigъ, щобъ мое було право скризь. Моя пичъ, моя й ричъ" [3]). Вблизи воротъ или на самыхъ воротахъ поѣздъ переѣзжаетъ черезъ огонь. Въ с. Великой Селецкой и Онишкахъ кто нибудь изъ поѣзжанъ стрѣляетъ. Въ с. Хитцахъ сама молодая распрягаетъ лошадей и бросаетъ черезъ голову дугу. Въ с. Губскомъ огонь зажигаютъ на порогѣ и переводятъ черезъ него молодыхъ въ

[1]) Горящій свѣтильникъ, по объясненію П А. Кулиша (Основа 61 г., № 5, стр. 30), есть эмблема любви, горящей до гроба. Вѣроятно значеніе свѣчей на свадьбахъ не столь поэтично. Кажется, они зажигаются съ цѣлью предохраненія отъ злыхъ духовъ (Тейл. Первоб. культура, стр. 250).

[2]) Картинка расплетанія косы въ моемъ очеркѣ: „На свадьбѣ у богача".—Расплетаніе косы, въ Подольск. губ.—подрѣзаніе, у Гуцуловъ и на Волыни—отрубливаніе конца—остатокъ жертвы невѣсты своихъ волосъ. Сумц. Религ. зн. малор. св. Кіев. 85 г., стр. 8.

[3]) Какъ извѣстно у римлянъ и у грековъ во время deductio in domum женихъ переносилъ невѣсту такъ, чтобы она не касалась порога ногами. Фюст. де Куланжъ, Древн. общ. С.-Пет. 67 г., в. 1, стр. 55—57.

сѣни. На порогѣ, въ с. Великой Селецкой передъ порогомъ, родители молодого благословляютъ прибывшихъ и принимаютъ отъ нихъ образа, горящія свѣчи, хлѣбъ-соль. Во время легкой закуски въ Матяшовской волости молодой надѣваютъ очипокъ, который она сбрасываетъ [1]), а затѣмъ дружко отводитъ молодыхъ въ коморю на брачную постель. Спустя нѣкоторое время, дружко вноситъ рубашку молодой для изслѣдованія, приговаривая: „старосты, паны-старосты! благословить покрасу (или кушиль) въ хату унесты". Молодая, входя въ избу, становится на колѣни, молится и идетъ по скамьямъ, слегка приплясывая (топче лавы), цѣловать образа (богивъ). Иногда и поѣзжане потопчутъ лавы. Затѣмъ послѣдніе идутъ по селу съ музыкой оповѣстить, что все обстоитъ благополучно, въ доказательство чего носятъ и рубашку. Такое обыкновеніе называютъ къ югу отъ Лубенъ корогодомъ, а къ сѣверу—иты по прыданахъ. Если молодая „не чесна, не гарна, не хороша", ее не ведутъ въ коморю, а надѣваютъ очипокъ. Она становится на колѣни и проситъ прощенія у присутствующихъ [2]). Въ такомъ случаѣ свадьбане оббиваютъ потолокъ и стѣны въ хатѣ, бьютъ окна, льютъ воду на полъ и мажутъ хату дегтемъ и сажей. Иногда привѣшиваютъ колыбель съ куклой сверхъ избы. Родственниковъ молодой, „прыданъ" гонятъ, а лошадямъ ихъ стригутъ хвосты и гривы. Всѣ перечисленныя обыкновенія замѣтно уничтожаются. „Теперъ вси гарни" замѣчаетъ народъ.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая должна принесть воды и дать умыться свекру и свекрухѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники молодого и обмѣниваются подарками съ молодыми. За завтракомъ отецъ молодого надѣваетъ на спичку кусокъ сала и дразнитъ имъ молодыхъ, которые, схвативъ, съѣдаютъ это сало, а неблаговоспитанная молодая выбрасываетъ его за окно. Тою же спичкой отецъ снимаетъ съ головы невѣстки платокъ и намитку. Между тѣмъ на весильномъ домѣ выставляютъ красную запаску, прикрѣпленную къ древку („покрасу"). Въ Тишковской, Засульской и Лазирской волостяхъ старшій бояринъ сопровождаетъ съ такимъ знаменемъ молодую, сначала въ церковь, гдѣ священникъ ставитъ новобрачныхъ на рушныкъ и покрываетъ молодую платкомъ, а изъ церкви къ рѣкѣ или колодцу „до мыли". Здѣсь дружко умываетъ молодыхъ и капаетъ за шею молодой. Въ с. Лукѣ и одной части Тишокъ—Заудаи молодую не водятъ въ церковь, а къ рѣкѣ; въ с. Губскомъ къ водѣ ведутъ только нечестную молодую. Въ другихъ мѣстахъ послѣднюю обдаютъ съ ногъ до головы водой. Когда молодыхъ ведутъ къ „мыли", музыка, идя за ними, наигрываетъ маршъ „Съ Богомъ, съ Богомъ! не сама съ собою,

---

[1]) Какъ въ Полт. и Елисаветгр. уѣзд. (Чуб. 4. стр. 591 и „Степъ" стр. 211).

[2]) Извиненіе молодой въ моемъ очеркѣ „Деревенская оргія". Кіев. Стар. 94 года, № 12, стр 488.

а якъ прыйдешъ мылый—такъ буду съ тобою“ [1]). Въ то же утро къ родителямъ молодой посылается бояринъ, обыкновенно братъ молодого, съ шишкой, перевязанной красной заполочью и завязанной въ хустку. Этотъ посолъ, войдя въ избу родителей новобрачной, говоритъ: „дайте ключи я одимкну (шышку)“. Получивъ хустку, онъ прежде всего снимаетъ съ шишки заполочь и раздаетъ женщинамъ, которыя вяжутъ ее себѣ къ волосамъ: „красять ридъ, шо хороша молода“. Затѣмъ посолъ, говоря: „старосты—паны-старосты! благословить сей чесный и величный хлибъ на мыръ Божый роздать!“ рѣжетъ и раздаетъ шишку всему роду, приглашая всѣхъ въ перезовъ. Въ с. Хитцахъ и самъ молодой приглашаетъ въ перезовъ. Когда перезва приближается къ двору новобрачныхъ, бояринъ машетъ покрасой, которую перезвяне стараются схватить. Если схватятъ, то молодой выкупаетъ ее полквартой, а если нѣтъ, то бояринъ прячетъ запаску въ карманъ и новобрачная выкупаетъ ее также полквартой. Затѣмъ молодой вводитъ тестя и тещу подъ руки въ избу и къ нимъ подводятъ чужую молодицу съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой или платкомъ, въ одеждѣ молодой. Если родители не узнаютъ подмѣна, то расплачиваются квартой водки и къ нимъ вторично подводятъ другую переряженную молодицу и только за третьимъ разомъ приводятъ дочь въ чужомъ нарядѣ и такъ же съ лицомъ, завѣшеннымъ намиткой. За обѣдомъ водку пьютъ изъ миски ложками. Послѣ обѣда молодая простилаетъ рядно и оба отца садятся на него, пьютъ водку. Стариковъ подливаютъ водой. Загулявшуюся перезву гонятъ ударами довбни въ уголъ дома и горшкомъ, пущеннымъ въ двери. Въ южной половинѣ Лубенскаго уѣзда перезвы нѣтъ. Понедѣльникъ оканчивается слѣдующими обыкновеніями: къ тещѣ сходятся женщины и прядутъ ей, потому что она лишилась пряхи, а также подвязываютъ ей животъ коноплей или соломой „що скынула дытыну“. Тестю „заварюють соняшныцю“. Свекрухѣ также подвязываютъ животъ коноплями „що прывела близнятъ“. Во вторникъ въ домѣ свекра подражаютъ молотьбѣ, затѣмъ забираютъ его въ шинокъ и здѣсь „батька пропываютъ“. Молодежь, переодѣтая цыганами, идетъ по селу захватывать куръ и поросятъ, приноситъ ихъ въ весильный домъ. Пьютъ всю ночь. Случается, что женщина, переодѣтая мужчиной въѣзжаетъ въ избу верхомъ и коню вливаютъ водки въ горло. Дружка и пиддружного садятъ на подушки и молодая „выкупа поясы“, т. е. даетъ имъ водки и по платку. Въ с. Воронинцахъ мать и отецъ, выдавшіе послѣднюю дочь замужъ, увѣнчиваются вѣнками изъ жита. Во вторникъ оканчивается свадьба и новобрачная перестаетъ „молодить“.

---

[1]) Такимъ образомъ покраса есть изображеніе различными предметами краснаго цвѣта факта невинности новобрачной, а мыля—обрядовое очищеніе, о какомъ очищеніи сказано въ 1-й главѣ настоящаго сборника—„Родины“.

2. Замѣтка о свадебныхъ обыкновеніяхъ.

Всѣ авторитеты по первобытной этнографіи сходятся на томъ предположеніи, что въ началѣ человѣческихъ обществъ брачныя отношенія представляются соединеніемъ неопредѣленнаго многомужества съ неопредѣленнымъ многоженствомъ. Только въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества къ общинному браку присоединился индивидуальный. По мнѣнію Спенсера, путемъ насилія внутри племени и похищенія женъ изъ другихъ племенъ. Такое похищеніе было вначалѣ лишь частью общаго ограбленія побѣжденныхъ, а потомъ привело къ обычаю частнаго похищенія, потому что плѣнная женщина наглядно свидѣтельствовала о доблести мужчины, какъ его живой трофей (Спенс. Основ. соціолог. Спт. 76 г. стр. 687). Насильственное похищеніе женщинъ, охвативъ обширное пространство, настолько сжилось съ бракомъ, что сдѣлалось необходимымъ институтомъ брачнаго процесса у многихъ народовъ въ формѣ поисковъ, охоты, погони жениха за невѣстой, борьбы съ ней и перенесенія черезъ порогъ дома; нападенія на жилье невѣсты съ отрядомъ поѣзжанъ, соединеннаго со стрѣльбой, погромомъ дома и сада (Лёб. Нач. цив., стр. 59. Ф. де Куланжъ. Др. Общ. 67 г., стр. 54 и 56). Л. Кукъ. Истор. бр. Нов. Вр. 94 г., № 171, стр. 7. Прав. Благов. 94 г., № 1, Янв., стр. 14. М. Ковал. Соврем. об. и др. зак. 86 г., стр. 122. Поп. Липовацъ. Черног. Сатп. 90 г., стр. 159. Серб. сел. въ Совр. 65 г. V, стр. 141). Свидѣтельство лѣтописи, хороводы, свадебные обряды и пѣсни доказываютъ существованіе брака чрезъ умыканіе у великоруссовъ и малоруссовъ. Въ великорусской свадьбѣ доступъ жениху къ дворъ невѣсты и къ церкви преграждается парнями, а дружко жениха и братъ невѣсты подражаютъ дракѣ. (Посид. и свад. Южак. Совр. 64 г. № 5, стр. 32 и 40. Весинъ. Совр. велик. въ свад. об. Рус. Мысль 91 г. № 9, стр. 82 и 85). На свадьбѣ поютъ:

Пріѣдутъ къ батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ.
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку.
Повезутъ меня молоду
На чужую сторонушку.

Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 158.

Громъ гремитъ передъ тучею,
Грозенъ ѣдетъ Иванъ господинъ
Къ селу подъѣзжаетъ, всѣ выстрѣливаютъ.
Наѣхали гости незванные,
Наступали на новыя сѣни,
Обломили сѣни новыя,
Поваляли столы дубовые,
Вымарали скатерти бѣлыя,
Раздавили золотую чару.

(Изъ Финскаго Вѣстника 47 г., № 9, Рус. нар. пѣсни, сб. Пискарева №№ 16, 18, 20, стр. 15—17).

Еще опредѣленнѣе выражается воспоминаніе о бракѣ чрезъ умыканіе въ общемъ характерѣ и отдѣльныхъ пѣсняхъ и обрядахъ малорусской свадьбы. Такъ, въ литературѣ, кажется Шейковскимъ, высказано было мнѣніе, что одно изъ значеній глагола „браты, взяты“ (жениться) указываетъ на умыканіе. Брали насильно. Затѣмъ въ свадебныхъ пѣсняхъ почти не упоминается о любви. Напротивъ, дѣвушка представляется во многихъ изъ нихъ выходящею за человѣка, котораго не знаетъ. Содержаніе и мотивъ многихъ пѣсенъ мрачны. Въ свадебныхъ пѣсняхъ такъ много описаній наружности молодыхъ и ихъ свиты, точно дѣло идетъ о людяхъ никогда другъ друга не видавшихъ. Точнѣе указываютъ на умыканіе слѣдующія обыкновенія и пѣсни. На правомъ берегу Днѣпра сватовъ, прибывшихъ впервые, не пускаютъ въ хату, говоря: „може вы разбойныкы?“ На заручинахъ ихъ перевязываютъ рушниками, называя мошенниками (Чуб. т. 4, стр. 59, 62, 557, 614, 680). Молодой выѣзжаетъ съ враждебными намѣреніями:

Выбьемо стину камьяну, | Визьмемо Марусеньку молоду.
Будемо замкы ламаты, | Марусеньку доставаты.
. . . Львувъ розбываты | Королевну добываты.

(Чуб., т. 4, № 858, 859, 861 и 1446, на стр. 325 и 475).

Движеніе поѣзда есть движеніе вооруженнаго отряда:

Черезъ поле полтавське | Тожъ Васылько зъ військомъ иде.
Йихало війско буярскее |

(Чуб., т. 4 № 861, стр. 325. Степ. № 40, стр. 182).

. . . . зять иде, | Да сто коней верховихъ,
Не багато бояръ веде. | Да симдесять возовыхъ.

(Чуб. № 895, стр. 335).

Полкомъ Иванко на посагъ иде.

(Ibid. № 240,—150).

Воспоминаніемъ о вооруженной свитѣ молодого служитъ сабля свитилки у насъ и красное знамя хорунжаго у русинъ (Осн. 62 г., IV, стр. 32). Пріѣздъ молодого къ невѣстѣ встрѣчаютъ какъ набѣгъ. Ворота ея жилья заперты, у нихъ происходитъ примѣрная драка. При входѣ въ домъ поютъ:

Не наступай лытва, | Буде межъ намы бытва.

(Чуб. 4, № 934, стр. 346).

Братья и родственники молодой бьютъ молодого палками, у русинъ братъ машетъ саблей, женихъ насильно отрываетъ молодую отъ стола (Осн. 62, IV, стр. 32). Отголоски дѣйствительной борьбы слышатся и въ перебранкѣ насмѣшливыми пѣснями поѣзжанъ съ дружками невѣсты, ка-

кое отношеніе хозяевъ къ гостямъ совсѣмъ не было бы понятно безъ вос-поминанія объ умыканіи. Быть можетъ подобными пѣснями женщины прежде подзадоривали мужчинъ къ борьбѣ. Въ нихъ состязающіеся хоры изображаютъ другъ друга жадными, голодными, безобразными бродягами. Напримѣръ: молодой стоитъ какъ ворона, старшій бояринъ—баранъ, свѣ-тилка—лыса, у нея чужая рубашка; бояре, свашки, дружки крадутъ пищу; маршалки съѣли вола [1]). Нужно еще замѣтить, что приписываемые въ пѣсняхъ недостатки свиты молодыхъ разъ навсегда указаны и было бы верхомъ неприличія дѣлать намеки на дѣйствительныя несовершенства при-сутствующихъ.

Съ развитіемъ цивилизаціи захватъ женщинъ замѣняется покупкой. При неопредѣленности правъ родителей отчужденіе дѣвушекъ принадле-жало общинѣ, а съ уясненіемъ семейныхъ отношеній—матери, старшим родственникамъ съ материнской стороны, братьямъ, при установленіи же патріархата—отцу. Отдаленнымъ воспоминаніемъ о правахъ общины надъ дѣвушкой остаются слѣдующія обыкновенія: 1) платежъ стороннимъ пар-немъ мѣстному обществу молодежи за право ухаживать и сближаться съ дѣвушкой извѣстнаго села или его части, на досвиткахъ, о какомъ обык-новеніи упомянуто во 2-мъ выпускѣ настоящаго сборника [2]); 2) уплата молодымъ „воритняго могорыча“ мѣстнымъ парнямъ при въѣздѣ во дворъ невѣсты и на такъ назыв. „переймахъ“ при поѣздкѣ въ церковь; 3) пу-личное установленіе нецѣломудрія послѣ primae noctis, считающагося про-ступкомъ противъ цѣлаго общества, а не противъ отдѣльнаго лица. У осетинъ и до сихъ поръ уплата за невѣсту производится всему аулу. Бракъ у нихъ построенъ вообще на началѣ купли. При сговорѣ сватъ да-етъ старшему родственнику невѣсты задатокъ за нее. За отказъ отъ дѣ-вушки назначается штрафъ, кромѣ случаевъ утраты цѣломудрія или об-наруженія физическихъ недостатковъ и болѣзней. (Мак. Ковал. Совр. и др. законъ стр. 175, 182, 246 и 260 ч. 1). У болгаръ также есть вѣно (pretium nuptialae), половина котораго выдается родителямъ невѣсты

---

[1]) Кромѣ сб. Чуб. означенныя пѣсни находятся въ Степи №№ 59, 60, 63, 65 и 8…
Въ сб. Черн. Бѣлозерки съ № 39—59, на стр. 38—40.

Въ сб. П. Луб. у. Кіев. Ст. №№ 137—165 и 178—204, стр. 164—172, 175—179. В К. Ст. 83, стр. 391—394, кн. 2.

Николайчикъ замѣчаетъ вскользь, что эти пѣсни указыв. на умыканіе. Въ насто-моемъ сб. 131, 134—154.

[2]) Досвитки призн. проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ обломкомъ пробнаго брака, состав-щаго переходъ отъ коммунальнаго брака и многоженства къ моногаміи (Досвитки и по… Кіевъ. 86 г., стр. 11—13).

[3]) Вѣно отъ вѣнити—продавать, подобно тому какъ по еврейски mâkar, mâch… продавать и выдавать замужъ (Атеней. 59 г. ч. 2, стр 44).

сговорѣ, а другая—когда невѣста признается дѣвственной (Кіев. Стар. кн. 5, стр. 279, 280, 283 и 284). Подарки и деньги за молодую вносятся въ Сербіи отцу, въ Черногоріи—матери невѣсты (Серб. село Совр. 65 г., V, стр. 139. Попов. Липов. Черногорцы стр. 161 и 170). Съ большой опредѣленностью выступаетъ воспоминаніе о покупкѣ женщинъ въ великорусскихъ брачныхъ обыкновеніяхъ. Невѣсту разсматриваютъ какъ товаръ. Лице, шею, уши, руки ея подвергаютъ изслѣдованію. Ее заставляютъ пройтись предъ сватами, чтобы узнать не хромая ли она, заставляютъ публично прясть. При сговорѣ опредѣляется так. наз. кладка, т. е. плата отъ 25—100 р., которую женихъ долженъ внести за невѣсту. Передаютъ невѣсту молодому съ полы (Совр. велик. въ брачн. обряд. Весинъ. Рус. Мысль. 91 г., кн. 9, стр. 60—88. Дѣло 77 г. Очерки первоб. жизни Шашкова, стр. 205. Кулишеръ. Символизмъ въ прав. В. Евр. 83 г., кн. 11, стр. 200. Южаковъ. Посид. и свадьба. Совр. 63 г., V, стр. 21. Кавелинъ. Собр. соч. ч. 4, стр. 164). Послѣ дѣвичника невѣста причитаетъ:

Что за купцы были? | Торговали, закупали | Буйную мою головушку.

(Осок. Сельск. св. въ Малм. уѣздѣ къ Совр., стр. 71).

Обрядовая покупка женъ менѣе рѣзко выступаетъ въ южнорусской свадьбѣ. Въ Подольской и Полтавской губ. во время сговора бываетъ однако условіе о подаркахъ и о штрафѣ за нарушеніе договора, есть и рукобитіе полой, какъ при куплѣ-продажѣ (Чуб. 4, стр. 66 и 615). Мѣстами покупается мѣсто возлѣ молодой или ея коса у брата, который называется продавцемъ. Есть и пѣсни, упоминающія о такой продажѣ (Чуб. 4, стр. 639, 690, 346, 347 и т. д.).

Только съ дальнѣйшимъ ходомъ жизни продажа женъ превращается въ договоръ двухъ семей о брачномъ союзѣ ихъ членовъ, какое семейное и родовое соглашеніе проходитъ чрезъ весь строй современной малорусской свадьбы и выражается въ значительномъ числѣ отдѣльныхъ обрядовъ [1]).

1 [2]).

Не йдить молодыци
До насъ винка выты.
Зовьемо мы самы
Зъ молодымы буярамы.
Зъ яснымы соколамы.

2.

Черезъ синечкы садочокъ
Та вылы дивчыни тамъ виночокъ.
Вылы, вылы, перевывалы
До лыченька ривнялы.
Покотылы по столу
По гильчастому [3]) скатертю.

[1]) Напр. на разглядинахъ ни въ какомъ случаѣ не допускается присутствіе невѣсты. Желаніе невѣсты х. Тернавщины,—казалось бы столь естественное—посмотрѣть на жилье молодого повело къ нареканіямъ на нее всего мѣстнаго общества и, въ концѣ концовъ привело къ уничтоженію самой свадьбы.

[2]) Пѣсни съ 1—12-ю поются при свиваніи вѣнковъ въ субботу дружками молодой.

[3]) Дрябчастому, въ с. Черыкахъ—квитчастому.

Прыкотылы до ручокъ:
Возьмы, батеньку, виночокъ.
Ой не визьму, доненько, не визьму
Съ жалю ручечокъ не здійму.

Чуб., т. 4, стр. 127, 2 и 3 строчки отличны и другое окончаніе.

3.

Вар. I. Въ с. Біевцахъ прибавляютъ еще въ концѣ:

За слизонькамы не выжу
За слизонькамы за дрибненькымы
За друженькамы пышненькымы.

Вар. II. Въ х. Пышномъ, послѣ 6-й строчки, поютъ:

— Ой увійды, батеньку, увійды,
Съ каймы виночокъ издіймы.
— Ой не ввійду, доненько, не ввійду
Съ каймы виночка не здійму
За слизонькамы за дрибненькимы
Я й виночка не побачу.

4.

Звылы виночокъ Маруси
Изъ шевліи, та изъ руточкы
Та изъ мьяточкы
Тай покотылы черезъ дороженьку
Ажъ у вышневый садокъ
Тутъ тоби, виночку, буты
И прыбуваты,
А тоби, Марусю, у ридного свекра
Прывыкаты.

5.

Ой звылы дивчыни виночокъ
Покотылы въ вышневый садочокъ,
А котяче та говорыла
Подружечкамъ гуляння дарыла:
Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее росчесаннячко
Недильнее прыбираннячко.
У субботу тай рощешуся,
Въ недилоньку прыберуся
Но всю челядь подывлюся.
Вси дивочкы въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Щобъ я йийи та рощесала.
Налетилы та голубонькы
Изъ чужои сторононькы
Взялы косу та рострипалы
И золото обирвалы.

6.

Ой, матинко та голубонько!
Ой, шось мени та за сонъ снывся:
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ повывся,
А горошкомъ та обсыпався,
Калыною тай обтыкався.
— Ой, доненько, моя павонько!
То не сонъ—щира правдонька.
Шо чорный шовкъ—твои кисонькы,
А горошокъ—дрибни слизонькы,
А калына дивованнячко—
Мынаетця все гулянннячко!

7.

Ой, матинко! якый сонъ прыснывся
Чорнымъ шовкомъ весь двирокъ повывся,
А горошкомъ обкотывся,
Калыною обсадывся.
Доню моя! молода Марушко!
Що чорный шовкъ до то кисонькы,
А горошокъ до то слизонькы
Калынонька—дивованнячко,
Мынаетьця все гулянячко.

Ой гуляйте якъ гуляетьця
Бо вже мое та мынаетьця
Субботнее змываннячко,
Недильнейше прибираннячко.
Що въ субботу измыюсь,
А въ недилю приберуся
На всю челядь подывлюся.

8.

Шла дивчына въ вышневимъ садочку
Покотыла червоный виночокъ,
А котяче тай говорыла,
Подружечкамъ гуляння дарыла
Гуляйте, подружкы, гуляйте
Бо вже мени не гуляеться
Роскишъ моя та мынаеться
Гулянячко дивованнячко
Субботнее росчесаннячко.
Що въ субботу росчешуся,
А въ недилю прыберуся
На Иванка подывлюся.

9.

Чы не жаль тоби, моя матинко, мене буде,
А якъ мене въ сій свитлонци та не буде?
Якъ по весни та садочкы все цвистымуть,
А подружечкы все виночкы тай плестымуть,
Помижъ твои воритенька тай нестымуть.
Та не будуть до хатонькы прывертаты,
Бо никого на улыцю выклыкаты.
Та нестымуть смородыну зелененьку,
Та згадаешъ мене, матинко, молоденьку.
Якъ нестымуть смородыну, смородяный цвитъ,
Завьязала, моя матинко, молодою свитъ.
Якъ нестымуть смородыну зъ ягидкамы,
Тай умыесся, моя матинко, слизонькамы!
Не разъ, не два, моя матинко, заплачешъ,
Покы мене въ своій свитлонци тай побачышъ.
Не разъ, не два, моя матинко, тай затужышъ,
Покы мене черезъ люды перечуешъ.

Вар. Кіев. Стар. кн. 7, № 5, стр. 132 и въ Ластивкѣ Гребинки, 1841 г., записана Шереперей стр. 347.—У Чуб., т. 4, № 945, стр. 349, гораздо кратче.

10.

На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ тры,
Булобъ тоби, та Марусю, щей замижъ не йты.
На вгороди дви вышенькы, за вгородомъ пьять,
Булобъ тоби, та Марусю, щей дома гулять.
Якъ зацвитуть ти вышенькы квиточкамы,
Булобъ тоби, Марусенько, гулять зъ дивочкамы,
Якъ зацвитуть ти вышенькы биленькимы,
Булобъ тоби гулять зъ молоденькимы.

11.

Мынаютьця ягоды полуныци,
Уже й мынулысь,
Мынаютьця Маруси вечорныци,
Уже й мынулысь.
Идуть сестрыци на вечорныци
Мене до воритъ клычуть:
Ходимъ, сестрыце, зъ намы
Зъ намы дивочкамы.
Идить, сестрыци, мене не ждите,
Бо въ мого свекорка посередъ двора
Стоить рублена комора.
Тамъ сестрыци
Вишни мои вечорныци.

12.

Ой, винку, мій винку!
Хрещатый барвинку!
Куповала я тебе у Крымку.
Замыкала я тебе въ скрыньку.
Сёгодня поношу,
Скыну тай заброшу.

Чуб., т. 4, стр. 370 (№ 1027) изъ сб. Лозинскаго, очень отличный варіантъ.

13 [1]).

Що въ синечкахъ голубець гуде,
А въ свитлоньку голосочокъ иде.
Тамъ Орыся наряжалася
Зъ матинкою поражалася:
Порадь мене, моя мате,
Скилькы мени дружечокъ браты?
Ой ты, доню, челядыноньку
Беры, доню, всю родыноньку
И блызькую, и далекую,
И сестрыцю ридненькую.

Вар.

Беры сестрыци, беры зовыци
Уси подружкы у дружкы.

14.

У субботоньку за сонця
Сила Марьюшка край виконця
Тай пытается свого батенька:
Скилькы мени дружечокъ браты?
Беры, доненьку, скилькы хочъ,
Скилькы сылонька зможе,
Скилькы тоби Богъ поможе.
Беры зовыци, беры сестрыци
Беры й подружкы у дружкы.

Вар. Кіев. Стар. 90 г., 7, № 7, стр. 133.

15.

Ишлы бояре рядъ по ряду
Молоденькый Иванко попереду.
Скынувъ шапочку махае:
Слухайте, бояре, щось гуде,
То моя Наталочка дружкы веде.

Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки. С. Чернявской, Харьковъ, 93 г., стр. 34, № пѣсни 17, двѣ послѣднія строчки одинаковы.

16.

Ой у гору сонце йде, у гору,
А Маруся иде съ двору.
Ой вы, сусиды ворогы,
Не переходьте дорогы,
Бо ся дорога до Бога,
До свекрового порога.

---

1) Пѣс. съ 13—61-ю поютъ дружки на улицѣ, когда молодая приглашаетъ къ себѣ на свадьбу.

17.

У гору сонечко, у гору йде,
Уже наша дивчынонька зъ двору йде
На йий виночкы червоненькы
За нею дружечкы молоденькы.

18.

Тыхо, тыхо лотокамы вода йде,
Туды наша Маруся зъ дружкамы йде.
Роступытеся ворогы
Изъ нашои ривной дорогы,
Бо пидтопчимо пидъ ногы.

19.

Плавала щука по пидъ млыномъ
Та давала дивчына ручку двомъ,
А хоть двомъ, не двомъ — одному.
На тоби, Иванко, ручку мою,
А ты, Василю, не гайся,
Пиды соби зъ иншою звинчайся,
А ты, Васылю, дуйсь, не дуйсь,
Пиды соби съ иншою поцилуйсь,
А ты, Васылю, дывысь, не дывысь
Пиды соби зъ иншою обиймысь.

Вар. въ Кіев. Стар. Іюль, 90 г., № 41, стр. 138, кратче на послѣднія 4 строчки.

20.

Бодай тебе, та Марусю,
Изъ твоимы дружечкамы!
Мали, невелычкы,
Якъ повны гвоздычкы.

21.

Улыцямы, дружечкы, улыцямы
Брязьчить, дружечкы, пидковкамы.
Свитить, дружечкы, винкамы,
А якъ на неби зиркамы.

22.

Шумила дибривонька, шумила,
Туды наша дивчинонька ходыла.
Кискою плечыци укрыла,
За собою дружечокъ водыла.

23.

Не вій витре въ лузи,
Повій по дорози,
Зеленою полосою
За нашою молодою.

24.

Повій, витре, дорогою
За нашою молодою.
Розвій йийи косу
Якъ литнюю росу
По дному волосочку
По червоному поясочку
По дній волосыни
По червонимъ поясыни.

Степъ № 23, стр. 176.

25.

Ой тамъ жыто родыть
Де дивчына ходыть.
По мижъ галочкамы
Зъ своимы дружечкамы,
Помижъ маленькимы
Зъ своими вирненькимы.

26.

Ой рядочкомъ, дружечкы, рядочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Та щыпайте руту мняту кучеряву
Обтыкайте Ганнушечку чорняву.

27.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ.
Тай вырвемо квиточку зелененьку,
Та затычемъ Марусю молоденьку.
Щобъ та квиточка зеленила,
А Маруся молодила.

Кіев. Стар. 1890 г., 7 кн., № 17, стр. 134. Степъ № 28, стр. 177. Чуб. т. 4, № 185, стр. 135.

28.

Та срибная сережечка—Марусенька,
Золотій перстенёкъ—Васылечко.
Тай обвыхнувся коло ручкы,
Коло йийи русои кисочкы.

29.

Серебряная сережечка замазаная,
Чогось наша Маруся заплаканая?
Я ту сережечку тай обмыю,
Заплачешъ ты, та Марусю, у недилю.

30.

Срибная сережечка замазаная
Чогось наша дивчынонька заплаканая?
Наймай, козаче, музыкы
Грайте, музыкы, одъ села до села
Щобъ наша дивчына весела була,
Грайте, музыкы, ризвенько
Щобъ наша дивчына веселенька.

31.

Уси лугы, бережечкы
Вода полыла [1]),
Молоденьку та Марусю
Журьба обняла.
Молоденькій Данылко
Музыку найма,
Грайте музыченькы
Одъ села до села
Щобъ моя Маруся
Весела була.
Грайте, музыкы, ризкійше,
Щобъ нашій Маруси веселійше.

32.

Ой дывытця, пидружечкы, куды я пиду:
Чы на тую та гироньку на крутую,
Чы й у тую сторононьку тай чужую.
Чы до того та дубочка зелененького,
Чы до того Васылька молоденького.

33.

Голубіи фіялочкы гору скрылы
Тилькы одну дорожечку пропустылы.

---

[1]) Поняла.

Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Иванко съ буярамы:
— Пидожды, Марусенько, бо вже ты моя!
-- Вона стала, отгадала, що я не твоя.
Объиздывъ я, Марусенько, городкивъ не пьять,
Да прыйихавъ, Марусенько, до тебе упьять.

Вар. I. Вмѣсто первыхъ двухъ строкъ:

Ой на гори фіялочки голубіи
Круту гору камьяную тай укрылы.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г. Іюль, Свад. Пѣс. Луб. уѣз. В. М. стр. 189, Чуб. т. 4, № 147, стр. 120.

Вар. II. Въ м. Лукомьи первыя строчки такъ:

Ой на гори васылечкы вродылы
Усю гору камьяную закрасылы
Тильки одну дорожечку пропустылы.

34.

Ой лугамы, берегамы, стежечкамы
Туда ишла дивчынонька съ дружечкамы
Говорыла изъ водою луговою:
Вода-жъ моя луговая
Якъ я тебе, вода моя, избирала
Свое лычко билесеньке умывала.
Було лычко якъ яблучко
У батенька мого,
А чы буде, козаченько,
Таке й у твого?
А якъ будешъ, дивчынонько, покирненька
Буде твоя головонька спокійненька,
А якъ будешъ, дивчынонько, тай сердыта
Буде твоя головонька що дня быта.

35.

Думай, думай, ты Марусю,
Думай та гадай—
Перебресты дви риченькы,
А третій Дунай.
—Ой не страшна быстра ричка,
Не страшный Дунай,
Страшна мени дороженька,
Шо далекый край.

36.

Думай, думай, Марусенька,
Думай та гадай.
Бресты тоби дви риченькы,
А третій Дунай.
Перебрела дви риченькы,
А Дунаю нитъ,
Та забула дивовання [1]),
А роскоши нитъ.
Мынаются роскошонькы [2])
Сама бачу.
Не разъ, не два по роскоши
Тай заплачу.
Пиду я до свекорка
У субботу
Взялысь мои роскошонькы
За роботу.
Ой пиду я до батенька
У недиллю

---

[1]) Гулянонькы.
[2]) Роскишъ моя у батенька.

Сыдять мои роскошоньки
По застилью.
Ой пиду я до свекорка
Въ понедилокъ
Сыдять мои роскошоньки
Якъ барвинокъ.

Въ м. Лукомьи начало этой пѣсни другое:

Ой загулы голубонькы селомъ летяче,
Ой куды-жъ вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды-жъ мое дивовання занесете?
Полетымо, Марусенько, на тыхый Дунай и т. д.

37.

Ой загулы голубонькы въ поле летячы
Заплакала дивчыночька на посади сыдячи.
— Ой куды вы, голубонькы, тай полетыте,
Куды мое дивовання тай занесете?
— Ой полетымо тай дивчына въ чысте поле
Та вкынемо дивовання въ сыне море,
Уже твое дивовання до вику не зорне.
— Ой переймы-жъ, мій батеньку, тіи голубы
Та заверны дивовання хоть годивъ на тры.
— Дочко моя, паняночко, вжей не перейму,
Уже твое дивовання тай не заверну.

Вар. Послѣ шестой строчки:

Тоди твое дивовання завернетця,
Якъ у поли сыне море розильетця.

38.

Полынулы голубонькы полемъ гудуче,
А за нымы та Маруся у слидъ, плачуче.
— Ой переймай, моя матинко, тіи голубы,
Шо далеко полетилы полемъ гудуче.
Ой уже-жъ я, доньку моя, хотя й перейму,
То вже твого гулянячка назадъ не займу.
— Полетымо, Марусенько, въ чысте поле,
Та вкынемо гулянячко въ чысте море.
— Ой, колы вы, голубонькы, тай прылетыте,
Колы мое гулянячко тай прынесете?
-- Покы свита, покы сонця не прылетымо,
Та вже твого гулянячка не прынесемо.

39.

Ой куды вы, голубонькы,
Тай полетыте?
Куды мое дивовання
Тай занесете?
Та заверны, мій батеньку,
Сиры голубы,

Тай перейми дивування
Хочь годивъ на тры.
Полетымо, Марусенько,
Въ чысте поле,
Закынемо дивування
Въ сыне море.
Полетымо Марусенько
Та на лукы,
Попадешься Васылькови
Та въ рукы.

40.

На вгороди рожа стояла
Тамъ зузуленька кувала,
Выйшла дивчына рожи щыпаты
И зузуленькы пытаты:
Скажы, зузуле, скажы, сызая,
Стилькы мени у батенька буты?
Ой буты тоби, молода дивчына,
Симъ недиль щей чотыри.
Бодай же ты, зузуле, бодай же ты сызая
И на той годъ не закувала,
Якъ ты мени молодій
Правды не сказала.

Затѣмъ повторяютъ первыя шесть строчекъ пѣсни и кончаютъ такъ:

Ой буты тоби, молода дивчына,
Оцей денекъ та до вечора.
Бодай ты, зузуле, на той годъ закувала
Якъ ты мени, молодесенькій, правду сказала.

Чуб. т. 4, стр. 408, № 1164 отличается.

41.

Закувала зузулына
Въ саду на паду.
Та казала Наталочка
Замижъ не пиду.
Та казала молодая погуляю
Русою косою помаю.
Хай моя русая коса помае,
Колы мене батенько не дае.
Хай моя руса коса майе
Колы мене матинка жаліе.

Вар. въ Кіев. Стар. за Іюль 90 г., № 32, стр. 136.

42.

Ой, на гори ячминь,
А въ долыни просо.
Щось на тебе буде,
Моя руса косо?
Будуть тебе росплитаты
Та до купы сбыраты.

43.

Горохъ, горохъ по дорози
Десь мій мылый у дорози.
Винъ торгомъ торгуе
Черевычкы купуе.
Купуй, купуй черевыченькы
Въ мене нижкы невелыченькы.

44.

Ой хмелю, хмелечку
Ты тонкое стебелечко!
Та казала дивчынонька
Ты, казаче, мое сердечко.

Вар. въ Степи Спт. 1886 г., стр. 168, № 7. Чуб., т. 4, стр. 350, № 949.

45.

Чы хмиль по дорози,
Чы жовтее стебелечко?
Чы скажешъ, Марусю, на Павла:
Мое сердечко?
И казала, и казатыму,
Серденяткомъ называтыму.

46.

Ячминь по дорози
Родывъ его Боже.
Зеленое та стебелечко
Козаченько мое сердечко.

47.

Ой попы, попы зъ дяками
Велыки кныгы чыталы.
Велыки кныгы чыталы,
Покы нашу Наталю звинчалы.

48.

Кучерявый Иванко кучерявый
Хто ёму кучери завывае,
Молодая Маруся сподобала
Вона мени кучери завывала.

Чуб., т. 4. № 25, стр. 72.

49.

Кучерява верба
Зъ верха до кориня.
Винчалась Маруся
Зъ снидання до полудня.
Сама соби дывувалась,
Що зъ хорошимъ повинчалась.
Сама соби дывується,
Що съ хорошимъ цилується.

Вар. Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 35, стр. 137.

50.

За хатою, за свитлыцею
Стоить верба зъ росыцею.
Хто-жъ ту вербу зрубае?
Хто-жъ ту росу позбирае?
То Иванко вербу изрубае,
А Маруся росу позбирае.

51.

Орелъ дерево поломавъ,
На тыхому Дунаечку кладкы славъ
Зъ высокого дерева зъ ялыны
Съ хрещатого барвиночка, зъ калыны
Молоденькій Маруси княгыни.

52.

Ой де твоя, дивчынонько, мате
Що никому порядку даваты?
У Кіивъ пишла забарылася
На рыбоньку задывылася.
Де взялыся татары—гусары
Взялы мою матинку забралы.

53.

Ой брязнулы ключи
До свекрухы идучи.
На новимъ помости
До свекрухы въ гости.
Прыбирайся, свекрушыно, прыбирайся,
Молодои невисточкы сподивайся,
А щобъ була горилочка мочена,
Щобъ була рыбочка печена,
Щобъ булы вареничкы въ масли,
Бо йдуть дружечкы прекрасни.

54.

Спечы, спечы, матинко, симъ булокъ
Прыведу до тебе симъ дружокъ,
А якъ не спечешъ якъ знаешъ
Ты мене за дытыну не щытаешъ.

55.

Прыбирайсь, матинко, прыбирайсь
Та до себе дружечокъ сподивайся,
Щобъ була рыбочка жареная,
Щобъ була горилочка вареная,
Щобъ булы ягидкы червоненькы,
Бо йдуть дружечкы молоденькы.

Кіев. Стар. № 7, стр. 140, № 48. Чуб. Труды экс. т. 4, стр. 141, № 216.

56.

Топы, матинко, у печи,
Печи, матинко, калачи.
Да печи, матинко, на меду,
Я до тебе дружечокъ прыведу.
Щобъ була рыбонька печена
И горилочка варена.
Щобъ булы огирочкы солоненьки
Во йдуть дружечкы молоденьки.

57.

Прыбирайся, матинко, прыбирайся,
Та до себе й дружечокъ сподивайся.
Печи калачи на меду
Я до тебе дружечокъ прыведу.
Шобъ була рыбочка печена
Щей горилочка варена.
Шобъ булы солоненьки огиркы,
Шобъ булы дружечкы говиркы.

Въ д. Стукаловкѣ двѣ послѣднія строчки такъ:

Шобъ булы огирочкы й огиркы,
Бо йдуть дружечкы говиркы.

58.

Вымитайте дворы,
Застылайте столы,
Сповняйте кубочкы,
Бо йдуть дружечкы.

59.

Выйды, матинко, проты насъ
Тай спытай, матинко, усихъ насъ:
Де мы, дружечкы, ходылы,
Де мы Марусю сгубылы.

60.

До двору, дружечкы, до двору
Рубайте сосонку до рову,
Дай понесемо до дому,
Тай поставымъ на столи,
На хрещатому скатерти.
Щобъ наша сосна зеленила
И Маруся щобъ молодила.

61.

Передъ порогомъ могыла,
На тій могыли калына.
Гнутся виточкы додолу,
Пора намъ, дружечкы, до дому.

62 [1]).

Не йдить молодыци
До насъ гильця выты.
Мы самы звыемо,
Медъ, выно попьемо.

Кіев. Стар. 90 г., кн. 7, № 57, стр. 142. Степъ № 35, стр. 181. Чуб. т. 4, № 104, стр. 105.

---

[1]) Пѣсни съ 62—69-ю поютъ дружки, когда вьютъ гильце въ домѣ молодой.

63.

Не йдить молодыци
До насъ гильця выты.
Мы зовьемо самы
Краще нижъ изъ вамы.
По пидъ небесамы,
По пидъ хмарочкамы
Изъ своимы дружечкамы.

Въ с. Пескахъ послѣ 5-й строчки и вмѣсто двухъ послѣднихъ такъ:

Съ своимы дружечкамы
По пидъ сыненькимы
Зъ своимы молоденькимы.

64.

Наше гилечко рясне
Всему мырови красне.
Старому й малому
И Богови святому.

65.

Наше вылечко рясне
Безъ калыноньки красне,
Безъ витроньку мае,
Безъ сонечка сяе.
Ой колыбъ же я знала,
Колыбъ видала
Колы мени вылечко выты,
Той послала-бъ свого батенька
Въ темный лугъ по калыну.
Батенько пишовъ
Калыны не знайшовъ
Заплакавъ тай такъ прыйшовъ:
Ой ще-жъ, доненько, ще-жъ, Марушко,
Калынонька не поспила:
Що витеръ не віе,
Сонечко не гріе
Тимъ калынонька не спіе.

Потомъ эта пѣсня обращается къ матери и затѣмъ къ молодому:

Ивашко пишовъ
Калыноньку найшовъ:
Ой уже-жъ, Марушко, уже, дивочко,
Калынонька переспила:
Що витеръ віе, сонечко гріе
Той калынонька спіе.

Чуб. т. 4, № 117, стр. 107.

66.

Мы вылечко вылы
Горилкы не пылы.
Продаймо вылечко
Купымо горилочкы.
Що намъ платы не багато
Бочку вына, меду дви
Хто выкупыть гилечко на столи.

67.

Та де се гилечко вылося?
Та вылося гилечко въ Кремяньци
Тай прынесено паняньци
Тай поставлено на столи
На квитчастому скатерти.

68.

Вылы дружечкы гилечко
Якъ два соловьи гниздечко,
Выще дерева ялыны
Съ червонои калыны.

Нихто не вгадае
Що въ нашому гильци
Золотіи корешкы й вершкы
Сребряны нависочкы
Въ середыни фіялочкы
Звелы ёго паняночкы.

69.

Вылы дружечкы вылечко
Соловеечку гниздечко.
Зъ высокого дерева ялыны
Изъ червонои калыны.
Зъ высокого дерева фіялкы
За для Маруси панянкы.

70 [1]).

Що Маруся по дворочку ходыть,
Красу сіе, а розумъ садыть.
Якъ садыла, тай говорыла:
Якъ пиду я дай за любого,
То ты, красо, изыходь рясно.
Ты, розуме, тай розвывайся,
Барвиночку тай ростылайся.
Якъ пиду я та за нелюбого,
То ты, красо, не зиходь рясно,
Ты, розуме, тай не розвывайся,
Барвиночку тай не ростылайся!

71.

Ой, Боже, Боже!
Мій мылый гоже,
Що я соби наробыла?
Кого вирно любыла,
То того розгнивыла.
Одъ кого я йила дрибни оришкы,
То той пидпира остришкы.
Въ кого, кого тыхая мова,
То той стоить у порога.
Въ кого, кого тыхіи речи,
То той стоить коло печи.
Кого ненарокомъ,—стоить пидъ бокомъ
Щей до мене осьмихаеться.

Вар. Вмѣсто 3 и 4 строчекъ такъ:

Я не гуляла, не дивувала
И свитъ соби завьязала.

72.

Черезъ синечкы другы дверечкы
Ажъ у вышневый садочокъ.
Ой тамъ дивчына батенька свого
Голубонькы годувала и напувала
До голубивъ промовляла:
Загудить голубы, загудить сызы,
Защебечить соловеечкы.
Завдайте жалю зеленому гаю
Щей батькови ридненькому.
Що мій батько гадае и самъ не знае
И доленькы не спытае.
—Ой, доненько моя, доленька твоя,
Не вгадаешъ ни ты, ни я.

Чуб., т. 4, № 170, стр. 127, Кіев. Стар. 90 г., Іюль, Свад. п. Луб. у. В. М. № 75, стр. 147,— оба варіанта довольно отличны. Также Чуб., т. 4, № 712, стр. 281 и № 1088, стр. 388.

73.

У недилю рано сыне море грало,
Тамъ дивчына та воду брала,
Въ сынимъ мори потопала,
Батенькови ручку давала:

[1]) Пѣсни съ № 70—105 поются дружками въ домѣ молодой въ субботу на дивичъ-вечерѣ.

Ой на тоби, мій батеньку, ручку
Съ золотыми та перстеныкамы
Зъ вышытымы та рукавчятамы.
А мій батенько иде та до бережечка,
Нема човна, ни веселечка,
Та все хвыля позаносыла
До крутого бережечка,
До тыхого та Дунаечка.

74.

Ой по гори бояре гулялы,
А на море ружамы стрылялы,
Ажъ у море дивчыну загналы.
— Рятуй, рятуй ты, мій батеньку,
Буду тоби дилечко робыты
И тоби годыты.
— Ой не буду, доню, рятувать:
Мени тебе по викъ не держать.
— Рятуй, рятуй ты мене, моя матинко,
Буду тоби дилечко робыть.
— Ой не буду, доню, рятуваты
Мени тебе по викъ не держаты.
—Рятуй, рятуй, молодый Ивашко!
Буду тоби дилечко робыть
И твоему батенькови годыть.
— Буду тебе, серце, рятуваты,
Бо мени съ тобою свій викъ викуваты
Будешъ мени дилечко робыты,
Моему батеньkови годыты.

75.

Ой чого ты, крыныце, холодна водыце,
Чого рано замерзаешъ?
Ой якъ же мени не замерзаты,
Шо не хотять воды браты.
Ни воды браты, ни очыщаты
Ни пры зрубу держаты.
Що лысточокъ упавъ, травыця зросла
Уже-жъ мени пора прышла.
Ой чого, Марушко, чого дивочко,
Чого батенька покыдаешъ?
Ой якъ же мени не покыдаты?
Шо не хотять годуваты
Ни одиваты, ни пры соби держаты.
Ой хочъ бы я не йшла,
Меньша сестра зросла
Уже-жъ мени пора прыйшла.

76.

Ой ты, клыну, клыновый лысточокъ,
Куды-жъ тебе витеръ повивае,
Куды батько дочку отдавае?
Чы мижъ турки, чы мижъ аглычаны [1])
Чы у тую турецькую землю
Чы у свекра велыкую семью.
Турьска земля кореныстая,
Свекра семья наровыстая
Треба годыть старому й малому
И свекрови неймовирному.

77.

Колыбъ я знала, або видала,
Колы мое сватання буде
Я-бъ не мылася, не чесалася
Ни сорочечки не надивала.
Мела-бъ я хату, мела-бъ я сины
Зеленою рокытою
Ни для батенька, ни для ридного
Для свекорка неимовирного.

[1]) Вѣроятно: янычары,—это названіе извѣстно въ Малороссіи: „уже прыйшлы янычары" (о дѣтяхъ). Номисъ. Украински прыказкы и т. д. 1864 г. стр. 177.

78.

Йшла дивчына та гукаючы,
Ажъ два дворы та мынаючы
До третёго прыслухаючы,
А въ тимъ двори та все сады садятъ
Та все мого батенька хвалять,
А свекорка гудять.
Колы-бъ мени съ сёго пекла
Та до свекра,
Колы-бъ мени съ сіи мукы
До свекрухы.

79.

Та ходыла дивчынонка по свитлыци
Та носыла горилочку у скляныци
Частувала дивчынонька всихъ дружечокъ пидъ рядъ.
Исправь мени, мій батеньку, весь паньскій нарядъ.
Якый тоби, дытя мое, нарядъ наряжать
Зеленая суконечка щей слидъ замитать.

80.

Та сыдыть сырота по за столамы,
Умываеться слёзамы;
Сыдыть сырота по за новымы,
Умываеться дрибнымы.
Та выйды, выйды, чужый батенько,
Та до мене на порадоньку,
Та нема порядку съ самого ранку
Та не буде й до вечеру.
Та нема родины ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Стоять столы не застыланы
И чарочкы не налываны.
Та сыдять дружечкы нечастованы
И буяре не дарованы.

Кіев. Стар., кн. 7, № 80, стр. 149. Такого же содержанія пѣсня, только краткая, всего въ четыре стиха, записана въ Черниговской губ. и помѣщена въ Молодикѣ 1843 г., ч. 2, стр. 147.

81.

Хоть велыкый двиръ,
Та малый сбиръ—
Не вся моя родынонька.
Нема родыны ни половыны
Ни матенькы зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького
По матинку по ридненькую.
Щей соловейко не долитае,
А матинка на догадъ знае:
Се посылочка одъ моеи дочкы
Молодой челядыночкы.

Кіев. Стар., кн. 7, №№ 76, 77, стр. 147.

82.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на панъ-отця,
Не ддавъ мене за парубка,
Га ддавъ за вдивця.
Що удивець не молодець—
Перву жинку мавъ,
Що винъ йии симъ разъ на день
Що дня изгада:
Та шо въ мене перва жинка
Хазяйка була,
А молода, суча дочка,
Ничого не зна.

83.

Чы я, тоби, матинко, не казала,
Шобъ ты мене за вдивця не давала,
Бо той вдивець бытыме, каратыме,
Мое лыченько до свого ривнятыме.
Мое лыченько билее, румянее,
Его лыченько старе, поганее.

84.

Ой запродай, мій батеньку,
Сей садъ виноградъ,
Та исправъ мени, мій батеньку,
Весь паньскій нарядъ,
Та червоныи черевычки,
Голубый жупанъ.
Червоныи черевычкы пыломъ прыпадуть
Зеленее намыстечко зовыци порвуть.

85.

Молода Маруся по вгороду ходыла
Капусту садыла.
Калына малына,
Якъ сына зродыла,
Ягода червона [1])
Ой и ты, капусто,
Ты прыймайся густо.
Ой пишла-бъ же я тай за селянына,
Шой у селянына та хата маленька
И лавы узенькы,
И столы нызенькы.
Хоть нигде систы
Такъ йе шо исты.
Ой пишла-бъ же я тай за мищанына
Ай у мищанына та хата велыка
И лавы шыроки,
И столы высоки;
Хоть йе де систы,
Такъ ничого зъисты.

86.

Якъ ходыла та Маруся по вгороду
Та сіяла дрибенъ мачокъ съ прыполу.
Ой, якъ мени дрибенъ мачокъ позбираты?
Ой, якъ мени та свекорка называты?
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ зеленцемъ
Та назву я свекорка хочъ риднымъ отцемъ.
Позбираю дрибенъ мачокъ хочъ макивкою,
Та назову свекруху хочъ матинкою.

87.

Марусенька у батенька на отходи
Посіяла червоный макъ на вгороди.
Росты, росты червоный макъ выще мене,
Жаль мени, мій батеньку, на тебе
Що ты мене тай отдаешъ одъ себе.

---

[1]) Припѣвъ повторяется за каждымъ двустишіемъ.

88.

Оце тоби, матинко, на отходи
Посадыла трояндочку на вгороди.
Росты, росты, трояндочко, не хылыся,
Жывы, жывы, матинко, не журыся,
Ой якъ мени не хылытця,—витеръ повива?
Ой якъ мени не журытця—дытя покыда?

89.

Ой ходыла Марусечка по левади
Та садыла оришыну у тры ряды:
Росты, росты, оришына, выще тыну,
Якъ була я й у матинкы за дытыну.
Росты, росты, оришына, выще стрихы,
Якъ була я у батенька для утихы.
Росты, росты, оришына, росхыляйся,
Жывы, жывы, мій батеньку, розжывайся.

Вар. Въ Кіев. Стар. 90 г., кн. 8, № 115, стр. 158.

Въ с. Крутомъ березѣ прибавляютъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришыно, выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, ридна маты.

Вар. II. Въ с. Михновцахъ еще двѣ строчки:

Росты, росты, оришына, выще саду,
Држы, держы, мій батеньку, на пораду.

90.

Ой ходыла та Маруся по вгороду
Та садыла садъ выноградъ изъ прыходу;
Та забула воритечокъ зачыныты,
А не посмила свого батенька попросыты:
Ой зачыны, мій батеньку, воритенька,
Щобъ не въихавъ Иванко зъ музыченькамы,
Бо потопче садъ выноградъ коныченькамы.
Ой запродай, мій батеньку, той садъ выноградъ
Та справъ мени, мій батеньку, весь паньскый нарядъ:
Червоніи черевычкы съ пидковкамы,
Червоное намыстечко зъ дукачамы,
Зеленое суконечко изъ цвитамы.
— Ой не буду, доню моя, саду продавать,
Та не буду, доню моя, наряду справлять,
Бо якъ буде, доню моя, мылый ревнывый

Буде тоби, доню моя, и нарядъ не мылый.
Червоныи черевычкы пыломъ прыпадуть,
Червоное намыстечко зовыци порвуть,
На зелене суконечко цвиты опадуть.

Вар. Чуб., т. 4, № 141, стр. 122 и № 174, стр. 131 и № 1147, стр. 404.

91.

Та чы не будешъ, моя матинко, жалкуваты
Та якъ будуть подруженькы двиръ мынаты?
Ой не буду, дытя мое, тай не буду,
Поховаю вси коснычкы тай забуду
Уси коснычкы но мыснычкахъ валяються
Твои, дивчынонько, вечерныци мынаються.

92.

Не жаль тоби, моя матинко,
Не жаль буде,
Якъ оддасы мене
Мижъ чужіи люде?
Тамъ мои слидкы
Тыхы, не швыдки
Перемиряны будуть.
Тамъ мое дило
Перероблено буде,
Тамъ мое слово
Перемовлено буде.
Перемирять слидкы,
Тыхы, не швыдки,
Диверкы—не братикы;
Перемовлять слово
Зовыци—не сестрыци;
Перербыть дило
Свекруха—не матинка.

93.

Червоная калына безъ витру шумыть
Чужый батько, чужа маты не бье та болыть.
Молоденька та Маруся ничимъ не вгодыть,
Ни мыскою, ни ложкою, ни ходою,
Ни своею тыхенькою розмовою.

94.

Вы, сестрыци, вы, подружечкы,
Соберитьсяя вы за ручечкы,
Покопайте уси стежечкы
Тай насадить та рутои мяты,
Туда йтыме моя ридна маты,
Буде вона жалибно плакаты:
Зилле мое паханое,
Дытя-жъ мое коханое.
Якъ ты въ мене кохалося
Що субботы чесалося,
Що недили прибиралося
За юпочку та на улычку
За виночокъ тай у таночокъ.

95.

Не копай грядкы, не сады мняткы,
Бо никому полывать буде.

Шо ненька старенька, сестрыця маленька,
А я сама молоденька.
Оддаешъ маты зъ новои хаты,—
Съ кимъ ты будешъ розмовляты?
Заговорю, доню, зъ билою стиною:
Стина моя била, стина моя била!
Чомъ ты до мене не говоришъ?
Якъ до тебе говорыты,
Шо никому чепурыты?

96.

Ой стану я проты гаю, проты двору,
Построй, построй, Васылю, та комору
Туды будуть зузуленькы залитаты
Воны будуть ранесенько та куваты.
На що мени зузуленькы сызокрылы,
Якъ у мене зовыци чорнобривы?
Воны мене ранесенька тай избудять,
Сами пидуть до сусиды тай осудять.

97.

Сухый теренъ, сухый теренъ, тай не тесаный,
У новую свитлоночку тай унесеный.
Наступыла та Ганўшка ниженькамы,
Сплеснула та Ганўшка рученькамы.
За горою рута мнята, за горою
Та заросла лыхымъ зильямъ лободою.
Чы ты іи Ганушко исполола,
Шо ты свои били ручкы поколола?
Не до руты, подружечкы, не до руты,
Бере мене та Федорко въ свои рукы.
Не до мняты, подружечкы, не до мняты,
Хоче мене та Федорко соби взяты.

98.

Та не тіи думкы, та не тіи гадкы
Що ходыты та на досвиткы.
Годы, доненько, годы, молода,
И старому, и малому.
Свекрови годы, хустыну перы,
Свекруси годы, головоньку гляды,
Зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Козакови годы, билу постель стелы.

99.

Ой, матинко, голубонько!
Измый мени головоньку
У вечори въ субботоньку.
Бо вже бильше не мытымешъ,
Ручокъ своихъ не томытымешъ;
Бо вже бильше не чесатымешъ,
Ручокъ своихъ не ламатымешъ.
Зачешы гладисенько,
Заплеты дрибнисенько,
Шобъ вона не маяла,
Одъ сонечка не сяяла.
Шо въ субботу кисоньку чесала,
А въ недилю головку зряжала,
За дынъ вечиръ потеряла.

Кiев. Стар. 90 г., 7 кн., 149 (83).

100.

Ой, ненько, ненько, уже не раненько,
Навчай мене, моя матинко!
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты:
Будь сама розумная.
Держы въ свитлонци якъ у виночку,
Билый рушныкъ на килочку.
А свекорко ввiйде, сюды туды гляне,
Винъ тебе не полае:
Доброго батька добра дытына
Вона мени вгодыла.
Та злый свекоркови на били ручкы,
То зглянуться ятровочкы:
Чы мы въ батька не булы,
Чы мы въ лиси порослы,
Чому насъ такъ не вчылы?

Вар. Въ с. Хитцахъ послѣ 5-й строчки такъ:

Шей рушнычокъ на килочку.
Видерця новенькы, водыци повненьки
Шо вечора и шо раночку.
Шо свекорко встане, ручкы помые
И рушнычкомъ повтырае.

101.

Ой, матинко та голубонько!
Измый мени та головоньку
Въ останнiй день та субботоньку,
Бо вже-жъ більшъ та не мытымешъ,
И рукъ своихъ не томытымешъ.
Та рощешы, та рощешы та гладесенько,
Та заплеты та дрибнесенько
Биленькими рученькамы,
Дрибненькимы та слизонькамы.

Вар. въ Кiев. Стар. 90 г., кн. 7, стр. 149, № 83.

102.

Чы чуешъ ты, Марусю,
Шо про тебе люды торгують
Передъ синьмы, въ зеленимъ зильи
Въ хрещатимъ барвиночку.

Продае тебе батенько
За червоніи чобиткы,
За золотіи пидковкы
Передъ синьмы въ зеленимъ зилли
Въ хрещатимъ барвиночку.

103.

Ой вы, старосты, чого сыдите,
Чомъ до дому не йдете?
Бо ще Маруся наша не ваша
Вы йийи не визьмете
Хочь заручена, такъ не винчана
Бо ще вона наша дивчына.

104.

Ой стояла та Маруся пидъ винцемъ
Та чесала косу росу гребинцемъ;
Упустыла гребинець до долу.
Ой пора намъ, дружечкы, до дому.

105.

Кислыци, дивчынонько, кислыци
Розійдемося, сестрыци.
Та кислыци, дивчынонько, зеленькы
Розійдемося, вирненькы.
Роскотитеся зеленійши,
Розійдемося, вирнійши.

106 [1]).

Пятныця почынальныця,
А суббота шышкобгальныця,
А недиля—воскресиння,
Просымо всихъ на весилля.

107.

Пыталася шышечка
Перепечи:
Чы далека дориженька
До печи.
Дайте мени костуроньки
Опираться,
Щобъ до печи дориженькы
Допытаться.

Чуб. т. 4, стр. 237, № 546 очень отлична.

108.

Коровай нашъ бувъ коровай,
А золотіи обручи,
А серебряны шышечкы.
У насъ проханы дружечкы
А у васъ бояре селецки,
Воны сыночкы отецькы.

109 [2]).

Ишла Маруся на посадъ,
Зостричае іи Господь самъ.
Поздоровля зъ долею щаслывою
Изъ вирною дружыною.

110.

Закувала зозуленька надъ горою
Заплакала дивчынонька молодою.
Та нехай куе, нехай куе, не зганяйте,
Нехай плаче, нехай плаче, не спыняйте.

---

[1]) Пѣсни 106—108-я поются въ субботу женщинами при изготовленіи свадебныхъ хлѣбовъ.

[2]) Пѣсни съ № 109 по 121 поются въ воскресенье дружками молодой въ ея домѣ.

111.

Не жаль мени ни на кого,
Якъ на дядька.
Не давъ мени погуляты
Въ свого батька.
Не давъ мени сихъ косничкивъ поносыты,
Батьково подвирьячко украсыты.
Поносять си коснычкы зовыци,
А закрасять подвирьячко сестрыци.

Чуб. 4, № 942, стр. 349.

112.

Не жаль мени ни на кого,
Такъ якъ на свій ридъ,
Не давъ мени погуляты
Такъ якъ мени слидъ.
Не давъ мени по двирочку походыты,
Не давъ мени всихъ коснычкивъ поносыты
Ой походять по дворочку все сестрыци,
А поносять вси коснычкы все зовыци.

113.

Навищо-жъ ты, Марусечка, уповала,
Шо ты того Трохымочка сподобала?
Чы на волы, чы на кони, чы на гроши?
Чы на ёго й уродоньку—шо хорошый?
То тожъ волы, то то кони, то то не ёго,
Голубіи жупаныкы,—то брата ёго.
Вороніи коныченькы одведиты,
Голубіи жупаныкы однеситы,
Биля мене Трохымочка посадите.

Кіев. Стар. 90 г., кн. 8, 158 (114). Чуб. Труды, т. 4, 124 (160), разнятся три последнія строчки.

114.

Сыдыть дивчына край виконечка
И сонъ йийи налягае,
Коло неи сыдыть молодый Иванко
Та винъ йийи розважае.
Чого, дивчыно, чого, молода,
Така смутна стала?
Якъ же мени молодесенькій
Та не буты смутнесенькій?

115.

Ой чого, чого у сему дому
Такъ рано засвитылось?
Та сыдыть Маруся край виконечка,
Чогось вона засмутылася.
А коло неи Васылько йіи,
Та винъ йіи розважае:
Та въ тебе, Марусю, билее лычко,
А въ мене щей билійше;
Та въ тебе, Марусю, чорніи брови
А въ мене щей чорнійши.
Та въ тебе, Марусю, тихая мова
А въ мене щей тыхиша.

Та въ тебе, Марусю каріи очи,
А въ мене щей кариши.

Та въ тебе, Марусю, батинко ридный,
А въ мене щей риднійшій.

116.

Чимъ я тоби, моя матинко, не вгодыла,
Що ты мою головоньку утопыла?
Утопыла головоньку якъ рожевый цвитъ,
Уже моій головонци завьязаный свитъ.

Вар. Послѣднія двѣ строчки въ с. Пескахъ поютъ такъ:

Утопыла головоньку, завьязала свитъ
Уже-жъ мени не розвяже покы мій и викъ.

117.

Хмиль лугамы, пшеныця ланамы
Молода дивчына вечеряй изъ намы.
Буде мени та вечеренька
Не въ батенька, та въ свекорка
Перчыкомъ прысыпана
Слизонькамы прылывана.
Хмиль повьеться,
Пшеныця пожнеться
Молода Маруся!
Гуляння мынеться.

118.

Ой ходыла Марусечка по вгороду
Та садыла руту мяту съ прыходу.
Рути мняти колинечка зростутця
Уже-жъ мени та роскоши тай мынутця.
Мынаютця вси роскоши сама бачу
Не разъ, не два по роскошахъ тай заплачу.

119.

Останніи дни, роскоши мои!
Тай у тебе, мій батеньку, на гуляннячко иду,
Та никого не спрошусь;
А съ гуляннячка йду,—
Та никого не боюсь.
Дочка въ воритечка, а маты въ виконечко:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка у свитлоньку, батько за свиченьку:
Булобъ гулять, моя донечко!
Дочка на torigъ, маты край стола,
Кубочкы сповня,
Батько каже: лягай, доню, спочываты.

120.

Нетесаный теренъ, сухый, нетесаный
У новую та свитлоньку унесеный.
Та ступыла Марусенька на той теренъ
Та махнула рученькамы ажъ напередъ.
Прыступыться, подружечкы, щей вы, люды,
А що мени мій батенько подаруе.
Буде мене мій батенько даромъ даровать,
Щей доброю, щаслывою годыною,
Щей тіею вирненькою дружыною.
Даруй, даруй, мій батеньку, тай не оставляй
Вороного конычeнька соби вымовляй.
Ой не буду-жъ, доню моя, вымовляты
Бо никому на коныку произжаты.

121 [1]).

Ой на хати голубець гуде
У свитлоньку голосокъ иде
Тамъ хлопчынко умываеться
Изъ батенькомъ поражаеться.
Порадь, порадь, мій батенько,
Якихъ мени та бояръ браты?
Якихъ мени свитилокъ сажаты?
Ой сыночку челядыночку!
Сбирай свою всю родыночку
И блызькую, и далекую,
И вбогую, щей багатую.
Багатый ридъ все пье та гуляе
А убогый порядокъ давае,
Багатый ридъ та все по застилью
Ай убогый та все по надвирью

Чуб. т. 4, № 823, стр. 317. Никол. К. Ст. 83 г., кн. 2, № 21, стр. 381.

122.

Ой куды ты, Васылечку, тай думаешъ,
Вороного конычeнька тай сидлаешъ?
Ой сидлаю, мій батенько, свого не твого
Тай пойиду дорогою щаслывою,
А за своею вирненькою дружыною.

123.

Полетилы голубонькы въ поле.
Вы, буяре, сидайте на кони,
А сванечкы на саночкы,
Пойидемо до коханочкы,
Заберемо вси подарочкы.
И кубочкы попорожнемо,
И Ганнушку соби возьмемо.

---

1) Пѣсни съ № 121 по 124 поются свашками и свитилками въ домѣ молодого и в поѣздѣ.

124.

У Кіеви та на рынку, та на рынку,
Тамъ стояла калынонька въ барвинку.
Туды йихавъ Васылечко молоденькый,
А пидъ нимъ же конычењко вороненькый.
Винъ съ пидъ бока [1]) шабелечку вынимае,
Та на тую калыноньку поглядае [2]),
Хоче тую калыноньку изрубаты.
Стала къ ему калынонька промовляты:
Не для тебе ся калына посаженая,
А для тебе Марусенька изряженая.

У Чуб. т. 4, № 676, стр. 268, иначе—также № 845, стр. 322. Стен. Свад. пѣсни Елис. уѣзда, № 122, стр. 222—иначе. Обряды и пѣсни с. Бѣлоз., Чернявской, № 16, стр. 40, также далекій варіантъ.

125 [3]).

Выйды, мате, за воритечка,
Та глянь, мате, проты сонечка.
Шось до тебе за гисть йиде.
Ажъ улыци розлягаютця.
Дориженькы не пытаютця.

126.

Изъ за горы стовпомъ дымы,
Тожъ не дымы—сыня хмара,
Тожъ не хмара—съ коней пара.
Тожъ Васылько зъ війскомъ иде
Хоче тестя звоюваты,
Хоче Парасю соби взяты.

Вар. въ Степи, стр. 182, № 40.

127.

Изъ за горы та возамы гремилы,
Коло тестевого двора колокольцемъ звенилы.
Ой, сестрычко! та заплачь жалибненько
Бо вже твій Васылько коло двору блызенько
А сестрычка й вироньќы не доймала
И слизонькы не румала.

128.

Заиржалы конычењкы на крутій гори
Забрязчалы удыламы у батенька въ двори,
Тай зачула Марусенька за скамною:
—Гости, гости, мій таточку, гостонькы до насъ!
—Молысь Богу, дытя мое, абы въ добрый часъ.

---

[1]) Исъ пидъ плеча....
[2]) Замиряе.
[3]) Пѣсни съ № 125 по 137 поются дружками въ домѣ молодой.

Сховай мене, мій таточку, въ коморю
Може я си гостонькы перестою;
Сховай мене, мій таточку, хочъ у хыжу,
То може я си гостоньки пересыжу.
--Не съ тымъ воны дытя мое найихалы,
Щобъ безъ тебе, молодои, пойихалы;
Якъ бы бралы, дытя мое, та самую,
А то беруть дивку молодую.

Чуб., т. 4, стр. 176, № 341. Очень мало сходства.
Кіев. Стар. Пѣсни Луб. уѣзда. №№ 130—132, стр. 163, кн. 8.

129.

Налетилы та соколоньки
Изъ чужои та сторононькы,
Взялы косу тай ростриналы
И золото тай обирвалы,
Пидъ коныкы пидтопталы.
А Марушка тай подумала:
Що коныкъ воронесенькый,
Що козаченько молодесенькый.

130.

Не наступайте та буяре
На наши синечка та новіи
На наши ослоны тесовіи,
На наши кубочкы повніи.
Не вы синечкы становылы,
Не вы ослоны тесалы,
Не вы кубочкы споввялы.
Становылы синочкы майстрочкы,
Тесалы ослоны братикы
Сповнялы кубочкы сестрычкы.

131.

Шо то за Кіяне
Стоять съ кильямы?
За чарку горилкы
Не пускають до дивкы.

132.

Закрычалы лебеди на води
Забряжчалы ложечкы на столи,—
Веклына челядь
Сидае вечерять.

Чуб. т. 4, стр. 302, №№ 771 и 772.

133.

Дружко рукы мые
Поглядае на килочкы:
Чы не висять подарочкы (2)
Дивчыны коханочкы.

134.

Що на двори метиль мететь,
А въ синечкы дрибенъ дощыкъ идеть.
На порози стрыжакы стоять
Воны до насъ на посадъ хотять.

135.

Ой казалы, що сваты багати,
А воны вбогы.
Въ ихъ кони безногы,
Сами пишкы йшлы,

Молодого въ мишку неслы.
Свитылку въ рядныни,
Щобъ не зъилы свыни,
А свашку въ кожуси,
Щобъ не зъилы гусы.

136.

Самы пишкы йшлы
Молодого въ мишку неслы,
А свашку въ торбыни
Щобъ не зъилы свыни,
Свитилку въ халоши
Щобъ не зъилы воши.

137 [1]).

Десь мы заблудылы?
Не до свата прыйихалы
Йихалы лугамы
Конямъ ногы поламалы.

138 [2]).

—Сванечкы, наши голубочкы!
Ой дайте намъ, передайте намъ
Хочь крайни, коровайни;
Та покощовано и полощовано
Шышечку.
—Дружечкы, дружечкы! наши голубочкы,
Пишкы йшлы, шышкы неслы
Пидбылыся, потомылыся,—
Просымо васъ
—Свашка не липашка
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла.
Одну злипыла зъ сина
Та ту сама зъила.

139 [3]).

—Старша свитилка пры стини,
Въ неи сорочка не йіи.
Прыйшла сусида до виконця:
Скыдай сорочку за сонця.
—Брешете, дружечкы, якъ свыни
Въ мене сорочокъ дви скрыни;
Мени матинка нашыла,
Абы я здорова зносыла.

Вар. Чуб., т. 4, № 792, стр. 306. Степъ. № 65, стр. 195.

140.

У насъ свитилка панянка,
У неи сорочка латянка,
Буяры кралы, латалы
И въ свитилкы прыбралы.
Брешете, дружкы панянкы,
Въ мене сорочка зъ китайкы;
Сама маты зъ скрыни выймала,
Мене въ свитилкы прыбрала.

141.

Маты дочку въ свитилкы вбирала
Симъ день сорочкы латала.
Пишла танцюваты,
Погубыла латы.
Брешете, дружечкы, трясьця вамъ,
Въ мене сорочокъ хватыть и вамъ!
Мени съ Кіева высылано
И шовкомъ вышывано.

Вар. Степъ, № 66, стр. 195. Кіев. Стар., 90 г., № 197, стр. 177.

---

1) Поютъ свитилки и свашки.
2) Поютъ хоры дружекъ и свитилокъ.
3) Поютъ поочередно хоры дружекъ и свитилокъ.

142.

А мы роду не такивьского,
А мы роду королевьского!
Мене маты вбирала,
Билу сорочку давала
Тонкую помережану
Зъ Кыива прывезену.

143.

Заськы, початухо, заськы
Сыдышъ безъ запаскы.
Цилу ничъ не спала,
Запаску латала,—
Пишла танцюваты,
Посыпались латы.

144.

Заськы тоби, початухо, заськы,
Безъ заднеи запаскы.
На рови свыни лежалы
Тамъ тебе, початухо, бажалы
На порози зачепылася
И задныця загубылася.

145.

Посунтеся наши
Одъ столу до полу,
Нехай сяде Иванко
Зъ своею лытвою.

146.

Шой у саду соловейко гниздо вье.
Чи всимъ буярамъ мисто йе?
Бо й на печи кутокъ гуляе.
Которому не мае
Старшой дружечкы пытайте,
Хочь на запичку сидайте!

Никол. Кіев. Стар. 83 г., 391 (50).

147.

Мы думалы, що боярынъ красный
А на ёму кафтанъ рясный (2)
Половою, соломою потканый
Перевесломъ пидперезався
Въ бояре выряжався.

148.

На старшому буярыну каптанъ
Соломою, половою напханъ.
Перевесломъ пидперезався,
У буяре выряжався.

149.

Старшый боярынъ красенъ,
А въ его жупанъ рясенъ,
А за тими рясыцями
Сыдять воши копыцямы.

150.

Бодай тебе, князю,
Изъ такими та боярамы,
Изъ такими та роззявамы.
Сыдять по застиллю
Якъ воронъ по киллю.

151.

Йихалы буяры черезъ базаръ,
Та купылы буяры рыбу тарань,—
Брешете, дружечкы, чортова др[...]

Никол. Кіев. Стар. 83 г., 393, (60).

152.

Вылитае сокилонько зза хаты,
Годи вамъ, сванечкы, брехаты!
Охъ и ракы, дружечкы, ракы,
Брешете якъ собакы
Ищей раченята
Брешете якъ щенята.

Кіев. Стар. 83 г., Никол. 391 (45).

153.

Мы не брехалы,
Мы правду казалы!
Вы бигалы кругомъ хаты
Помогалы намъ брехаты.

154.

Мыръ мыромъ,
Пырогы зъ сыромъ,
Вареньчкы въ тютюни.
Вы, дружечкы, предурни
Помыриться.

Чуб. т. 4, №№ 796 и 797, стр. 306, 307.

155 [1]).

Чого сваты та наихалы?
Чы по горохъ, чы по чачавыцю,
Чы по нашу ридну сестрыцю?
У насъ горохъ не молоченый,
Чачавыця не гарманена (2)
И дивчына не изряжена.
Що мы горохъ помолотымо,
Чачавыцю погарманымо (2)
И дивчыну та изрядымо
На посади посадымо.

156 [2]).

Ой казалы, що сваты багати,
Ажъ воны скупи, скуповати.
Мы думалы, що въ ихъ михъ грошей,
Ажъ у ихъ тилькы зять хорошый.
Ой, зятю, зятю хорошый!
Не дамъ шапочкы безъ грошей.
Въ тебе шапочка хороша, —
У мене сестрыця дорогша.
Зять на мене та не дывытця,
Зять на мене супротывытця;
Губамы моргае.
Винъ мене нышкомъ лае.
Ой не лай, зятю, тай не лай,
Що слидъ на тарилку, тай оддай
Шо я въ тебе, зятеньку, первая свисть,
Та выкыдай на тарилку рубливъ шисть.
Шесты рубливъ на тарилку не положышъ,
Ты-жъ мене зъ поиздомъ не впросышъ.

157 [3]).

Подай, мате, голку
И ыточку шовку,
Винкы прышываты,
Гроши заробляты.
Я не хочу пьятакивъ браты,
Пьятакамы казаны лататы.

---

1) Поють дружки.
2) Поетъ свояченица.
3) Поетъ также свисть.

Ой зятю, зятю хорошый,
Не дамъ шапочкы безъ грошей.
Въ тебе шапочка сывенька,
Въ мене сестрыця ридненька.

158 [1]).

Сестра зятю квитку прышывала
Тры ныточкы шовку потеряла:
Первую червоную,
Другую зеленую,
Третюю золотую—
Марусеньку молодую.

159 [2]).

Братику невиснычку
Сядь же ты на мистечку,
Не продавай сестры
За тры, за чотыри
За пьять золотіи.

160.

Було лито, було лито
Тай стала зима,
Насіяла васылечкивъ
Тай проты риздва.
Уже-жъ тіи васылечкы усыхають,
Уже-жъ мою русу косу росплитають.

161.

Шой у горо́ди два васылечкы,
Который вырвы тай пахне.
Ай у Олены два братикы,
Который війде тай плаче.
Шо на нашій сестри на русій коси
Билая имла [3]) пала.
Билая имла зъ билого цвита,
Йе ёго по всимъ свиту.

162.

Часъ и пора
Старшій дружци зъ пидстаршою
Зъ за стола.
— Ще жъ рано, ще погуляемъ,
Ще-жъ зирочка вечирняя не зійшла.

163.

Неметена стежечка, неметеная,
Старша дружка неведеная.
Мы ту стежечку прометемо деркачамы,
Проведемо дружку съ паныч̆амы.

Вар. Чуб. 4, № 1134, стр. 399.

164.

Прощай, прощай ты, Марусю, сестро наша,
Теперъ же мы не твои, ты не наша!
Прощай, прощай, та Васылько,
Ты братику нашъ!
Пускай, пускай та Марусю гуляты до насъ.
—Идить, идить, подружечкы, съ пидъ виконця,
Бо не пиде та Маруся до схидъ сонця.

---

1) Поетъ свисть.
2) Пѣсни съ № 159 по 164 поются дружками.
3) Вына.

165 [1]).

Ой, ненько, ненько, уже не раненько
Пора намъ та дилытыся
Твоя хыжчына, моя скрынчына
Съ биленькымы сорочечкамы.
Твои загоны, мои коровы
Зъ маленькимы та телятками
Твоя кошара, моя отара
Зъ маленькими ягнятками.

Чуб., т. 4, № 1077, сходства почти никакого. № 1145, еще менѣе.

166.

Уже, ненько, уже не раненько
Пора, ненько, дилытысь:
Мени скрынечка и перыночка,—
Тоби, ненько, комирочка.
У комирку выйдешъ
По куточкахъ глянешъ,
Тай мене згадаешъ,
Та немае дочкы.
Нема й скрынечкы и перыночкы,
И Маруси челядыночкы.

167.

Ой, матинко моя!
Уже-жъ я не твоя.
Свекрова, свекрушына
Колы тоби докучыла (2)
Одъ себе отлучыла.

168.

Оглядыся, маты,
Чы вся симья въ хати?
У горшку щербына,
Нема въ хати челядына.

Вар. въ Кiев. Стар. 90 г., кн. 8, № 223, стр. 184.

169.

Мисяць, мисяць дороженьку просвитывъ,
Що братъ сестрыцю выпроводывъ:
Оце тоби, сестрыце, дорога
Идь до свекорка здорова.
Ой будь здорова якъ верба,
Ой будь багата якъ земля,
Ой будь хороша якъ рожа.

170.

Маты дочкы шукае
Изъ свичкою по за пичкою.
Тай не знайшла.
Та десь наша Прися причкы пошла.
Та на тую гороньку крутую,
Та позъ тую церковцю святую.
Та по визъ тiи улыци тиснiи,
Та межъ тiи зовыци пышнiи.

171 [2]).

Наши кони та поковани (2)
Колеса пошыновани,
Возы наши помалёвани.
Грайте, кони, пидъ намы
Йидемо мы зъ панамы!

---

[1]) Пѣсни съ № 165 по 170 поютъ женщины.
[2]) Пѣсни съ № 171—180 поются свашками и свитилками.

172.

Свитилочкы, разсукыны дочкы,
Сидайте на визъ, шобъ кинь не
повизъ.
Шобъ отоса вирвалась,
Намъ Маруся осталась.

173.

Вороны вы, вороны,
А мы шулики.
Взялы Марусю
На викы.
Гомонилы вы, сваты, гомонилы,
А мы мовчалы,—
Взялы Марусю
Тай помчалы.

174.

Та гарчалы селяне,
Гарчалы,
А мы, крутобережци, мовчалы.-
Взялы Марушку помчалы.

175.

Бережитьця воритечка упалы,
Мы у свата дочку укралы.
Не кажить никому,
Повеземъ до дому.

Вар. Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ, такъ:

Будемъ швыдче убираться,
Щобъ зъ дочкою не пойматься.

176.

Тоби, маты, не журытця,
Тоби, мате, веселытця.
Тоби, маты, хаты не месты,
Тоби, маты, порядокъ весты.
Якъ топыла, той топытымешъ,
Якъ варыла, той варытымешъ,
Абы тая слава,
Що невистка стала.

177.

Ой, матинко утко,
Ворочайся прутко,
Бо вже сонце нызесенько,
Невисточка блызесенько,
Уже сонце въ повній рожи,
Невисточка на порози.

178.

Ой, матинко утко!
Ворочайся хутко,
Ворочайся швыденько
Невисточка блызенько.
Ворочайся худійше,
Невисточка блызійше.
И съ хаты въ каморю—
Невисточка коло двору.

179.

Выйды, маты, зъ викомъ,
Даруй дитей довгимъ викомъ.
Одно рожденное,
Друге сужденное.

180.

Прилытила перепилочка [1])
Не учера, та теперечка.
Сила середъ двору
Просыться въ комору.

[1]) Та тетерочка.

Вар. Последнія две строчки такъ:

Сила на одвирочкы
Просытця въ комирочкы.

Въ вар. Кіев. Стар. 90 г., № 234, стр. 186, кн. 9, схожи только две первыя строчки.

181 [1]).

Хто буде спаты
Пидемо постелы слаты.
Соломкы въ головкы,
А мняткы пидъ пьяты,
Шобъ легенько спаты.

182.

На вгороди дулька,
Яка въ тебе, дивчынонько думка?
Чы спаты лягаты,
Чы людей прохаты?

183.

Просылася дивчына въ свого ризвого свекра:
Пусты мене, ридный батько, на гироньки по ягидонькы
На горяныци по полоныци,
У долыну по калыну.

184.

Любая мылая маты
Послала дитей калыны ламаты
Сама сила на покути зъ вирною дружыною
Покы прыйдуть зъ калыною.

185.

Ой ходыла Маруся по писку,
Сколола свою нижечку на триску.
Та потекла кривця зъ рукавця
Для свого Иванця молодця.

186.

Не сидай свашко на лави,
Та сядь на ослони
Та послухай до комори:
Чы не грають соболи.
Щей не грають и не почынають
А якъ будутьграты,
Тоди будемъ уси знаты.

187.

Плугъ не оре,
Цилыны не бере.
Подайте батога,
Пидогнать бугая,
Нехай пре.

188.

А нашъ Иванко молодець
Пидкопавъ вышеньку пидъ коринець,
Набравъ ягидокъ у рукавець
Тай посыпавъ по столу,
Своему родови на славу.

---

[1]) Песни съ № 181—191 поютъ женщины въ доме молодого.

189.

Ночувала, моя матинко, пидъ коверцемъ,
Йила рыбоньку зъ перцемъ.
Пыла, матинко, медъ и выно,
Тимъ мое лыченько не таково.

190.

Темного лугу калына,
Чесного батько дытына.
Ничого й дывуваты:
Така була іи маты.
Запышыть у лейстры:
Таки булы іи титкы й сестры.

У Чуб. (т. 4, № 1313, стр. 443), приведенъ вар. изъ сб. Метлинскаго, но записанный мной древнѣе, суда по слову „лейстры".

191.

Ой, гаю мій, гаю!
Я въ тоби часто буваю
Я-жъ тебе пидкошую
И на дорожку выношую.
Щобъ гай зелененькый,
Щобъ и ридъ веселенькый.

192 [1]).

Ходыла качечка по точку,
Спасыби сваточку за дочку;
За кучеряву мяточку
Та за червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Вар. въ Кіев. Стар. 90 г., 9, № 248, стр. 191. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. Черн., № 98, стр. 46. Чуб. 4, № 1347, стр. 451.

193.

Де твоя, Парасю, китайка
Що прывезла учора отъ батька?
Та постелы, Парасю, по двору
Своему родови на славу.

194.

Турыци, сваточку, турыци,
Чомъ не ведете сестрыци?
Хыба наша сестрыця не люба—
Полетять горшкы щей груба.

195.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочкы не пылы,
А сёгодня прыйшлы
Щобъ горилочкы знайшлы.
Не давайте та холодной,
Бо холодна та недобрая,
А дайте намъ гаряченькои
На жывитъ здоровенькои.

Вар.

Мы вчора тутъ не булы
И горилочкы не пылы,
Пидсыпьте медку,
Пидкыньте жарку,
Щобъ було солодисиньке,
Нашому роду веселисиньке.

---

[1]) Пѣсни съ № 192 и до конца поются женщинами въ понедѣльникъ.

196.

Веды, Ляше, наше
Нехай намъ попляше,
Нехай будемъ знаты
За кимъ пыть гуляты.

Чуб. 4, 579 (138)—разнится.

197.

Нема, нема Маруси дома,
Поихала въ лисъ по дрова.
Прыиде зъ дровамы,
Вона буде передъ вамы.
Нема, нема Маруси дома
Пишла у лугъ по калыну.
Прыйде зъ калыною,
Побачытця зъ родыною.

198.

Ой уведы, Ляше, дытя наше
Нехай намъ попляше.
Ой нема-жъ, нема Марусечкы дома
Поихала въ лисъ по дрова
Якъ прыиде зъ дровамы,
Тоди буде передъ вамы.

Въ с. Тишкахъ перезвяне отвѣчаютъ:

Булобъ у насъ не браты
Якъ по дрова посылаты.

199.

Ой що мы будемо робыты?
Шо ни за кимъ горилочкы пыты?
Батька на матирь изсадымъ
Тай горилочкы знайдымъ.

200.

И самъ не пье,
И намъ не дае!
Хыба буде шынкуваты
Вареною горилкою
Зъ молодою невисткою.

201.

Ой, казала кучерява дивка
Шо йе въ свахы варена горилка.
И сама не пье, и намъ не дае,
Хыба буде шынкуваты вареною горилкою
Зъ молодою зъ невисткою.

202.

Куныци, свату, куныци,
Есть на кошари ягныци.
Ту ягныцю продасы,
А намъ горилочкы дасы.

203.

Узялы у насъ дивку зъ косамы,
Носить горилку цебрамы.
Узялы у насъ дивку якъ квитку
Носить цилый вечиръ горилку.

204.

У нашого свата
Кудрява голова.
Винъ кудрямы затрясе,
Намъ горилочки внесе.

205.

Ой, свекрухо, свекрухо!
Чого въ мысци сухо?

Та не буде въ мысци пывця,
Та не буде въ мысци й дынця.
Позбираемъ черепочкы
Посидаемъ коло бочкы.

206.

Де наша весильная маты?
Ой дай же намъ ключи одъ кимнаты
Заберемо черепочечкы,
Посидаемо коло бочечкы.

207.

Говорыло барыло
У Романа въ комори.
Якъ мы его не розибьемо
Тай до дому не пойидемо.

208.

Ой ты, Романе, не гныся
Та йе въ тебе на кошари ягныця.
Повезы та продай,
А намъ горилочкы розидбай.

Послѣднія двѣ строчки такъ:

Пожены ягныцю продасы,
Намъ горилочкы прынесы.

209.

Якъ бы я добра жена
То сыдила-бъ я дома
Пидъ сію метелыцю
Пряла-бъ я куделыцю.
Теперъ же я догулялася,
Пелиночка розирвалася
И зъ заду, съ переду,
Будемъ гулять и въ середу,
А за твою, Парасютко, доброту
Розійдемося въ субботу.

I. Погребальный обрядъ Лубенскаго уѣзда.

Изба умирающаго или тяжко больного крестьянина наполняется еще до смерти его родственниками, сосѣдями и сосѣдками. Послѣднія остаются обыкновенно до конца для того, чтобы участвовать въ приготовленіяхъ къ похоронамъ. Иногда умирающій обращается къ собравшимся съ просьбой: „рятуйте, добри люды!“—„Хай тебе Богъ рятуе“, отвѣчаютъ на эту просьбу присутствующіе. Сосѣди, особенно сосѣдки, стараются убѣдить умирающаго въ неизбѣжности скораго конца. „Выдно, що вамъ не довго вже жыть“, говорятъ они. Они же совѣтуютъ семьѣ умирающаго: „одступитця, не клопочитця,—хай умира“. Слѣдующій безъискусственный разсказъ крестьянской дѣвочки с. Литвяковъ Акилины Тараничъ о смерти ея отца наглядно представитъ отношеніе крестьянъ къ умирающему. „Батько лазылы по полу, та все прощалысь зъ людьмы, а потимъ пишлы на двиръ, та тамъ и сталы, а жинкы кажуть: „иды въ хату, бо скоро вмрешъ“. Батько мовъ сердятця, кажуть: „та гетьте, дайте погулять!“ А жинкы одвичають: „та де вже тоби гулять, колы ты отъ-отъ вмрешъ“. Взялы ти жинкы у пьяты (впятеромъ) втяглы батька въ хату и ссадылы на пичъ. Батько кажуть мени: „подай воды“. Набрала я чашечку, пиднесла, колы воны пыльно, пыльно въ ку-

токъ дывлятця. Я замитыла, що воны умирають, та чашечку зляку кынула". Замѣчаніе Тургенева о смерти русскаго крестьянина, умирающаго „словно обрядъ совершаетъ холодно и просто" оправдывается и мѣстной дѣйствительностью. Часто крестьянинъ спокойно диктуетъ „духивныцю" (духовное завѣщаніе) и дѣлаетъ словесныя предсмертныя распоряженія женѣ: „коней не продавай. Оры, сій" или дѣтямъ: „якъ прыйде сынъ зъ Тавріи, то щобъ продалы млынъ та долгы пооплачувалы, а останнимъ подилылысь". Приказываетъ, чтобы его погребли какъ должно и давали на часточку священнику. Иные видятъ предъ смертью умершихъ родителей, предковъ и дѣтей и бесѣдуютъ съ ними, а кто держалъ строгій постъ въ одну изъ пятницъ предъ годовымъ праздникомъ,—увидитъ, по народнымъ вѣрованіямъ, въ послѣднія минуты Богородицу.

У человѣка предъ смертью являются, по наблюденіямъ народа, нѣкоторые наружные признаки, указывающіе на близкую кончину. „Якъ чоловикъ часуе (умираетъ) очи ему станутъ ясни якъ зеркало. Винъ тоди черезъ себе дывытця, очи закотятця пидъ лобъ". Носъ заостряется, иногда двоится и около него появляются темныя пятна. Въ глоткѣ трещитъ, какъ будто ломаются маленькія палочки; грудь хрипитъ („харчыть, клекоче"). Прекращеніе кровообращенія замѣтно прежде всего у рукъ. „Жылы нычтожаютця". Кровь „зминяется, не грае". „Минытця" и тѣло, приближаясь цвѣтомъ къ воску. На тѣлѣ выступаютъ желтыя и синія пятна („муравыця"). Оно коченѣетъ, дѣлаясь особенно твердымъ подъ ребрами. Дыханія не слышно съ полчаса,—вдругъ человѣкъ трижды вздохнетъ („тричи дыха, позихне, або хыкне") и „на вики стышытця", „задубіе", „уста и очи склепляютця". Съ послѣднимъ вздохомъ душа оставляетъ тѣло, какъ скинутую рубашку. Душа выходитъ изъ раскрытаго рта въ видѣ пара или дымка, подобнаго дыханію въ холодной комнатѣ, или сизаго, синяго дымка, иногда вродѣ дымчатой ленты; иногда виднѣется слабое очертаніе мотылька, или золотого мотылька. Въ одномъ изъ записанныхъ мною мѣстныхъ разсказовъ душа вылетѣла изъ тѣла къ порогу уже въ этотъ моментъ въ видѣ мухи.

Такимъ образомъ смерть разсматривается народомъ какъ разъединеніе, разлученіе души и тѣла, а агонія происходитъ отъ нежеланія души на такое отдѣленіе. Два обстоятельства вліяютъ неблагопріятно на ходъ агоніи. Когда умирающаго потревожитъ слезами и крикомъ кто-нибудь изъ членовъ семейства. Въ такомъ случаѣ потревоженный будетъ мучиться, по словамъ однихъ, лишнія сутки, до момента, въ который его встревожили; по словамъ другихъ, гораздо дольше—до 3—4 дней. Вотъ почему семейство вообще стараются удалить отъ умирающаго, оставляя только жену или дочь. Присутствующимъ приказываютъ молчать, кричащихъ выталкиваютъ. Другое обстоятельство, осложняющее агонію—перехидъ. Человѣкъ

въ перехидѣ даже передъ смертью вдругъ вскакиваетъ, машетъ руками, кричитъ, „посыніе якъ пупъ“. Изо рта у него показывается пѣна. „Смерть воловою жовчю душу напува“ говоритъ при видѣ этой пѣны народъ. Для уничтоженія пѣны сжимаютъ мизинецъ правой ноги умирающаго съ минуту и подкладываютъ ему серпъ. При тяжкихъ страданіяхъ нужно снять умирающаго съ подушекъ и положить на соломѣ или кожухѣ. Въ крайности вертятъ свердломъ чиринь на печи, а при мученіяхъ вѣдьмы—срываютъ крайній сволокъ или сжигаютъ заслонку. Въ обыкновенныхъ случаяхъ умирающему также можно помочь звономъ „по сходъ души“.

По народнымъ понятіямъ душа, оставивъ тѣло, вьется по хатѣ, „шука миста якъ птыця гнизда“, пока не найдетъ себѣ мѣста на покути за образами. Здѣсь, по словамъ однихъ, она пребываетъ до выноса тѣла, сопровождаетъ послѣднее на кладбище и возвращается съ кладбища „до господы“; по словамъ другихъ, душа находится на покути 3, 9, или и всѣ 40 дней. На третій или на девятый день ангелъ, данный душѣ при крещеніи, ведетъ ее по 12-ти мытарствамъ—съ правой стороны. Съ лѣвой стороны идетъ нечистый. Во всякомъ случаѣ душа на сороковый день ѣстъ канунъ, прощается со всѣми и улетаетъ [1]). До сорока дней не слѣдуетъ мазать жилища, мочить бѣлья, мыкать мычки, чтобы не потревожить души.

Между тѣмъ оставленное душой тѣло осматриваютъ бабы. Если по изслѣдованію окажется, что подъ мышками нѣтъ движенія („не кыдаетця“), то бабы обмываютъ лице, руки и ноги мертвеца теплой водой, которую сливаютъ въ яму, на плетень, вообще въ такое мѣсто, гдѣ никто не ходитъ. Затѣмъ раздираютъ рубашку на мертвецѣ, и надѣваютъ черезъ голову чистую на выпускъ и штаны. Скинутое бѣлье и одежда, въ которыхъ былъ мертвецъ въ минуту смерти, принадлежатъ досмотрѣвшему этотъ моментъ и закрывшему глаза, если никто не досмотрѣлъ, то нищему. Лицо мертвеца подвязываютъ бѣлымъ платкомъ, чтобы ротъ держался закрытымъ, руки складываютъ на груди. Въ лѣвую руку даютъ крестъ со свѣчей. Мертвеца расчесываютъ. Въ рубашку продѣваютъ голубую или зеленую ленточку (стёжку). Иногда надѣваютъ жилетъ и чемарку, повязываютъ синимъ или зеленымъ поясомъ. Справа прицѣпляютъ платокъ и въ немъ 1, 2 коп., иногда гривеникъ на покупку мѣста, говоря при этомъ: „на тоби серебро, а мени кыдай все свое добро“. По народнымъ вѣрованіямъ, если не положить этой монеты, то падетъ скотъ: „худоба пиде за хозяиномъ“. Необходимость снабдить этими деньгами мертвеца объясняютъ

---

[1]) Сходныя христіанскія понятія на Руси 16 и 17 вв. передаетъ Костомаровъ (Совр. 60 г., X, стр. 529) „на третій день по смерти ангелъ приводитъ душу къ Богу, затѣмъ ей показываютъ муки ада и блаженство рая. На 9 день - отдыхъ; душа слетаетъ въ домъ, а на 40 ангелъ приводитъ душу къ Богу и ей назначается мѣсто.

и другимъ образомъ: ими уплачиваются долги, которыхъ не успѣлъ заплатить при жизни покойникъ. Ноги мертвеца обворачиваютъ тряпкой или намиткой и связываютъ ихъ, чтобы ровнѣе лежали, но эти пута снимаютъ при положеніи въ гробъ, такъ какъ покойнику нужно „дратця на гору". Его кладутъ на скамьѣ головой на покутя, на которомъ простилаютъ кожухъ для того, чтобы душѣ было мягко. Этотъ кожухъ лежитъ на покути до девяти дней и опять кладется на сороковины. Руки покрываютъ намиткой; подъ него подстилаютъ полотно. Въ головахъ ставятъ свѣчу, воткнутую въ кувшинъ съ житомъ, также „щобъ добро марно не йшло за покійныкомъ". Въ с. Тишкахъ на грудь покойника ставятъ стаканъ воды „шобъ ёго не гнало". Въ другихъ частяхъ Лубенскаго уѣзда воду въ стаканѣ и медъ ставятъ на окнѣ возлѣ покойника для обмыванія и поминанія души. Въ д. Пятигорцахъ воду помѣщаютъ на окно, чтобы предупредить пѣну и слюну („ричъ") у мертвеца. По народнымъ наблюденіямъ, если эта вода усыхаетъ, то въ хатѣ вновь кто-нибудь умретъ. Точно такъ же, если мертвецу нельзя закрыть глазъ и онъ продолжаетъ глядѣть. Горячій хлѣбъ разламываютъ и кладутъ на окнѣ, чтобъ горячій паръ дошелъ до покойника, а маленькіе пшеничные коржики съ медомъ и макомъ раздаютъ присутствующимъ. Такъ снаряжаютъ мужчинъ. Въ Тишковской и Черевковской волостяхъ парню вьютъ вѣнки, изъ которыхъ одинъ пришиваютъ къ груди или шапкѣ покойнаго, а другой отдаютъ дѣвушкѣ, которая на томъ свѣтѣ должна быть женой покойнаго. Молодую женщину одѣваютъ во все лучшее: въ сорочку безъ вырѣзовъ и безъ мережекъ, притомъ ручного приготовленія на веретенѣ, а не на прядкѣ; въ синюю плахту (синятку) зеленую или голубую запаску. Иногда теперь хоронятъ и въ спідницѣ. Женщину одѣваютъ въ корсетъ, на голову надѣвается очипокъ, только не заколотый иголкой „одъ зглазу", какъ при жизни, а зашитый или завязанный лентой. Такъ же хоронятъ и старую женщину, только безъ плахты и кое гдѣ еще въ намиткѣ. Если женщину похоронятъ въ однихъ только запаскахъ, то ее и на томъ свѣтѣ заставятъ работать, „поставлять въ кочергахъ", а если въ плахтѣ, то освободятъ отъ работы, какъ „празныкову, велыкодню". По народному замѣчанію „дивку ховають найкраще". Ее одѣваютъ въ плахту, запаску, рукава подвязываютъ маленькими ленточками, а станъ—рушникомъ, какъ у невѣсты. Ноги обуваютъ въ черевики, желтые сапоги или чулки. Косу расплетаютъ на стороны, замѣнивъ красные косныкы голубыми, снимаютъ красное намисто,—вообще избѣгаютъ всего краснаго,—изъ ушей вынимаютъ серьги. Голову дивчыны повязываютъ шелковымъ платкомъ, поверхъ котораго кладутъ цвѣты. Вѣнки изъ голубой ленты надѣты по обѣ стороны головы. Одинъ вѣнокъ откалываютъ и пришиваютъ къ груди парня. Въ Снѣтинской волости вѣнокъ

дается тому парню, который ухаживалъ за умершей на досвиткахъ. Въ с. Хитцахъ дѣвка предъ смертью успѣваетъ иногда и сама указать парня, которому отдать ея вѣнокъ. Тогда парень надѣваетъ ей, мертвой, кольцо на палецъ. По народному вѣрованію умершая дѣвушка во всякомъ случаѣ на томъ свѣтѣ будетъ парой этому парню. Въ с. Волчкѣ кромѣ вѣнка парню дается еще платокъ, а въ Хорошкахъ всѣмъ парнямъ раздаютъ косники и хустки, какъ боярамъ. Мать причитаетъ надъ дочерью: „На що ты мени таку смутну свадьбу зробыла?" Особенность похороннаго наряда дѣтей, умершихъ до году, состоитъ въ томъ, что ихъ подвязываютъ „крыжмомъ",—полотномъ, подареннымъ крестной матерью при крещеніи. Наряженнаго мертвеца кладутъ на лаву, подкладывая подъ него въ сс. Тишкахъ и Хорошкахъ серпъ, думая предупредить истеченія. Къ мертвецу не прикасаются красящія какія-нибудь ткани и садовники. Какъ только разносится извѣстіе о смерти какого-нибудь лица, весь кутокъ пріостанавливаетъ работу и сосѣди идутъ дѣлать гробъ [1]). Отказываться отъ приготовленія гроба не принято. Мертвое тѣло предварительно измѣряютъ очеретиной [2]). За изготовленіе гроба работающіе ничего не получаютъ, а только участвуютъ въ похоронномъ обѣдѣ (ужинѣ). Гробъ извѣстной формы (горбатый) въ употребленіи у зажиточныхъ, бѣднякамъ служитъ обыкновенный ящикъ. Гробъ обиваютъ внутри тонкой рубашкой или дешевымъ сортомъ кисеи (намиткой). Эта обивка и доски приготовляются заранѣе; самые же гроба и могильные кресты заживо приготовляютъ теперь себѣ старики гораздо рѣже, чѣмъ прежде, хотя въ народѣ и есть замѣчаніе, что заживо приготовленный гробъ содѣйствуетъ долголѣтію. Когда гробъ приготовленъ, присутствующіе прощаются съ умершимъ, цѣлуя его въ лобъ и руку и приговаривая: „прощай насъ и на симъ и на тимъ свити". Сыновья кладутъ въ гробъ родителей, или по крайней мѣрѣ поддерживаютъ ихъ головы. Но родители не кладутъ въ гробъ ни взрослыхъ, ни маленькихъ своихъ дѣтей. Послѣднихъ кладутъ сосѣди, сидящіе обыкновенно у мертваго тѣла въ ожиданіи гроба. Дѣтей кладутъ въ гробъ женщины, а новорожденнаго—повитуха. Въ головы покойнику подкладываютъ подушку изъ намитки, сшитую только съ трехъ сторонъ, набитую сѣномъ и ароматическими травами: полынемъ, мятой, любысткомъ, чепчыкомъ. Дѣвку обкладываютъ живыми цвѣтами: васильками, гвоздикой и георгиной („жоржыною, сержыною"). Въ с. Хорошкахъ дѣтямъ нашиваютъ цвѣты на подушки. Парубку и дѣвкѣ примѣшиваютъ къ травамъ и хмѣль,—по Удаю. Первому кладутъ въ гробъ шапку и всѣмъ вообще образа, женатымъ—благословенные. Въ м. Снѣтинѣ и Лукомьи гробъ покрываютъ чернымъ сукномъ.

---

[1]) Гробъ—труна, домовына, довомына, доломына.

[2]) Отсюда проклятіе: шобъ тебе очеретыною змирялы!

Гробъ выносятъ ногами впередъ [1]). Предъ выносомъ тѣла дѣти становятся вокругъ гроба или на скамьѣ, держа въ рукахъ особыя свѣчечки—„провиднычки“,—которыя трижды притушиваютъ, а остатокъ прилѣпляютъ въ срединѣ гроба. На дворѣ гробъ ставятъ на мары. Въ с. Волчкѣ гробъ и крышку его („вико“), когда умретъ дѣвица, несутъ ея подруги, въ другихъ частяхъ уѣзда—парни. Они же несутъ и хоругви, къ которымъ привѣшены ленты. По выносѣ тѣла избу выметаютъ и убираютъ, постель мертвеца выносятъ въ сарай. Затѣмъ одна изъ женщинъ возвращается и разсыпаетъ въ хатѣ жито, а другія, входя, приговариваютъ: „добри-вечиръ! помогай би вамъ!“—хотя бы въ избѣ никого не было. Въ сѣняхъ, на огородѣ и по двору также посыпаютъ рожью для того, чтобы остающимся „Богъ давъ жыття“. Ворота завязываютъ краснымъ поясомъ. Когда проносятъ мертвеца мимо какого-нибудь дома, необходимо притворить окна и двери. Глядѣтъ на мертвое тѣло изъ окна, даже сквозь плетень нельзя—у смотрящаго можетъ образоваться наростъ. Нужно уклоняться отъ встрѣчи съ мертвецомъ. Гробъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ. Бѣдняки берутъ церковный холстъ или рушники. Иногда опускаютъ въ могилу и на веревкахъ. Священникъ первый трижды бросаетъ землю, затѣмъ женщины. Отецъ и мать бросаютъ по три горсти земли на гробъ дѣтей, „шобъ скорійше забуть, шобъ не такъ серце тошнылось“. Въ яму бросаютъ и теперь еще мелкія деньги. Въ с. Хорошкахъ и Шекахъ если гробъ попадаетъ случайно въ старую могилу, то раньше погребенному мертвецу сплачиваютъ 2—3 коп., т. е. бросаютъ ихъ въ яму. Теперь уже водку въ гробы не ставятъ, но въ старыхъ могилахъ находятъ 1—2 бутылки водки „такои гарнои, шо ажъ пожовкла“. Несущіе гробъ и копачи получаютъ хустки, которыя привязываются къ хоругвямъ, крестамъ и марамъ; псаломщикъ—платки и свѣчи. Плата священнику бываетъ различна, 2—3 рубля, когда гробъ заносятъ въ церковь и 1—50 коп., если не заносятъ. За похороны дѣтей платится отъ 30—50 коп. [2]) Надъ могилой ставится крестъ, къ которому привѣшиваютъ хустку (прапоръ) и рушникъ для того, чтобы покойнику было чѣмъ утираться. Въ Снѣтинѣ хустки вѣшаютъ только надъ козаками. Никто никогда не трогаетъ этихъ хустокъ, между прочимъ и потому, что мертвецъ можетъ прійдти за нею. Возвратившимся съ кладбища копачамъ сливаютъ на руки передъ порогомъ, а вообще всѣ возвратившіеся берутся за печь, засматриваютъ въ нее и иногда приговариваютъ: „хай тараканы та стоногы мруть“. Затѣмъ хозяева курятъ ладаномъ и приглашаютъ къ обѣду. Обѣдъ, называемый „гарячимъ“ состоитъ изъ борща

---

[1]) Тогда какъ дѣтей принято всегда вносить со двора въ хату головой впередъ.

[2]) Вообще издержки на похороны отъ 6—20 рублей.

или капусты съ курицей, въ постные дни съ рыбой, также изъ локшины, иногда галушекъ. Предъ обѣдомъ ѣдятъ канунъ и пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне, вишный покой новопреставленiй душечци". Хлѣбъ, приготовленный къ горячему обѣду, рѣжутъ по кускамъ и раздаютъ присутствующимъ или вмѣсто него по маленькой булочкѣ. Этотъ хлѣбъ и булки присутствующіе уносятъ съ собой и засушиваютъ. Послѣ обѣда мужчины расходятся, а бабы остаются въ числѣ 3—15. Въ свое время имъ предлагается ужинъ, состоящій изъ колбасъ, блиновъ и картофеля. Послѣ ужина бабы, перекрестившись, садятся за столомъ „надъ кануномъ". Хозяйка ставитъ среди стола миску съ разведеннымъ мёдомъ (канунъ), въ который бросаютъ иногда три крошки (часточки). Возлѣ кануна ставятъ хлѣбъ и водку; кладутъ также ложку, которою ѣлъ покойникъ. Часть кануна въ стаканѣ ставятъ на окнѣ. Въ с. Хитцахъ скамья подлѣ окна оставляется свободной для помѣщенія родителей и предковъ, появляющихся съ того свѣта къ кануну. На покути простилаютъ рушныкъ и кладутъ паляницу, а въ с. Волчкѣ ставятъ чарку водки. Въ Хитцахъ простилаютъ еще на покути кожухъ шестью вверхъ для того, чтобы душѣ было гдѣ отдыхать. Женщины сидятъ всю ночь надъ кануномъ, поджидая душу, курятъ ладаномъ, говорятъ благочестивыя рѣчи [1]). Спать въ это время грѣшно. Въ полночь свѣча затуманится и душа въ образѣ мухи слетаетъ къ кануну. „Сама бачыла", разсказыла старуха изъ сел. Кононовки „надъ кануномъ малисиньку мушку зимнёи добы. Полита, полита и сяде на божныци. Така тоща, тилько шо лазыть". Лѣтомъ иногда муха гудетъ (джыжчыть) надъ кануномъ. „На кануни", разсказывала молодыця сел. Великой Селецкой, „гомонымо, гомонымо, а потимъ ущуліемо. Дывымось, ажъ надъ мыскою такъ якъ туманъ стане и бжола, або мушка, прыпада. То мы одсунемо кватырку, выпустимо бжолу". Въ д. Пятигорцахъ старуха видѣла душу въ видѣ маленькаго, бѣлаго мотылька, летавшаго надъ кануномъ. По словамъ женщины с. Губскаго „въ осены надъ тиломъ дытыны литавъ золотый метелыкъ. Та сивъ надъ медомъ на краечку та одно пье, одно пье. Не вглядилы де й дивсь". Когда муха или другое насѣкомое появится надъ кануномъ, сидящія за столомъ женщины говорятъ: „дывитця, дывитця, якъ душечка прылетила до мыскы. Хочь душу побачымо, колы нема покiйного, бо зъ роду, зъ давнихъ давенъ стари люды говорять, шо то душа". Если сидѣть съ набожными мыслями, то кромѣ насѣкомыхъ, видимыхъ надъ кануномъ, на стѣнѣ бываютъ еще замѣтны мимолетныя тѣни куколъ. Вотъ какъ это бываетъ. „У моеи сусиды", разсказывалъ крестьянинъ м. Снѣтина

[1]) Въ сборникѣ Чуб. (т. 4, стр. 705) замѣчено, что обычай сидѣть надъ кануномъ и стеречь душу существуетъ будто бы только въ Переяславскомъ уѣздѣ, а между тѣмъ обычай этотъ повсемѣстенъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ.

Николай Ивахненко, „умерла дочка Олена. Поховалы йийи, зибралысь сусиды: дви старухы и два старыка. Воны сыдилы, покы схотилось спать. Сусиды и старыкы поснулы, а маты сыдыть коло грубкы. Колы такъ якъ опивночи, дывытця, идуть по покутній стини тини якъ куклы. На викни стоявъ канунъ. Уси души, шо въ тій хати померлы, прыходылы до кануна. То йихъ прыводыла померла душа Олены. Дійшлы ти души до покутя, нестало выдно ничого. Колы се черезъ время упять идутъ одъ покутя до порога. Тинь: не выдно чи жинкы, чи чоловикы". По разсказу молодицы м. Снѣтина Анны Гетьмановой, „по стини лялька за лялькою идуть ажъ до столу и сидають коло кануну. Посыдилы, посыдилы—вылазять и идуть соби впьять изъ хаты по стини". Иногда бываютъ видимы и самые покойники, не только тѣни ихъ. „Я бачыла у шисть недиль тинь у два викна за хатою. Покійный Юхимъ прыйшовъ у билій сороцци"—разсказывала старая козачка с. Литвяковъ Графына Супрунова. Покойника поминаютъ обѣдомъ и кануномъ на третій (третины), девятый (девятины), сороковый (сороковины) день послѣ кончины и въ годовой срокъ (годовины). Кромѣ того, есть еще общіе поминальные дни „помынальныци"—четыре осеннихъ субботы: Кузьмина, Лучына, Дмитрова и Михайлова, когда дается 3—5 коп. на часточку священнику и въ память умершихъ не выполняютъ нѣкоторыхъ работъ: не прядутъ, не мажутъ и не метутъ хатъ. На проводной понедѣльникъ [1]) бываетъ панихида и обѣдъ на гробкахъ, во вторникъ женщины поминаютъ „дядынъ", обѣдаютъ, пьютъ водку, приговаривая: „царство небесне дядькамъ, дядынамъ и всимъ предкамъ". Въ честь покойниковъ соблюдаются еще въ Лубенскомъ уѣздѣ слѣдующія обыкновенія: наканунѣ Рождества имъ оставляется вечеря и канунъ; наканунѣ Свѣтлаго праздника оставляется булка и селедка на столѣ. На самый свѣтлый праздникъ оставляютъ для мертвыхъ пасху съ рушниками, саломъ, яйцами и колбасой. Такую пасху называютъ тайной и чаще приготовляютъ въ семействахъ, гдѣ были самоубійцы. На такъ называемый „русальчынъ велыкдень", т. е. въ четвергъ на троицкихъ праздникахъ женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собираютъ у себя и угощаютъ всѣхъ дѣтей околодка (кутка). Трауръ по покойникамъ заключается въ слѣдующемъ: въ случаѣ смерти матери дочь въ теченіе года не поетъ, не танцуетъ, избѣгаетъ собраній и гульбищъ. Не носитъ также красныхъ лентъ, поясовъ, серегъ, даже на свадьбѣ вѣнокъ сиротки голубой или зеленый. Тотъ же трауръ соблюдается по смерти отца, но ходить „межъ челядь" можно. Мать и отецъ по смерти дитяти не должны ѣсть вишенъ до Петра и Павла и яблокъ—до Спаса. Этими обыкновеніями исчерпываются почитанія покойныхъ. Всякія

---

[1]) А не во вторникъ, какъ сказано у Чуб. (т. IV, стр. 711).

другія оплакиванія, кромѣ обрядовой причети, запрещаются, какъ видно изъ слѣдующихъ повѣрій и разсказовъ.

1. Одна женщина часто ходила на кладбище въ неурочное время и тамъ тужила. Пришла какъ-то въ сумерки, видитъ—черная собака лежитъ на другой могилѣ. Испугалась молодица, „стало ій темно". Пришла домой и три недѣли пролежала.

2. Если мать плачетъ по дитяти, то оно будетъ лежать въ водѣ.

3. Покойная мать чуть не разорвала дочь, которая ее оплакивала, спасла послѣднюю покойная мать.

4. Женщина с. Волчка никогда не оплакивала дочь, а только каждый Свѣтлый праздникъ приходила христосоваться къ могилѣ. Дочь отзывалась изъ гроба. Но разъ мать пожалѣла о дочери въ такихъ выраженіяхъ [1]) „оцебъ уже и въ мене така дочка, що замижъ оддавать". Когда затѣмъ она пошла къ могилѣ христосоваться, то отвѣта не послѣдовало. Кладбища (кладовыща, гробкы) въ Лубенскомъ уѣздѣ расположены вблизи селъ и засажены кленомъ, липой, вишнями, яблонями, сиренью и калиной. „Ваши стежкы калыною позаросталы"—обращается къ покойникамъ мѣстная причеть.

II. Замѣтка о погребальныхъ обыкновеніяхъ.

Въ погребальномъ обрядѣ Лубенскаго уѣзда останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія обыкновенія: 1) помѣщеніе воды въ стаканѣ и горячаго хлѣба на окнѣ возлѣ покойника, тотчасъ послѣ его смерти, приго-

[1]) Въ Таврической губ. на Пасху ходятъ на могилы, христосуются и оставляютъ красныя яйца. Вѣрятъ, что мертвецы отвѣчаютъ: воистину воскресъ! (Нов. Время 17 апр. 94 г. № 6514, стр. 3).

Примѣчаніе. Необходимо для полноты очерка сказать еще вкратцѣ объ особыхъ смертныхъ случаяхъ:

1. Некрещенное дитя—русалку, слѣдуетъ хоронить подъ плодовымъ (родючимъ) деревомъ, подъ вербой, или подъ верхомъ въ сѣняхъ. Мать покупаетъ сорокъ крестиковъ и раздаетъ дѣтямъ. Невременный ребенокъ закапывается подъ порогомъ.

2. Душа родильницы, до шести недѣль послѣ родовъ умершей, идетъ въ рай. Если умерла въ родахъ, не успѣвъ разрѣшиться отъ бремени, то ходитъ на томъ свѣтѣ на Осіанскую гору родить. (По повѣрію, приведенному въ Кіев. Стар. 90 г., 8, стр. 320, гробъ породили открытъ за 6 недѣль до родовъ).

3. Душа убитаго громомъ идетъ въ царство небесное.

4. Родители, проклинающіе дѣтей, идутъ и сами въ адъ и ведутъ туда же проклятыхъ дѣтей. Тѣло проклятаго не принимаетъ земля. „Въ Снитыни батько и маты прокляли сина: „хай тебе земля не прийма!" Умеръ винъ. Якъ сталы лить у сорока позъ ёго другого класты, такъ зачепылы труны. Нова труна—шо за знакъ? Вытяглы, одкрылы: лежить тило, мовъ учора положене. Пишлы сказалы священнику, винъ подывывсь, а потимъ у книгу, де запысують померши души. Звеливъ позвать батька и матирь, каже: „простить свое чадо! ударьте двонацять поклонивъ передъ тимъ гробомъ" Воны ударылы, помолылысь, а якъ оглянулысь, то тильки попилець изъ тила, а изъ домовыны—пороханъ".

товленіе меда (кануна) и обѣда въ честь усопшаго; 2) помѣщеніе денегъ и вещей въ гробъ и могилы; 3) похороны парня и дѣвушки въ нарядѣ жениха и невѣсты; 4) запираніе воротъ, оконъ и дверей дома по выносѣ тѣла; 5) очищенія послѣ погребенія и 6) изображенія души.

Эти обыкновенія уясняются сравненіемъ съ погребальными обычаями другихъ народовъ.

1. По объясненію Спенсера, человѣкъ на первыхъ ступеняхъ умственнаго развитія, встрѣчаясь со смертію, не различаетъ еще ее отъ временной пріостановки сознанія (обморока, каталепсіи), почему и старается удовлетворить продолжающимся потребностямъ умершаго, особенно главнѣйшей—питанію, тѣмъ болѣе, что при столбнякѣ, напримѣръ, человѣкъ иногда проглатываетъ пищу. Поэтому папуасы въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ смерти заставляютъ своихъ умершихъ ѣсть, впихая имъ въ ротъ пищу. У таитянъ къ знатному покойнику тотчасъ приставляется жрецъ для поднесенія ему пищи (Основ. Соц. Спенс. Спт. 76 г., т. 1, стр. 322—329). Пермяки обкладываютъ пельменями покойника (Вѣст. Евр. 89 г., 7, стр. 55). Черемисы кладутъ ему за пазуху блины и яйца (Прав. Благовѣстн., мисс. журналъ 93 г., май, кн. 1, стр. 34). У древнихъ славянъ для души ставили хлѣбъ, воду, соль и бѣлое полотенце (Котляр. Погреб. об. Слав. Плир. 91 г., III, стр. 210, 255). Въ Россіи 16 и 17 вв., какъ только человѣкъ испускалъ дыханіе, тотчасъ же ему ставили чашу съ святой водой и миску съ мукой или кашей (Кост. Очер. жизни велик. нар. Совр. 60 г., X, стр. 525). Въ Подольской губ. и теперь послѣ выноса тѣла ставятъ на столъ или на окошко стаканъ съ водой, свѣчу и хлѣбъ, а обѣдъ составляется изъ блюдъ, которыя любилъ покойникъ, потому что на этомъ обѣдѣ „годують ёго душу“ (Бытъ Подол. Шейк. Кіевъ, 60 г., в. 2, стр. 32, 34). На правомъ берегу Днѣпра ставится только вода, въ Харьковской губ. воду и медъ оставляютъ до шести недѣль (Чуб. 4, стр. 699, Кіев. Стар. 90 г. № 8, стр. 318). Заботы о питаніи мертвеца не исчерпываются этими обыкновеніями: пищу ему заготовляютъ и на долѣе. У осетинъ еженедѣльно по пятницамъ вдова покойника ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собою кушанья и напитки (Ковал. совр. обыч. и др. законъ 86 г., стр. 81). У конго покойнику ежемѣсячно отправляютъ запасы пищи въ отверстіе могилы. Въ Америкѣ, Африкѣ, Индіи дикари приносятъ на могилы мясо, плоды, воду; чуваши кладутъ на могилу, кромѣ припасовъ, и салфетку обтирать ротъ мертвецамъ. Въ Африкѣ на могилу льютъ воду и кровь. Карибы ставятъ на гробницу воду и съѣстные припасы (Спенс., стр. 171—174, Тэйл. стр. 107—113). У шаманистовъ Азіи въ могилу съ покойникомъ кладется пища, а на сосѣднихъ съ могилой деревьяхъ развѣшиваютъ чайникъ и бутылку съ виномъ (Прав. Благ. 93 г.). Въ Японіи и Китаѣ предла-

гаются мертвецамъ рисъ, вареный въ молокѣ, медъ и масло (Тэйл., стр. 180—187). Также въ древней Индіи (Мэнъ Др. Право. Спт. 73 г., стр. 151) и въ древнемъ Египтѣ, гдѣ мертвому ставили цвѣты, фрукты, пирожки, хлѣбъ, гусей, антилопъ (Погреб. об. Египт. К. Гёрцъ. От. Зап., стр. 415) и древней Греціи, въ которой на могилы приносили караваи, плоды, соль. Эту пищу зарывали въ отверстіе могилы, молоко, вино, кровь разливали на могилѣ же, а часть пищи оставляли въ сосудахъ (Древ. Общ. Ф. де Куланжъ. Спт. 67 г., стр. 16 и 17). При раскопкѣ древлянскихъ кургановъ возлѣ скелетовъ найдены кости барана, свиньи, быка и лошади, черепки глиняныхъ сосудовъ, чаша (Кіев. Стар. 93 г., 8, стр. 319—320). По весьма распространенному вѣрованію покойники принимали участіе въ похоронномъ обѣдѣ. Еще древніе перуанцы держались такого убѣжденія (Спенс., стр. 171, 174). Шаманисты и теперь въ день поминокъ приглашаютъ умершаго на пиръ, парятъ его въ банѣ, т. е. ударяютъ вѣникомъ по пустой полкѣ и затѣмъ ставятъ ему кушанье. У чувашей при поминкахъ на краю стола ставится чашка съ числомъ прикрѣпленныхъ къ ней свѣчей, равнымъ количеству умершихъ родныхъ. Пиво выливаютъ на могилу умершихъ (Пр. Благ. 94 г., V и VI, стр. 36 и 264). На осетинскихъ поминкахъ одежду и оружіе умершаго надѣваютъ на двѣ скрещенныя палки и предъ такимъ изображеніемъ ставятъ кашу и араку (Ковал. Совр. об. стр. 81—87). Въ Бѣлоруссіи по окончаніи пира въ честь усопшихъ имъ оставляется водка и часть кушанья, а въ Олонецкой губ. покойниковъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, приглашаютъ погрѣться на печи. Послѣ пиршества спускаютъ изъ окна холстъ для того, чтобы души удалились (Генерозовъ. Рус. народ. предст. о загр. жизни, стр. 22 и 23. Кавелинъ. Соч., ч. 3, стр. 132). Изъ обычая приносить пищу мертвымъ, по мнѣнію Спенсера, развились впослѣдствіи жертвоприношенія.

2. Не только пища, но и вся вообще обстановка дѣйствительности переносилась за гробъ древними, также современными дикими племенами. Такъ алгонкинцы, ирокезы, фиджійцы, австралійцы, тасманійцы и гренландцы хоронятъ мужчинъ съ оружіемъ, женщинъ съ утварью (Спенс., стр. 63, 65, 66). Шаманисты, черемисы, гиляки кладутъ въ могилы оружіе, трубки, бѣлье, одежду, постели, посуду (Прав. Благ., 93 г., IV, стр. 21, V, стр. 34, 94 г., VIII, стр. 374). У древнихъ египтянъ за покойникомъ несли кинжалъ, сандаліи, вѣеръ, мебель. Въ саркофагъ клали инструменты, оружіе, вещи, любимыя покойникомъ (Герцъ, стр. 415, 417, 419 и 420). У древнихъ грековъ также закапывались съ покойникомъ одежды и оружіе (Ф. де Кул., стр. 12). У древнихъ славянъ клались въ могилу одежда и золотые обручи, оружіе, утварь, женщинамъ—игла съ ниткой. При раскопкахъ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, вмѣстѣ съ остатками че-

ловѣка найдены разные сосуды, орудія производства, вѣсы, игральныя кости, гребни; различныя украшенія: жгуты, подвѣски, вѣнки, браслеты; конскіе уборы: уздечки, удила, стремена, разное оружіе (Кіев. Стар. 93 г., VIII, стр. 319, 320, 94 г., VI, стр. 552, 555, 556 и 95 г., стр. 23, 25—28. Соч. Кавел., ч. 3, стр. 58). Животныя также слѣдуютъ за своими господами: эскимосы и ацтеки убиваютъ на могилѣ собакъ, индійцы и буряты—лошадей, арабы—верблюдовъ; древніе греки—собакъ и лошадей, древніе славяне—послѣднихъ. Съ конетаблемъ дю-Гескленемъ въ 17 и Фридрихомъ Казимиромъ въ 18 в. погребены ихъ лошади (Спенс., стр. 51 и 52, Ф. де-Кул., 12 и Котл., стр. 61). Такъ какъ рабы признавались объектами права, то и они убивались на гробѣ владѣльца (Спенс., 40, Ф. де-Кул., 12, Котл. 61). Монеты кладутъ въ руки или ротъ мертвецу у черемисовъ, эстовъ, нѣмецкихъ и ирландскихъ славянъ, у древнихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи (Спен. стр. 65, 66, 70, Котл. 152, Генер. 35, Прав. Благ. V, стр. 34). Такія выраженія какъ мѣстное: „возьмы серебро, а мени кыдай свое добро" и опасеніе, что скотъ раздѣлитъ судьбу хозяина, если послѣднему не положить въ гробъ денегъ,—указываютъ на позднѣйшую замѣну деньгами раньше убиваемыхъ животныхъ.

3. Изъ стремленія удовлетворить инстинкту прокреаціи вытекаетъ убійство жены на могилѣ мужа, съ теченіемъ времени перешедшее въ пожертвованіе женой части своего существа вмѣсто цѣлаго и затѣмъ въ обрядъ. Такъ у никобарскихъ островитянъ при погребеніи мужа отсѣкаютъ палецъ женѣ. Вдова покойнаго осетина отрѣзываетъ себѣ косу и кладетъ ее на грудь мужа. У племени кваксольтъ вдова кладетъ голову на костеръ мужа. По ученію браминовъ вдова должна только лечь на костеръ мужа, а въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Брингильда ложится на костеръ возлѣ Сигурда. (Спенс. 40, Ковал. стр. 81—87). Воспоминаніемъ о смерти женъ вмѣстѣ съ мужьями представляются и боязнь болгарскихъ дѣвицъ выходить за вдовца, такъ какъ его отыметъ первая жена и многочисленныя народныя пѣсни и сказки объ уводѣ мертвецомъ за собою женъ и дѣтей (Котляр., 236, 237) и наконецъ обращенія къ покойнику жены въ мѣстной причети: „Ой прыймай, прыгортай мене до себе!" „Иды по-пидъ горою, тай беры мене изъ собою!" Или восклицанія дочери: „якои вы, татусю, темнои ночи прыбували, що въ насъ матинку одибралы?" Для удовлетворенія тому же инстинкту прокреаціи умиравшихъ холостыми женили. Такимъ образомъ объяснялъ Котляревскій извѣстія арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, на которыхъ удавили дѣвушку и бросили на корабль (стр. 227). Интересно погребеніе дѣвушки у черемисъ. Въ гробъ ей кладутъ женскій головной уборъ, чтобы было что надѣть при выходѣ замужъ. Провожаютъ съ колокольчиками и украшенной сбруей,

какъ на свадьбѣ (Прав. Благ., V, кн. 1, стр. 34). У сербовъ и теперь дѣвица играетъ роль невѣсты при смерти парня. Въ Подольской губ. похороны парня называютъ вессильемъ, употребляютъ квитки, вѣнки и платки, а умершей дѣвушкѣ назначается женихъ, который считается потомъ вдовцомъ и зятемъ родителей дѣвушки. Во многихъ частяхъ Малороссіи къ похоронному шествію за дѣвицей присоединяются старосты, бояре, дружко. Имъ раздаютъ подарки, а дѣвицу одѣваютъ какъ невѣсту (Чуб., т. 4, стр. 709). Такія же обыкновенія существуютъ и въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отраженіемъ древняго міросозерцанія служитъ, между прочимъ, и слѣдующая народная пѣсня:

. . . У недилю рано въ уси дзвоны дзвонять.
Ой слухайте, мамо, чы не по козакови?
Якъ по козакови, той мене наряжайте.
Мене наряжайте, разомъ поховайте!
Тай выкопайте, матинко, глыбокую яму,
Тай положить, матинко, якъ рыбоньку вьялу.
Тай высыпте, матинко, высоку могылу,
Тай посадить, матинко, червону калыну,
Щобъ люды сказалы, що козакъ и дивчына.
Тай поставте, матинко, хресты золотіи,
Щобъ люды сказалы, що лежять молодіи.
Тай покладить, матинко, до купы головамы,
Щобъ мы на тимъ свити розмовоньку малы.

Варіанты этой пѣсни: въ Зап. о Южной Руси, т. 2, стр. 239—240 и у Чуб., т. V, № 727. стр. 372.

4. У многихъ народовъ встрѣчается символическое очищеніе послѣ похоронъ, происшедшее вѣроятно изъ необходимости дѣйствительной очистки. Навайосы послѣ похоронъ очищаются водой, освященной для этой цѣли. На Мадагаскарѣ купаются и очищаютъ одежду. У грековъ около двери дома, въ которомъ находился покойникъ, ставился сосудъ съ водою. Римляне кропили себя водой, возвращаясь съ похоронъ. У южныхъ славянъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горячими угольями, на нихъ сливаютъ воду и этой водой умываются. Въ Великороссіи и Малороссіи, прійдя съ похоронъ, берутся за печь (Тэйл. стр. 467 и 472, Котляр. 253, Шейк. стр. 318).

5. Боязнь смерти и мертвецовъ, косвенно высказывающаяся въ приведенныхъ очистительныхъ обрядахъ, порождаетъ еще слѣдующія обыкновенія у разныхъ народовъ: выносъ тѣла не черезъ дверь, а черезъ окно или особый проломъ въ стѣнѣ, извѣстный у нашихъ предковъ, также въ Италіи, Азіи и Африкѣ имѣетъ своимъ основаніемъ страхъ, что покойникъ,

вынесенный обыкновеннымъ путемъ, возвратится и потянетъ за собою живыхъ,—какъ разъяснилъ профессоръ Анучинъ (за неимѣніемъ подъ рукой соч. „Сани, ладья и конь въ похор. обрядѣ“, цитир. по ст. Эльпе въ Нов. Врем. 3 ноября, 94 г., № 6711). Австралійцы и негры выгоняютъ покойниковъ криками и махaніемъ оружія. Чуваши бросаютъ въ слѣдъ ему раскаленный кемень (Тэйл. 105, 106). Шаманисты мчатся съ кладбища, похоронивъ покойника (Пр. Благ. X, стр. 60). Негры накладываютъ колючихъ вѣтокъ по дорогѣ отъ кладбища въ деревню, чтобы не допустить въ послѣднюю злыя души (Спен., 187), а сѣверо-американскіе индійцы ставятъ сѣти вокругъ дома, чтобы поймать душу сосѣда (Тэйл., 34). Анторы приваливаютъ души камнемъ, а черемисы гвоздями или коломъ (Тэйл. 105, 106). Въ старомъ Калабарѣ домъ, въ которомъ умеръ отецъ, оставляется семействомъ на два года, у готентотовъ и якутовъ—навсегда, а карены оставляютъ цѣлыя села (Тэйл. 105, 106). Извѣстны общечеловѣческія вѣрованія о вредѣ, производимомъ умершими. Напримѣръ въ 1700 г. духъ крестьянина на островѣ Миконѣ производилъ безпорядки въ домахъ, задувая огни (Тэйл., 250—252), а умершій Бетеротъ разгонялъ людей, избивалъ стада и людей (Спенс., стр. 466, изъ Эйбриджской саги). Къ числу предохранительныхъ мѣръ противъ мертвецовъ принадлежатъ слѣдующія мѣстныя обыкновенія: запрещеніе смотрѣть на мертвеца въ окно, замыканіе оконъ и дверей и завязываніе воротъ поясомъ.

6. Къ вещественному пониманію души относятся также представленія ея въ видѣ пара, дыма, вѣтра, изображенія самаго же человѣка въ уменьшенномъ размѣрѣ или въ видѣ бабочки, мотылька, птицы (Тэйл. стр. 12 13, Котляр. 193, Генероз. 8). Приписывая душѣ извѣстную матеріализацію, ирокезы дѣлаютъ въ гробу отверстіе для выхода души, китайцы, славяне—такое же отверстіе въ потолкѣ (Тэйл. 34, Котл. 209). Негры Конго не метутъ комнаты мертвеца, чтобы не потревожить его души, а померанцы и мазуры кладутъ солому для отдыха души (Тэйл. 105, Кот. 229). Тирольскіе крестьяне представляютъ себѣ душу, какъ и малороссіяне, въ видѣ бѣлаго пара, а по средневѣковому представленію душа человѣка выходитъ изъ рта умирающаго, какъ уменьшенное изображеніе самаго же человѣка (Тэйл. 15, Спенс. 191). Муху же, жужжащую надъ кануномъ, напоминаетъ изображеніе изъ Вавилонской легенды о потопѣ Газизадры, приводимое Спенсеромъ (стр. 360) „боги слетѣлись на жертву точно мухи“.

Похоронный плачъ.

Возникновеніе и развитіе общечеловѣческаго обыкновенія надгробныхъ причитаній объясняется Спенсеромъ въ такомъ смыслѣ, что первобытный умъ, не понимая еще рокового, безповоротнаго значенія смерти и

отожествляя ее съ безчувственными состояніями: сномъ, обморокомъ, каталепсіей,—старается прежде всего оживить трупъ побоями, уколами, усиленными призывами умершаго,—что и дѣйствительно удается иногда при временномъ безчувственномъ состояніи. У фиджійцевъ и самъ человѣкъ, чувствуя приступы болѣзни и боясь, что душа улетитъ, громко взываетъ къ послѣдней, убѣждая ее вернуться. Фантіи и карибы обращаются къ умершему съ вопросами: за что онъ ихъ оставляетъ? Въ Калифорніи, у обитателей С. Сальвадора, въ Таити, у мандинговъ—говорятъ похвальное слово умершему, а барды воспѣваютъ ему элегическія баллады. Малагезцы просятъ окрестныхъ мертвецовъ ласковаго пріема ихъ родственнику (Герб. Спенс. Основ. соціал., стр. 163, 164, 249, 290). Обращаясь къ малорусской похоронной причети, мы различаемъ въ ней: громкое воззваніе къ умершему, безпрестанно повторяющееся и соединенное для усиленія дѣйствія съ нѣжными выраженіями и краткими восхваленіями умершаго. Напримѣръ: мій таточку, соловеечку, лебедочку! Стороже прехорошый, хозяине превелыкый! Моя матинко! моя й правдонько, покровонько! Моя донечко! моя й вышенько, черешенько, макивко, павочко! и т. д. Въ обращеніи къ умершему заключаются также разспросы о причинѣ удаленія его изъ круга семьи и родныхъ, упреки и укоризны въ такомъ родѣ: на кого вы гнивъ велыкый положылы? На кого мене кыдаете? и просьба къ предкамъ о благосклонномъ пріемѣ скончавшагося: „стричайте, родытели, мого татуся ридненького". Мертвый приглашается также очнуться и возвратиться. Такимъ образомъ малорусское погребальное причитаніе хранитъ еще въ себѣ почти всѣ черты первобытнаго обращенія къ умершему съ цѣлью громкими призывами, соединенными съ моральнымъ воздѣйствіемъ побудить покойнаго возвратиться къ оставляемому роду или семейству [1]). Но кромѣ общечеловѣческаго содержанія, въ малорусской причети заключаются еще картины мѣстной природы и подробности быта, да и печаль ея—украинская.

1.

Мій таточку, мій риднесенькый!
Мій таточку, мій старесенькый!
На що-жъ вы насъ кыдаете?
Кому вы насъ уручаете?
Чы вы дубови сухому,
Чы вы батенькови чужому?
Чы холодній стини,

---

[1]) Надгробная пѣснь индійскаго племени Го, приведенная у Тэйлора (Первоб. культ. ч. II, стр. 109) по содержанію и частностямъ почти тождественна съ малорусскими причитаніями.

Чи чижій, мій таточку, чужыни?
Сухый дубъ, мій таточку, не розивьетця,
А чужый батенько до насъ и не обизветця,
Холодна стина не гріе,
А чужа чужына не пожаліе.
Та лучше-жъ мени, мій таточку, важкый каминь котыть,
Нижъ чужому батенькови годыть.
Та я чужому батенькови зроблю дилечко, той переробытця,
А скажу словечко той переговорытця.
Та мое дилечко, мій таточку, не въ ладъ,
Та мое словечко не такъ.
Та видкиля-жъ васъ, мій таточку, выглядать,
Та видкиля васъ и вызырать?
Чы васъ зъ поля,
Чы васъ зъ моря,
Чы зъ высокои горы,
Чы зъ чужои чужыны?
Та не идить, таточку, полямы, бо нижкы поколете,
Та не идить, таточку, берегамы, бо потонете
А идить, таточку, тимы дорожкамы, куды й мы идемо,
Куды мы за вамы слизонькамы стежкы прыльемо.
Та на якихъ васъ, таточку, святкахъ дожыдать,
Колы за для васъ столы застылать?
Чы на риздвяныхъ святкахъ,
Чы на велыкодныхъ святкахъ,
Чы на святу недилоньку?
На риздвяныхъ святкахъ снижкы стежкы, дорожечкы позамитають,
А на велыкоднихъ святкахъ велыкимы водамы позалывае,
А на святу недилоньку спорышамы позаростають.
А мы будемъ спорыши стругать,
Та свого батенька въ гостонькы дожыдать.
Тай садочкы цвитуть и зузуленькы кують,
А я выйду водыци брать
Та буду соловейкивъ пытать:
Вы зузуленькы сывесенькы,
Соловеечкы малесенькы
Высоко литаете,
Багато свита выдаете,
Чы вы не чулы моего батенька ридненького,
Чы не бачылы моего батенька старенького?

А зузуленькы литають та кують
Та биднымъ сыротамъ жалю завдають.

2.

Мій батеньку, мій риднесенькый!
Мій батеньку, мій старесенькый!
Мій порадныку дорогесенькый.
Ты-жъ мене поражаешъ...
На шо ты мене покыдаешъ?
Кому ты мене, мій батечку, прыручаешъ?
Чы ты братикамъ, чы сестрыцямъ?
Чы чужый чужыни, чы родыни свойій?
Та буде насъ по горахъ, буде и по долынахъ,
И по всихъ украинахъ.
Та куды я пиду, то я свого батенька не найду.
Та будуть соловейкы щебетать,
А зузули кувать.
А я буду рано вставать
Та буду соловейкы и зозулечкы пытать:
Вы высоко литаете, вы далеко буваете,
Чы не бачылы, чы не чулы мого батенька?
Мій батечку, мій риднесенькый!
Куды вы выбираетесь? чы въ Крымъ, чы въ Рымъ?
Чы въ дорогу по силь?
Видкиль намъ васъ вызырать?
Чы зъ поля, чы зъ моря?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ глыбокои долыны?
Не плевить водою, бо втомытеся,
Не идить степомъ, нижечкы поколете.
Якъ буду я васъ, мій батеньку, въ гости дожыдать,
То буду къ рожеству стежечкы прокыдать,
А къ велыкоднимъ святкамъ—дорожечкы промитать,
А окъ святій недили буду стежечкы травыцею стелать,
И воритечка одчынять и виконечка одсувать,
Та буду свого батенька ридненького въ гости дожыдать.

3.

Мій таточку, мій риднесенькый!
Сберить же вы своихъ диточокъ до купочкы,
Та забериться вы за ручечкы

Да прыбувайте до насъ у гостыночкы.
Та не йдить же вы полемъ,
Бо нижечкы поколете,
Та не йдить же вы моремъ, бо утонете.
Та не идить же лисамы, бо заблудыте.
Идить же вы степамы, та бытымы дорожкамы,
Що я й промитала васылечкамы.
Та я й васылечкамы промитала
И слизонькамы прылывала.
Та яжъ буду дворы вымитать
И столы застылать.
Та я-жъ буду виконечка одсувать
И своихъ родытеливъ въ гости выглядать.
Чы я тоби, мій таточку, пыточкы не подавала?
Чы постилонькы не перестылала.

4.

Мій таточку, мій лебедочку,
Мій таточку, мій солювеечку!
Видкиля васъ выглядать,
Видкиля васъ дожидать?
Чы васъ изъ поля, чы васъ изъ моря,
Чы зъ высокои могылы, чы зъ глыбокои долыны?
Высока могыла, высоко высыпана,
А глыбока долына глыбоко выкопана.
Туды війты, а выйты никуды.
Колы за для васъ столы застылать,
Колы за для васъ кубочкы наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ, мій таточку, къ велыкодню
Чы вамъ, мій таточку, къ святій недилонци?
Що къ риздву велыкы снигы позамитають,
А къ велыкоднею велыкы воды позалывають,
А къ святій недилонци стежкы й дорожкы позаростають.
Що стежкы комышемъ, а дорожкы спорышемъ,
А вышневы сады биленькымы цвитамы.
Та вы-жъ будете йты, та на цвиты задывляться,
Та не будете до насъ у гостонькы поспишаться.
Та туды-жъ будуть зузули литать,
Та будуть раненько куватъ,

А соловейкы щебетать.
А я буду раненько вставать,
Та буду йихъ пытать:
Зузули-жъ мои сывенькы,
А соловейкы маленькы!
Та вы высоко литаете,
Та багато свита выдаете.
Чы не чулы, чы не бачылы
Мого батька ридненького?

5.

Мій таточку, мій ридненькый!
Мій таточку, мій голубчыку!
Мій таточку, мій соловеечку!
Та до кого-жъ я буду ходыть?
До кого свою правду носыть?
Та я прыхылюсь до холоднои стины,
Та стина не нагріе;
Та обизвусь до чужои чужыны,—
Вона не пожаліе.
Та прыхылюсь до сухого дуба,
Та дубъ не похылыться,
Та прыхылюсь до чужои чужыны—
Вона и не обизветця.
Та нема тихъ крамаривъ,
Що продають ридних батькивъ.
Та видкиль васъ, мій таточку, въ гости выглядать?
Чы васъ зъ руты? Чы васъ зъ мяты?
Чы васъ зъ рубленои хаты?
Чы васъ зъ могылы?
Чы зъ глыбокои долыны?
Чы васъ съ пидъ того гаю,
Що я й сама не знаю?

6.

Таточку мій риднесенькый,
Мій голубчыку сывесенькый!
На що вы мене покынулы таку нещасну?
До кого я головоньку прыхылю?
Видкиля тебе, мій таточку, буду выглядать?
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Я бъ гостынчыкъ подавала, та никимъ подать.
Передала-бъ я яблучко та вамъ не докотытця.
Таточко мій! якои вы хатонькы забажалы
Темнои, невыднои.
Та хатонька безъ дверей и безъ виконець
Туды витеръ не довіе
И сонечко не догріе
И людьскій гласъ не дойде.

Повій витроньку, одсунь кватырочку
Та розбуды мою родыночку.

7.

Та мій таточку, мій выноградочку,
Мій таточку, мій соловеечку.
Та куды вы убираетесь, куды выряжаетесь?
Та на кого такый гнивъ велыкый положылы?
Чы вы на матинку?
Чы вы на своихъ сыритъ малесенькихъ?
Та якои вы соби хаты забажалы
Темнои та невыднои,
Смутнои та невеселои.
Та сюды й витеръ віе,
Сюды й сонечко гріе,
Туды й витеръ не завіе
И сонечко не загріе.

8.

Мій таточку, мій соловеечку!
Куды-жъ вы выряжаетесь,
На кого-жъ вы насъ кыдаете?
Якои вамъ хаточкы забажалося
Смутнои, та невеселои!
То-жъ хаточка безъ виконъ и безъ дверей,
У тій хаточци витеръ не повіе и сонечко не погріе.
Прыбудьте-жъ, мій таточку, до мене въ гостонькы.
Хоть на риздво, хоть на велыкдень,
Хоть на святу недилю.
Шо на риздво снигамы позамита,
А на велыкдень водамы позалыва,
А на святу недиллю травицямы позароста.
Якъ бы жъ я знала, мій таточку, що въ гости прыбудешъ
То я-бъ столы застылала,
И кубочкы сповняла,
То я-бъ тебе, мій таточку, въ гости дожыдала,
Та я-бъ тоби, мій таточку, дороженькы промитала.
Бо я-жъ выйду водыци браты,
Зузули куватымуть, а соловейкы щебетатымуть.
Я буду соловеечка пытаты:
Соловеечку, ты мій братику, чы ты не чувъ,
Чы ты не бачывъ мого батенька?
Чы не йшовъ, чы не йихавъ до мене въ гостонькы?
Бо я вже давно дожыдаю ёго
И столы позастылала, и кубочкы понаповняла
И дороженькы попрочыщала,
Та свого батенька въ гости выглядала.

9.

Мій таточку, мій выноградочку,
Мій таточку, мій пораднычку!
До кого-жъ я теперъ у гости ходытыму
И съ кимъ я говорытыму?
Хто-жъ мене поражатыме,
Хто жъ мене, мій таточку, розважатыме?
Та я-жъ, мій таточку, де не хожу и де не роблю,
То я-жъ до васъ на порадоньку иду.
А теперъ до кого-жъ я ходытыму,
Съ кимъ я говорытыму?
Съ кимъ я й розмовлятыму,
Съ кимъ я поражатыму?
Та теперъ, мій таточку, вси стежкы, вси дорожкы позаростають
Куды я ходыла.
Та я-жъ теперъ степамы йтыму,
Якъ голубочка густыму,
Та я садамы литатыму,
Якъ зузуля куватыму.
Та я тихъ стежокъ-дорожокъ не найду куды я ходыла
Та я-жъ васъ, мій таточку, не найду,
Та я-жъ вамъ и правдонькы не скажу.
Та я-жъ лугамы йтыму—лугы розлягатымуться,
А садамы йтыму—сады розвыватымуться,
Та якъ бы я-жъ, мій таточку, дориженьку знала,
Якъ бы жъ я, мій таточку, крыльця мала,
Та я-бъ васъ, мій таточку, що дня одвидала.
А тожъ я крылечокъ не маю,
И дориженькы не знаю,—
Тимъ же я васъ не двидаю.

10.

Мій таточку, мій ридненькый.
Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій канареечку!
На кого вы гнивъ такый положылы,
Що вы насъ такъ зарани посыротылы?
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы вы на матинку безталаню?
Та прыймайте и мене до себе,

Щобъ я тутъ не жыла и не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Та щобъ я не служыла
Й чужимъ батькамъ не годыла.
Та я гожу,
Та своимъ дилечкомъ не вгожу.
Та я що не зроблю,
То мое й дилечко перероблене,
А я що й не скажу,
То мое й словечко переговорено.
Да якъ же мени жыть,
До кого мени головоньку прытулыть?
Чы мени до дубочка до сухого,
Чы мени до батенька до чужого?
Прыхылюсь я до дубочка,—дубочокъ одхылытьця,
Прыхылюсь я до чужого батенька,—батенько чужый не дывытьця.

11.

Мій батеньку, мій голубчыку,
Мій соловеечку!
Та якои-жъ вы хатоньки забажалы
Темнои, невыднои, невеселои!
Туды сонечко не прогріе, витрець не провіе.
Видкиля-жъ васъ дожыдаты,
Видкиля выглядаты?
Чы зъ моря, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Моремъ итымете—утонете.
Берегамы итымете—заблудыте.
Та ваши стежкы, дорожкы пыломъ прыпалы,
Терномъ позаросталы,
Червоною калыною позавысалы
И билымъ снигомъ позамиталы.

12.

Мій таточку, мій соловеечку,
Мій таточку, мій лебедочку.
Прошу я васъ, мій таточку,
Нызкимъ поклономъ, прыятнымъ словомъ.
Гляньте хоть однимъ очечкомъ,
Тай промовьте хочъ однимъ словечкомъ.
Тай порадьте-жъ насъ якъ намъ жыть,
Якъ намъ горювать, якъ намъ васъ забувать?
И хто-жъ насъ буде поражать,
И хто намъ буде порядокъ давать?
Хто насъ буде избирать,
Хто насъ буде вытать?

Та вже мы васъ, мій таточку, не заслужымъ и не купымъ.
Де-жъ ти купци що продають ридни отци?
Та де-жъ ти крамари, що продають ридни матери?
Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій таточку, мій старесенькый!
До кого мы будемъ ходыть,
До кого мы будемъ головоньку хылыть?
Чы мы до билои стины,
Чы до чужои чужыны.
Що холодна стина не нагріе,
А чужый батенько не пожаліе.
Та устаньте-жъ, мій таточку,
Та подывиться скилькы до васъ гостей понаходыло.
Та чомъ вы не встаете,
Та чомъ вы, мій таточку, не промовляете,
Та чомъ вы не вытаете?

13.

Мій таточку, мій риднесенькый,
Мій соловеечку!
На що-жъ вы, таточку, сырітъ накыдалы,
И кому-жъ вы ихъ повручалы
Що стина нима, а родыны нема.
Що у людей дочокъ по симъ,
Дай щастя всимъ.
А я въ васъ, таточку, одна,
Тай тій щастя нема.
Мій таточку, мій горювальнычку,
Мій таточку, мій скытальнычку!
Вы наскытались, вы нагорювались
Та прыбувайте, таточку, за мною, необаряйте.
Та вы думаете, таточку, що мени добре жыты?
Що я медъ—выно пью,
А я, таточку, гиркы слёзы лью.
Якый же я вамъ, таточку, поклонъ передамъ?
Якый я вамъ, таточку, гостынець дамъ?
Передамъ я булочку, то вона зацвите,
Передамъ яблучко, то воно зогніе.
Передамъ я бублычокъ, то винъ закотытьця
То такъ мое слово и мій гостынець

До васъ, таточку, не дойдетьця.
И колы васъ, таточку, дожыдать,
И колы стежкы промитать,
И колы вамъ кубочкы наповнять?
Чы вамъ окъ риздву,
Чы вамъ окъ велыкодню,
Чы вамъ окъ недилонци?
Що къ риздву снигамы позамитають,
А къ велыкодню водамы позалывають,
А къ святій недилонци травыцею позаростають.

14.

Мій таточку, мій ридненькый, мій старенькый!
Хозяине превелыкый, мій стороже прыхорошый!
Якъ иду я въ поле, то не знаю яке мени горе
Шо у мене скотына доглядена и дытына доглядена,
И по улыцяхъ нигде не валяеться
И пидъ тыномъ нигде не качаеться.
Якъ иду я зъ дому
То я й не запираю ничого и не замыкаю,
Що у мене усе доглядене буде.
Мій таточку, мій ридненькый!
Що я й погонычивъ не наймала
И плугатыривъ не прохала
А теперь якъ у поле иду, то я рано устаю
А пизно въ поле выхожу
Покы я дома позапираю и позамыкаю
Та до людей диты поодправляю
Що воны мали весты,
А важки несты.
Та мій таточку риднесенькый!
Та я буду раненько вставать,
А пизненько лягать.
Якъ рано встаю, то якъ голубка гуду
По вгороду пиду
То скризь глухо, скризь и пусто
Що вже на мойимъ двори
Нема старои головы
Що тилько по чужихъ садахъ чуть
Соловьи щебечуть, зузули кують
Мени жалю завдають.

Вы раненько вставалы, хорошенько й кувалы,
А мени жалю завдавалы.
Чы вы не чулы, чы вы не выдалы
Мого батенька ридненького й старенького:
Мій таточку риднесенькый!
Колы-жъ я васъ буду у гости дожыдать?
Колы я буду для васъ кубочкы наповнять?
Що вже й окъ риздву снигы позамиталы,
А къ великодню воды позалывалы,
А къ святій недилонци стежкы й дорожкы позаросталы.
Уже я николы свого батенька не дижду съ того края.
Видтиль ни письма не шлють, ни самы не йдуть.

15.

Мій таточку, мій выноградочку
Мій таточку риднесенькый, старесенькый!
Хто-жъ насъ теперъ буде поражать,
И порядокъ давать, и на дило прыставлять?
Хто-жъ насъ буде теперъ розважать?
Куды-жъ мы будемъ, таточку, исходыться?
Кому-жъ мы будемъ свою жалобу росказувать?
Хто-жъ насъ буде выручать,
Хто-жъ насъ буде вызволять?
Мій таточку, мій риднесенькый!
До кого-жъ мы будемъ тулыться и хылыться?

16.

Мій батечку, мій голубчыку риднисенькый,
Мій батечку, старенькый, сывисенькый!
Тай уже я васъ, мій таточку,
Не заслужу и не куплю.
Та на кого, мій таточку, гнивъ положылы!
Дежъ я буду васъ шукать,
Де васъ пытать?
Чы васъ, мій таточку, мижъ косарямы,
Чы васъ помижъ плугамы,
Чы помижъ гребцямы?

17.

Мій таточку! мій старесенькый,
Мій таточку, мій риднесенькый!
Та де-жъ васъ, мій таточку, купыть?
Та де васъ заробыть?

Та де васъ заслужыть?
Та я буду по срокахъ ходыть,
Та буду гроши зароблять,
Та буду васъ, мій таточку, годувать.
Та я-жъ васъ не куплю,
Та я васъ не заслужу,
Та я васъ и не зароблю.
Сусиды мои блызесенькы
Зачиняйте воритечка новесенькы,
Засувайте виконечка малесенькы
Та не выпустить мого татуся одъ мене,
Бо я не знатыму що сама робыть, що й почынать?
У якый кутокъ хылытся,
У якый край дывытся.
Куды вы, мій таточку, выбираетесь,
Куды вы выряжаетесь?
На що вы мене кыдаете?
Стричайте, мои родытели, мого татуся ридненького,
Пробирайте мистечко коло себе блызесенько
И доглядайте такъ, якъ я доглядала:
Подавайте пыточкы такъ, якъ я подавала;
Бо воны будуть ходыть та будуть пытать
Та будуть своеи родыночкы шукать,
И перестылайте имъ постилоньку такъ, якъ я перестылала.

18.

Мій таточку, мій соловеечку!
Мій таточку, мій выноградочку!
Мій таточку, мій старесенькый,
Мій голубчику сывесенькый!
Чого-жъ ты помираешъ, а насъ покыдаешъ?
Кому-жъ ты насъ уручаешъ?
Кого-жъ мы будемъ поражаться,
Кого-жъ мы будемъ пытаться?
Видкиль мы васъ будемъ, мій таточку, выглядать?
Колы-жъ мы васъ будемъ у гости дожыдать?
Чы мы къ риздву, чы мы къ велыкоднію,
Чы мы къ святій недили?
Що къ риздву снигы позамитають,
А къ велыкоднію воды позалывають,
А къ святій недили стежкы позаростають.

А я буду рано вставать и стежкы-дорожкы промитать
Та васъ, мій таточку, въ гости дожыдать.
Та я буду й столы застылать и кубочкы наповнять.
Наповнятыму вынамы, та дрибненькымы слёзамы.
Та буду рано вставать та соловейкивъ пытать:
У яке время мени свого батенька выглядать.

19.

Мій таточку, мій риднисенькій!
Мій таточку, мій старисенькій!
Мій таточку, мій сывесенькій!
Мій таточку, мій выноградочку!
Якъ безъ васъ жыты, якъ безъ васъ горюваты?
И кому головоньку прыхыляты?
Чы дидусеви, чы бабуси, чы дядечкови?
Та дядечко, та не батечко.
Винъ и въ дило пошле,
Винъ и головоньку натовче.
Мій таточку, мій ридненькый!
Мій таточку, мій срибненькый!
Куды ты полынешъ?
Куды ты свою головоньку занесешъ?

20.

Та мій батечку, мій порадничку,
Мій батечку, мій соловеечку!
Та хто-жъ намъ порядокъ даватыме?
Хто насъ въ толкъ производытыме?
Якъ выйду-жъ я за ворота, нема-жъ мого батька,
Тилькы стоить у садочку одынъ дубочокъ.
Я-жъ до того дубочка тай прыхылюся,
Не ридному батенькови я й уклонюся.
Хоть у мене бувъ той батько, та все пье, гуляе,
А хочъ винъ намъ риднесенькый, та все насъ розоряе.
Мій батечку, мій риднесенькый!
Устань тай порадь насъ.
Ой не встану, мои диточкы, я вжей не поражу,
Я-жъ вамъ, мои диточкы, уже й до вику не заважу.

21.

Моя маты, моя голубонько!
Куды ты убралась, куды ты нарядылась,
На кого ты розсердылась, на кого ты розгнивылась?
Та якои ты соби хаты забажала,
Смутнои, та невыднои!
Та ся хата зъ викнамы и дверямы,
Та сюды витеръ віе и сонце гріе,
А та хата смутна и не весела.
Соловейкы будуть спивать

И зузуленькы будуть кувать,
А я буду своеи матинкы пытать:
Вы высоко литалы, та далеко бувалы
Чы вы моеи матинкы не выдалы?
Та видкиль тебе выглядаты,
Колы тебе у гости дожыдаты?
Та чы тебе къ риздву,
А чы къ велыкодню,
Чы тебе и къ святій недили сподиващця?
Що къ риздву снигамы позанесе,
А къ велыкодню водою залье,
А къ святій недили травою позароста.
Я снижокъ прогорну,
А водыцю изолью, а травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, у гости не дижду.
Де ти маляри, що малюють матери,
Де ти крамари, що продають матери?
Де воно васъ, матинко, прыщепыть,
Щобъ до васъ на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны
То вы и не прыйметесь,
Посажу васъ на покути
То вы и похылытесь.
Прыхылюся до холодноu стины
То вона мене не нагріе,
Прыхылюся я до чужои матери
То вона мене не пожаліе.
Та и ти сины и та хата,
Такъ у хати не та правда;
Та и та хата и та стриха,
Та у хати не та утиха.

22.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та куды вы вбралысь, та куды вы нарядылысь?
Та на кого росердылысь, на кого й розгнивылысь?
Чы вы на батенька, чы вы на своихъ сыритъ малисенькихъ?
Люды на слободы идуть, та письма шлють,
А вы до насъ не прыйдете и письма не прышлете.
Та зузули будуть литать, та раненько кувать,
А я выйду, та буду своеи матинкы пытать:

Та зузуленькы сызенькы, соловейкы рябенькы
Та вы высоко литалы, та далеко бувалы,
Та чы вы моеи матинкы не выдалы?
Та де тебе, матинко, прыщепыть
Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Прыщеплю я васъ до былыны,
То вы не прыйметесь.
Та посажу я васъ, матинко, на покути
То вы й похылытесь.
Та прыхылю я свою головоньку до холоднои стины
То вона мене не нагріе,
Та прыхылю я свою головоньку до чужои чужыны
То вона мене не пожаліе.
Та видкиль тебе, моя матинко, выглядать,
Та колы тебе въ гости дожыдать?
Чы тебе къ риздву, чы тебе къ велыкодню,
Та чы тебе, моя матинко, къ святій недилонци?
Що къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню водою позалыва,
А къ святій недилонци травою позароста
Я й снижокъ прогорну,
Я й водыцю пролью,
Я й травыцю прорву,
А васъ, моя матинко, въ гости не дожду.
Та та й хата, та й стриха,
Та въ хати не та утиха,
Та ти сины, та й хата,
Та въ хати не та правда.

23.

Моя й матинко, моя й ридненька!
Моя й правдонько дорогенька!
Та мени-жъ васъ, моя матинко, ни купыть,
Та мени-жъ не заслужить.
Та нема тихъ городянокъ,
Що продаютъ ридныхъ мамокъ.
Якъ бы я знала колы васъ въ гостонькы ждать?
И колы вамъ, моя матинко, столы застылать?
Чы вамъ на риздвяны святкы?
Чы вамъ на велыкодни?
На риздвяны—снижкы стежкы-дорожкы позамитають.

А яжъ буду ходыть та промитать,
Та свою матинку въ гости ждать.
На велыкодни—стежкы, дорожкы водыцею позалыва.
А я буду ходыть та ричечкы робыть,
Та водыцю спускать,
Та свою матинку въ гости ждать.
А къ святій недилонци
Стежкы, дорожкы травыцею позаростають.
А я буду ходыть та промитать
Та своеи матинкы въ гости выглядать.
Та вжей свята недилонька мынае,
До мене моеи матинкы немае.
Та буду ранeнько вставать
Та будуть пташкы та соловейкы щебетать,
А я жъ буду ходыть та пытать:
Сыви соловейкы!
Чы не бачылы моеи ненькы ридненькы?
Та буду иты улычкамы
Та чужи матери гулятымуть купочкамы.
Та подывлюсь: тилькы моеи немае.

24.

Моя матинко, моя голубонько!
На що вы мене таку вродылы?
На що вы мени таку гирку доленьку вдилылы?
Щобъ я, моя матинко, по наймахъ ходыла,
Да чужу работу робыла,
Та чужому батькови,
Та чужій матери годыла.
Мое дило перeробыться,
Мое слово переговорыться.
Колы васъ въ гости дожидать,
Зъ видкиль васъ выглядать?
Чы васъ изъ яру,
Чы зъ долыны
Чы зъ высокои могылы?
Якый вамъ, моя матинко, гостынець подать?
Подалы-бъ мы яблучко
Такъ воно зогніе,
Подалы-бъ мы булочку,
Такъ вона зацвите.
Мои братикы, мои голубчыкы!
Тай не быймося, тай не лаймося
Зійдемося до купочкы
Тай порaймося
Видкиль намъ матинкы выглядать?
Колы въ гости дожыдать,
Колы намъ дорожкы стругать?
Постружу дороженьку къ святому риздву—
Снижкомъ прыпаде,
Простружу дороженьку къ святому велыкодню—
Водыцею заллье.
Простружу дороженьку къ святій недилоньци—
Травыцею вросте.

Теперь уже та хата, та й стриха
Такъ уже въ хати не та утиха.
Та хата и ти викна
Такъ матинка не ридна.

25.

Моя й матинко, моя й ридная,
Моя матинко, моя й ластивко!
Въ якимъ же ты мене зилльи купала,
Що я въ таке нещастя попала?
Чы вы-жъ мене въ полыню,
Що я до васъ николы не прылыну?
Чы я въ таку мынуту родылась,
Чы я въ такый часъ хрестылась?
Та якъ же мени жыть,
Та якъ мени горювать?
Куды мени йты,
До кого мени головоньку прыхылять?
Чы мени до холодной стины,
Чы до чужой чужыны?
Прыхылюсь я до стины,
Стина холодненька,
Прыхылюсь я до чужой чужыны,
Чужа чужына не ридненька.
Куды мени йты,
Щобъ свою матинку знайты?
Я куды не пиду,
Та своеи матинкы не найду.
Та пиду я юлочкамы,
Та сыдять чужи мотери купочкамы.
Я въ кажну купочку загляну,
Та я васъ, моя матинко, не пизнаю;
Та я васъ, моя матинко, ниде не куплю,
Ниде й не заслужу!
Нема-жъ тихъ маляривъ,
Що малюють материвъ,
Та нема тихъ крамаривъ
Що продають материвъ.

26.

Моя й матинко, моя й голубонько,
Моя матинко, моя й правдонько!
Моя матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько.
Чы я-жъ тоби, моя матинко, постилонькы не слала?
Чы я-жъ тоби головонькы не ськала?
Чы я тоби, моя матинко, пыточкы не подавала?
Чы я тоби, моя матинко, гирке словечко сказала?
Чимъ я тебе, моя матинко, розгнивыла
Що ты до мене, моя матинко, не озываешься?
Я-жъ биля тебе, моя матинко, не часъ и не два стою
Та я-жъ биля тебе, моя матинко, якъ зозуленька кую.
Уже-жъ пора, моя матинко, проспаться
И до мене, нещасной, обизваться;
Мене нещасну порадыть: якъ мени чужій матинци годыть?
Якъ мени чужу матинку матирью звать,
Якъ мени до ейи прывыкать,
А тебе, моя матинко, забувать?

Чужа-жъ матинка не ридна,
Чужа матинка неимовирна.
Загудить, голубоньки, на хати
Та збудить мою матинку зъ кровати.
Загудить, голубоньки, на свитлыци
Та збудить мою матинку съ скамныци.
Та гудить, голубоньки, на порози
Та збудить мою матинку у дорози.
Нехай вона встае и порадыть мене:
Якъ мени, нещасныци, на свити жыть,
Якъ мени чужій матинци годыть?
Чужа матинка бье и лае
И ничимъ мене не дбае.

27.

Моя й матинка ридна!
Моя й скытальныця, моя й горювальныця!
Моя й сухисинька, моя й старисенька!
Моя й зузулечка.
Видкыля тебе, маты,
Въ гости выглядаты?
Чы зъ крутои горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Та вже-жъ мени, моя маты,
Тебе не выдаты!
Будуть зузуленькы куваты,
Соловейкы щебетаты.
А я своей матинкы пытаты
Иде тебе, матинко, узяты?
Чы тебе змалюваты, чы тебе заслужыты?
Чы тебе, моя матинко, заробыты?
Де я не ходыла, де я не блудыла
Та не найшла матинкы,
Що мене вродыла.

28.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя старесенька!
На кого-жъ вы, моя матинко, розгнивылысь?
Чы на батенька, чы на мене нещасныцю?
Якъ же намъ жыть? Якъ намъ горювать?
Якъ намъ, моя матинко, васъ забувать,
А безъ васъ прывыкать?
И до кого-жъ мени, моя матинко,
Ту головочку прыхылять?
Чы мени-жъ, моя матинко, до стины,
Чы до чужои чужыны?
Стина-жъ не обигріе,

А чужа чужына, моя матинко, мене не пожаліе.
Моя матинко, моя покровонько!
Моя матинко, моя розмовонько!
Колы-жъ васъ, моя матинко, въ гости дожыдать!
Чы васъ окъ риздву,
Чы васъ окъ велыкодню,
Чы васъ окъ святій недилонци?
Окъ риздву—снигамы позамита,
А окъ велыкодню—водамы позалыва,
А къ святій недилонци—стежкы й дорожкы позаростають.
А я буду раненько вставать,
Та стежкы й дорожкы прочыщать,
Своеи матинкы въ гостонькы дожыдать.
И видкиля васъ выглядать?
Чы зъ яру, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Якый я вамъ, матинко, гостынець передамъ?
Передамъ я вамъ, моя матинко, яблучко,
Воно зогніе,
А передамъ бублычокъ—закотыться,
А передамъ я, моя матинко, свое словечко,
Воно вамъ не дойдеться.

29.

Моя матинко! моя й голубонько!
Моя матинко, моя й зозуленько!
Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й пьятинко!
Хто мене буде покрывать?
Хто мене буде заступать?
До кого мени, моя матинко, хылытця?
Чы мени до сухого дуба
Чы мени до холоднои стины?
Чы мени, моя матинко, до чужои чужыны?
Та сухый дубъ не розивьется,
Чужый батенько не обизвется.
Та холоднои стины не розигрію,
Та чужа матинка не пожаліе.
Якъ мени, моя матинко, жыть?
Якъ мени горювать?
И видкиля васъ, моя матинко, выглядать?
Чы васъ зъ поля, чы васъ зъ моря?
Чы васъ зъ высокои могылы,
Чы васъ зъ далекои краины?
Дежъ я васъ, моя матинко, буду пытать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я васъ не найду.
Та я-жъ пиду въ ярмаркы
Та буду шукать, та буду пытать
Та буду шукать тихъ крамаривъ,
Що продають материвъ.
Та тихъ купцивъ,
Що продають отцивъ.

30.

Моя ненько, моя матинко!
На шо ты мене нещасныцю вродыла,
Гирку долю вдилыла?
Чомъ же ты мене не прыкопала,
Щобъ я не горювала?
До кого-жъ я, моя матинко, ходытыму,
До кого й говорытыму?
Чы я буду до братика, чы я буду до сестрыци?
Та мени сестрыця не матинка, а братикъ не батенько.
Винъ мене не порадыть, винъ мени правды не скаже
До кого-жъ я, моя матинко, буду хылытыся
И въ кого я буду, моя матинко, правды пытаты?
И хто мене буде поражаты?
До кого-жъ я буду свою нещасну головоньку прыхыляты?
Чы я буду до былыноньки,
Чы я буду до чужои чужыноньки?
Якъ бы жъ то ты знала, моя матинко,
Якъ мени тяжко горюваты;
Якъ мени теперъ съ чужою чужыноњкою прывыкаты.
Чужа чужынонька не ридна родынонька.
Вона жъ мене не бье, не лае,—
У мене серденько вьяне,
А ридная маты побье и полае—то воно не прыстане.
Видкиля я тебе, моя матинко, буду выглядаты
И колы тебе въ гости дожыдаты?
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велыкодню,
Чы васъ окъ святiй недилонци?
Окъ риздву снигомъ позамитае,
А къ велыкодню водычкою позалывае
А къ святiй недилонци писочкомъ позасувае.
Якъ будете вы къ риздву до насъ зъ гости прыбуваты,
То я буду воритечка откыдаты,
А якъ будете до насъ къ велыкодню прыбуваты,
То я буду водычку спускаты.
А якъ будете къ святiй недилонци прыбуваты,
То я буду дорижечкы промитаты,
Промитаты и своимы слизонькамы прылываты,
Буду столы застылаты,
И буду виконечка одчыняты,

Буду свою маты старесеньку въ гостонькы ждаты.
Може жъ вона буде до мене въ виконечко влитаты.
Чы не буде вона мени правдонькы казаты.
Моя матинко, моя й порадничко!
Прыйды до мене и порадь мене на чужій чужыноньци,
У далекій краинонци.
Далека краиночка, чужа чужыночка.
Моя ненько, моя матинко!
Якъ бы ты знала, якъ мени тутъ горювать,
То ты-бъ мене, моя матинко, прыкопала,
Шобъ я й не горювала.

31.

Моя й матинко! моя й голубонько!
Моя матинко, моя зозуленько!
Моя матинко, моя ластивочко!
Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя матинко, моя покровонько!
Моя й матинко, моя й нещасныця,
Моя матинко, моя горювальныця!
И прыймить же мене до себе,
И прыгорнить мене до себе,
Шобъ я людьскимъ посмихомъ не ходыла,
Шобъ я людей не смишыла!
Прыймить мене и прыгорнить до себе!

32.

Моя матинко, моя голубочко!
Дежъ мы, моя матинко, ходытымемъ,
Цежъ мы тебе шукатымемъ?
Та зузули-жъ кують, а соловеечкы щебечуть
А мы будемъ ходыть, та своеи матинкы шукать,
Чы не бачылы, чы не чулы
Ношои матери ридненькои?
Та нихто й не каже,
Та нихто не чувъ, нихто й не бачывъ.
Де ти крамари що продають матери?
Та мы-бъ заслужылы,
Та соби матинку купылы.
Та передамъ я яблучко, то згніе,
А передамъ булочку,—то зацвите.

33.

Моя матинко, моя риднисенька,
Моя матинко, моя старисенька!
Видкыля васъ, моя матусю, выглядать,
Видкыля васъ дожыдать?
Чы васъ съ поля, чы зъ моря
Чы зъ высокои могылы, чы зъ далекои украины?
И колы для васъ кубочкы наповнять
Чы вамъ къ риздву, чы вамъ къ велыкодню
Чы вамъ, моя матинко, къ святій недилонци?
Къ риздву снигы позамитають стежкы, та дорожкы,
А къ велыкодню воды позалывають,

А къ святій недилонци стежкы позарта дорожкыостають.
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя й матинко, моя й жалобо,
Моя покровонько, моя й правдонько!
Ты-жъ, моя мамусю, найриднисенька
Ты-жъ, моя мамусю, найсрибнисенька.
Ты-жъ, моя матинко найриднійша,
Ты-жъ, моя матинко, найсрибнійша.
Моя матинко, моя й зузуленько,
Моя матинко, моя й правдонько!

34.

Моя й матинко, моя й голубонько!
Та колы васъ теперъ дожыдать?
Та колы васъ выглядать?
Та колы вамъ, моя матинко, воритечка отчынять?
Та колы-жъ вы до насъ теперъ и прыйдете въ гостонькы?
И зузули кують, соловейкы щебечуть,
А я своеи матинкы пытаю.
Та нихто-жъ теперъ не скаже:
Ни зузули, ни соловейкы, ни сызыи крылы.
Колы вы, моя матинко, до насъ у гостонькы прыйдете:
Чы на риздво, чы на велыкдень?
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко риднесенька, снигамы позамита
А на велыкдень водамы позалыва,
А на святу недилю витрамы позавыва.
Та никуда вамъ пройты, ни дороженькы проместы.
Та вже-жъ мы и столы позастылалы
Та своій матинци исты понаготовлялы.
Та ихъ теперъ ни спысать,
Та ихъ теперъ не купыть.
Та ихъ нигде узять
Та ихъ нигдѣ и заслужить.

35.

Моя матинко, моя риднесенька,
Моя матинко, моя й старесенька!
Та до кого мы будемъ ходыть,
Та до кого правду носыть?
Та хто насъ буде вытать,
Та хто насъ буде выглядать
Такъ якъ вы насъ выглядалы,
Та насъ вытaлы?
А теперъ ни до кого намъ ходыть
Никому намъ правды говорыть.

На кого вы гнивъ, матинко, положылы?
Хто вамъ гирке слово сказавъ?
Чы вамъ дочкы, чы вамъ сыночкы?
Гирке слово сказалы?
Чымъ воны васъ огорчылы,
Що вы такои хаты забажалы
Темнои, невеселои?
Нема дверей, ни виконечокъ.
Витеръ не віе,
Сонечко не гріе,
Тилько сыра земля пріе.
Видкиль васъ дожыдать,
Видкиль васъ выглядать?
Чы васъ изъ луга,
Чы васъ изъ долыны,
Чы зъ глыбокои могылы?
И колы вы до мене
Въ гости будете прыбувать?
Якъ бы я знала
То ябъ ворота поодчиняла,
Стежкы й дорожкы промитала,
И двеpечка поодчыняла,
И оконечка поодсувала,
И столы позастылала,
И васъ прывитала!

36.

Моя й матинко, моя золотисинька,
Моя й матинко, моя срибнисинька!
Моя й матинко, моя й дорогисинька!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Якъ я буду безъ васъ звыкать,
Якъ я буду безъ васъ горювать?
Я буду рано вставать, свою матинку спомынать.
Якъ я буду васъ спомынать и якъ я буду васъ доставать?
Буду я, моя матинко, маляривъ наймать,
Та буду свою матинку малювать.
Шо я вже не змалюю.
А хочъ и змалюю, такъ не такую!
А хочъ и змалюю, то вы мене не порадыте,
Вы мене не наставыте.
Вы-жъ було раненько вставаете,
Та насъ розбужаете,
Насъ хазяевамы наставляете.

37.

Моя й матусечко, моя й голубочко,
И моя й зозулечко!
На що-жъ вы насъ покынулы,
И на що вы насъ посыротылы?
Кому вы насъ уручаете,
Кому вы насъ удиляете?
На кого, моя матинко, такый гнивъ велыкый положылы?
Чы вы на того батенька,
Чы вы на нашого братика ридненького,
Чы вы на насъ нещасныхъ?
Чы я вамъ, моя матинко, постилонькы не перестылала,
Чы я вамъ пытонькы не подавала?

38.

Моя й матинко, моя й ридная!
Та якъ мени теперъ безъ васъ жыть?
Моя й матинко, моя й правдонько, моя й роскишъ.
Та я пры васъ жыла,
Якъ макивка цвила,
А теперъ вы мене покынулы
Никому моихъ дитокъ доглядать и хозяйства.

39.

Моя матинко, моя голубонько!
Моя матинко старисенька,
Моя голубонько сывисенька!
На що ты мене таку нещасну вродыла,
На що ты мени таку гирку доленьку вдилыла?
На горювання и на скитання.
Моя й матинко, моя й утинко,
Моя й матинко, моя й покровонько,
Моя матинко, моя й розмовонько!
Хто-жъ мене буде теперъ заступать,
Хто-жъ мене буде теперъ жалувать?
Хто жъ мени буде теперъ пораду давать?
Та яжъ рано встаю, то и васъ спомяну,
Та я пизно лягаю, то я й васъ спомынаю.

40.

Моя матинко, моя й риднисенька!
На шо-жъ ты насъ покынула,
Такихъ малисенькихъ?
Та до кого-жъ мы будемъ хылыться?
Та кому-жъ мы будемъ хвалыться?
Чы намъ до стины?
Чы до чужои чужыны?
Та стина холодна не нагріе,
А чужа чужына не пожаліе.
Якои-жъ вы, татусю, темнои ночи прыбувалы,
Що въ насъ матинку одибралы?
Колы-жъ намъ у гости васъ дожыдать?
Та мы будемъ столы застылать,
Та кубочкы наповнять
Та свою матинку у гости дожыдать.

41.

Да моя й матинко, моя й правдонько!
Да куды-жъ ты вбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Да кому-жъ ты насъ уручаешъ?
Чы дядькови, чы титци?
Пидемо до дядька—у дядька свои диткы,

Да не порадять мене, нещаснои сырыткы.
И въ титкы свои диткы
Та не порадять мене, нещаснои сырыткы.
Колы-жъ тебе, моя матинко, сподиваться у гости?
Чы на риздво, чы на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
На риздво, моя матинко, снигы сыльны залягають,
А на велыкдень сады зелени процвитають,
А на святу недилоньку я й столы позастылаю
И въ гости васъ, моя матинко, сподиваю.

42.

Моя матинко, моя й ридненькая,
Моя матинко, моя й старенька.
Моя й матинко, моя й порадонько!
Хто-жъ мене буде поряжать
Якъ вы поряжалы?
Хто-жъ мени буде порядокъ давать
Такъ якъ вы давалы?
До кого-жъ мени теперъ прыхылыться,
До кого-жъ мени теперъ прытулыться?
Чы мени до холоднои стины,
Чы мени до чужои чужыны?
Що холодна стина не нагріе,
А чужая чужына не пожаліе.
Та буде-жъ мене по строкахъ [1]),
Буде-жъ мене й по годахъ,
Та буде-жъ мене по пидъ дворамы.
Та буде мене по пидъ тынамы.
Та пробирайте-жъ, моя матинко, мистечко биля себе.
Прыймайте и прыгортайте и мене до себе.
Та щобъ я не горювала,
Та щобъ я й гореньки не знала.
Та щобъ я не ходыла по годахъ,
Та щобъ я не годыла чужымъ титкамъ.

43.

Моя матинко, моя риднесенька!
Моя матинко, моя старесенька!
Якъ мени, моя матинко, жыть?
Якъ мени, моя матинко, горювать?
Якъ мени, моя матинко, по чужымъ людямъ ходыть,
Та чужымъ людямъ годыть?
Та я-жъ чужу роботу що зроблю—тай не такъ,
Та я чужымъ людямъ що скажу—то мое словечко не въ ладъ.
Та мое дило перероблюють,
Та мое словечко переговоряють.
Прынимайте-жъ мене, моя матинко, до себе
И прыгортайте мене до себе

[1]) Здѣсь разумѣется личный срочный и годовой наемъ.

И пробирайте мени мистечко биля себе.
Та яжъ буду вамъ пыточкы подавать
И постилоньку перестылать.

44.

Моя й матинко, моя й правдонько!
Моя й матинко, моя й вышенько!
Моя й матинко, моя й черешенько!
Моя й матинко, моя й покровонько!
Та хто-жъ мене, моя й матинко, буде жалить?
Та хто же мене, моя матинко, буде доглядать?
Та хто-жъ мене, моя матинко, буде покрывать?
Та вы-жъ мене, моя матинко, доглядалы и въ дили, и въ слови,
А теперъ на шо-жъ вы мене кыдаете на горе та на нещастя
Та на велыке безталання
Та куды вы, моя матинко, выряжаетеся,
Та куды вы, моя матинко, убираетеся?
Чы вы на заробиткы, моя матинко,
Чы вы на слободы, моя матинко!
Та зъ заробитокъ, моя матинко, до дому идуть,
А зъ слобидъ, моя матинко, писёмця ждуть.
А вы сами, моя матинко, не йдете
И до мене писёмъ не шлете.
Та якои, моя матинко, хаточкы забажалы:
Смутнои та й не веселои,
Темнои та й не выднои.
То хаточка и безъ виконъ,
То хаточка и безъ дверей.
Та въ ту хаточку и витеръ не віе
И сонечко не гріе.
И сонечко туды не сходыть
И нихто въ ту хаточку не заходыть.
Та хто васъ буде, моя матинко, доглядать
Такъ якъ я доглядала?
Та хто вамъ буде, мая матинко, и постилоньку перестылать
Такъ якъ я перестылала?
Моя матинко, моя правдонько!
Та й порадьте мене: якъ мени жыть?
Якъ мени горювать?
Чы мени йты служыть,
Чы мени зъ братикамы та зъ сестрыцямы жыть?

45.

Моя матинко, моя й ластивко!
Та де-жъ васъ, моя матинко, купыть,
Та де-жъ васъ, моя матинко, заслужыть?
Та де-жъ ти маляри що малюють ридны матери?
Та буду-жъ я ранесенько вставать,
Та буду-жъ я зузулечокъ пытать:
Та вы, зузулечкы, ранесенько встаете,
Ранесенько куете.
Та буду-жъ я, моя матинко, ранесенько вставать,
Та буду соловеечкивъ пытать.
Та колы-жъ мени, моя матинко, васъ у гостонькы дожыдать?
Та чы васъ къ риздву, та чы васъ къ велыкодню,
А чы къ святій недилонци?
Та къ риздву-жъ снигамы позамита,
А къ велыкодню водамы позалыва,
А къ святій недилонци травыцямы позароста
Та й прыплевить, моя матинко, до нась хоть водою,
Та заберить и сыриточокъ сихъ съ собою.
Та щобъ мы, моя матинко, не жылы й не горювалы,
Та щобъ намъ чужи батькы и рукъ не потыралы.
Та прыхылюсь я, моя матинко, до холоднои стины,
То холодна стина мене й не нагріе,
Та прыхылюсь, моя матинка, до чужои чужыны,
Та мене чужая чужына не пожаліе.
Моя матинко, моя порадонько!
Та хто-жъ мене поражатыме такъ, якъ вы поражалы?
Та хто-жъ насъ буде изражать,
Та хто-жъ порядочокъ давать?
Та будемъ же мы, моя матинко, ходыть,
Та будемъ же мы, тоя матинко, чужимъ матерямъ годыть.
Та титка-жъ, моя матинко, своимъ диткамъ маты,
А намъ же, моя матинко, не буде.

46.

Моя матинко, моя риднесенька!
И моя матинко старесенька!
Моя порадныця дорогесенька.
Куды-жъ вы выбираетесь,
И куды вы выряжаетесь?
На що вы покыдаете насъ, на яке горюваннячко?
Кому вы прыручаете?
Шо мы мали, мы и малисиньки.
Та мы-жъ не вміемо и людямъ робыть.

Та будемъ мы въ хати сыдить—боятымемось,

Песидаемо пидъ дворомъ, такъ померзнемо,

Пидемъ по селу, такъ собакы порвуть.

Моя матинко, моя ридненька!

Колы-жъ ты до мене прыбудешъ?

Та немае тихъ крамарокъ,

Шо продають риднесенькихъ маточокъ.

Серця-бъ влупыла та матинку купыла!

47.

Чоловиче мій, дружыно моя!
Куды-жъ ты убираешься, куды ты выряжаешься?
Якои ты темнои хаты забажавъ?
Темнои, невыднои, смутнои, невеселои!
Туды-жъ витеръ не віе
Туды й сонце не гріе.
Туды й дзвоны не дзвонять,
Туды й люды не ходять.
Та якъ же я до тебе ходытыму,
Та якъ я съ тобою говорытыму?
Якъ я съ тобою поражатымусь,
Якъ я съ тобою розважатымусь?
Ой, устань, порадь, моя дружынонько,
Якъ мени въ свити жыты,
Якъ мени чуже дилечко робыты?
Та якъ мени чужимъ людямъ годыты?
Та я-жъ надъ чужимъ дилечкомъ назневажалась
Я-жъ по чужихъ нывахъ наспотыкалась.
Ой, прыймай же, прыгортай мене до себе.
Щобъ я не жыла, щобъ я не горювала,
Щобъ я й горенька не знала.
Щобъ я по далекихъ краяхъ не ходыла,
Щобъ я чужимъ людямъ не годыла.
Та я чуже дилечко зроблю не такъ
Та я словечко скажу не въ ладъ.
Мое дилечко перероблять,
Мое словечко перемовлять.
Колы-жъ мени тебе, моя дружыночко, дожыдать?
Колы мени столы застылать?
Чы мени на риздво, чы мени на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
А чы мени зъ Мыколы—тай николы?
Видкиль мени тебе выглядать?

Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?
Чы зъ глыбокого яру,
Чы зъ далекого краю?
Та не йды-жъ полемъ, бо нижечку поколешъ,
Та не йды-жъ моремъ, бо утонешъ,
А йды-жъ по пидъ горою
Та беры й мене зъ собою.
Та будуть, моя дружынонько, сады процвитать,
Та будуть зузуленькы кувать,
А соловейкы щебетать.
Будуть мени, нещасныци, жалю завдавать,
А я выйду за воритечка та й буду пытать:
Вы зозуленькы сызесенькы,
А соловейкы малесенькы
Та вы высоко литаете,
Вы далеко буваете,
Чы не чулы, чы не бачылы моей дружыноньки вирненькои?
Якъ бачылы, то хвалыться,
Якъ побачыте поклониться моій дружыни вирненькои
Хай же винъ прыйде, та нехай мене одвида
Якъ же я тутъ жыву, та якъ я горюю.
Та я пизно лягаю, а рано встаю,
Та все чуже дилечко роблю.

48.

Мій хозяине, моя й пара дорога!
Моя й правда дорога!
До кого-жъ мени прыхылыться и прытулыться?
Чы мени до холоднои стины,
Чы мени до чужои чужыны?
Що холодна стина не нагріе,
А чужая чужына не пожаліе.
Видкиля мени тебе выглядать
И де мени тебе пизнавать?
Чы мени межъ косарямы,
Чы мени межъ гребцямы?
Чы мени съ поля, чы мени зъ моря?
Чы мени зъ глыбокои долыны,
Чы мени зъ высокои могылы?
И колы за для тебе столы застылать,

И кубочкы наповнять?
Чы тебе къ риздву, чы къ велыкоднюю,
Чы тебе окъ святій недилонци?
Що къ риздву велыкы снигы позамитають,
А къ велыкодню велыки воды позалывають,
А къ святій недилоньци стежкы й дорожкы позаростають,
А сады позацвитають,
Стежечкы комышемъ, а дорожкы спорышемъ,
А вышневи садочкы биленькымы цвитамы
Та ты-жъ будешъ, мій хозяине, иты
Та на цвиты задывляться,
Та не будешъ до мене въ гости поспишаться.

49.

Мій хозяине, моя дружыно!
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Якъ же мени теперъ жыть,
Що мени теперъ робыть безъ тебе?
Мій хозяине! моя й правда прехороша.
Хто-жъ мене теперъ буде поряжать,
Хто мени—порядокъ давать?
И чого ты на мене такъ разгнивывся?
Чы я тоби, мій хозяине, постилоньки не слала,
Чы я тоби пыточкы не подавала?
Мои диточкы, що вы будете робыть безъ батька?
Та вже-жъ его ни купыте, ни заслужыте.
Нема тихъ крамаривъ, щобъ продавалы батькивъ
Мій хозяине, моя дружыно!
Прыймай и мене до себе
Щобъ я й не горювала, щобъ я й горенька не знала.

50.

Хозяине мій, дружыно моя!
На що-жъ ты мене покынувъ на горювання,
Та на скитання.
Я-жъ уже нагорювалась и наскыталась изъ тобою.
Прыймай и мене зъ собою,
Шобъ я не скыталась,
По чужихъ поляхъ не спотыкалась.
Якои ты смутнои, невеселои хаты забажавъ.
Що витеръ не завіе

И сонечко не зогріе.
Устань же, моя дружыно!
Порадь: якъ мени горювать,
Якъ мени безъ тебе прожывать.

51.

Мій чоловиче, моя й дружыно!
На кого-жъ ты мене кыдаешъ?
Та кому ты свое хозяйство вручаешъ?
Чы ты братамъ, чы ты сестрамъ?
Чы ты своему батькови старому?
Та я за тобою чотыри годы прожыла
Та ничого не заробыла.
Та де мени теперъ диться,
Куды мени пійты теперъ одъ тебе?
Куды ты вбравсь, куды ты нарядывсь?
Та на кого ты такый гнивъ положывъ?
Та чы ты на батенька,
Чы ты на своихъ сыротъ малесенькихъ?

52.

Моя дружыно, моя й правдонько,
Та я съ тобою не нажылась и не наговорылась.
Та й хто-жъ мени теперъ порядокъ даватыме
Якъ ты дававъ?
Та й прыплывы до мене хоть водою
Та й заберы своихъ сыриточокъ изъ собою.
Та мій хозяину, моя й дружыно!
Та хто-жъ моимъ сыриточкамъ буде порядокъ давать?
Та будуть воны ходыть, та будуть воны пытать.
Та будуть воны свого батенька шукать.
Да видкиль тебе, мій хозяине, въ гостонькы дожыдать?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню въ гостонькы выглядать,
Чы къ святій недилонци?
Та къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню—водамы порозлыва,
А къ святій недилонци травамы позароста.
Та буду-жъ, моя дружыночко, ранесенько вставать,
Соловеечкивъ пытать:
Та вы-жъ высоко литаете, багато выдаете.
Колы-жъ мени, моя дружыно, до тебе на порядочокъ прыходыть?

Та чужи люде жывуть, та чужи люды одражуються,
А я щей не нажылась, щей не наговорылась.

53.

Мій хазяине, моя дружыно!
На що ты на мене розгнивывсь?
На що ты тихъ дитокъ посыротывъ?
У ихъ же нема ни хаточкы,
Нема ни правдочкы!
До кого-жъ воны будуть исходыться?
Хто ихъ буде поважать и поражать?
Хто имъ буде наставленіе давать?
Колы-жъ мы тебе будемъ, мій хазяине, у гостонькы ждать?
Чы тебе къ риздву, чы къ велыкодню?
Чы тебе къ святій недили?
Чы тебе къ Мыколи?—
Та мабуть николы!
Якои ты, мій хазяине, хаточкы забажавъ:
Рубленои, новои, смутнои,
Темнои, невыдпои!
Шо въ ій не дверичокъ,
Шо въ ій ни виконечокъ.
Ни сонечко не вгріе,
Ни витеръ не повіе.

54.

Чоловиче мій! родыно моя!
Чоловиче мій, дружыно моя!
Куды ты убираешься?
Куды ты одряжаесся?
У яку ты сторононьку
Понесешъ свою головоньку?
Кому ты дитокъ поручаешъ,
Кому ты ихъ уручаешъ?
Хто ихъ буде годуваты
Хто ихъ буде доглядаты?--
Видкиль тебе выглядаты?
И дорожечкы тоби прочыщаты?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню,
Чы къ святій недили?
Къ риздву снигамы позамитае,
А къ велыкодню водамы позалывае,
А къ святій недилонци травамы по-
заростае.
Та прилеты-жъ до мене въ гости,
Та сядь на оконечку
Та ты-жъ будешъ буркутаты,
А я буду куваты.
А ты будешъ мене пытаты.
Якъ мени въ свити прожывать
И яки тоби гостынчыкы пересылать?
Передамъ я булочку—зацвите,
Передамъ я яблучко—зогніе.
Передамъ я бублыкъ—закотытця,
Та такы тоби не дойдетця.

55.

Мій чоловиче, мій голубе!
Якъ мени жыть, якъ мени горювать?
И якъ мени тихъ дитокъ воспытать?
Чы мени въ строкы наймать,
Чы мени въ годы наймать?
И мои диточкы, мои сыриточкы
Хто-жъ васъ буде годувать,
И хто вамъ буде порядочокъ давать?
И хто васъ буде воспытать
И хто надъ вамы батькувать?
Та у васъ же, мои диточкы,
Нема ни ридныхъ дядькивъ, ни братывъ.
Та у мене теперъ, мои диточкы,
Ни дружыночкы, ни родыночкы
Та вы теперъ, мои диточкы, малясенькы
Та васъ теперъ нихто и не бачыть.
Чы вы голи, чы вы голодни,
Чы вы холодни.
А якъ же поростете,
То всяке васъ и бачытеме.

56.

Моя й дружыно, моя й половыно!
Та я за тобою жыла,
Якъ макивочка цвила!
Я за тобою жыла—
Не панувала, а горювала.
Та моя й дружыно, моя й половыно!
Та кому-жъ ты мене й покыдаешъ,
Кому-жъ мене й уручаешъ?
Та й порадь мене, моя дружыно, якъ мени зъ симы диточкамы жыть?
Якъ мени зъ симы диточкамы горювать?
Якъ важкый каминь пиднимать?.
Шо въ мене ничого ни исты, ничого ни пыты,
Нивчимъ, моя дружыно, диточкамъ и ходыть!
Моя й дружыно, моя й половыно!
Та порадь мене: чы мени зъ диточкамы дома сыдить?
Чы мени за другого йты?
Та я пиду за другого, то я соби хазяина найду,
А диткамъ батенька не найду,
А хочъ и найду, то й не такого,
Якъ батинка ридненького.

57.

Хазяине мій, хазяине дорогый!
Якъ мени безъ тебе прывыкать,
Якъ мени ти диточкы воспытать?
Шо я остаюся на чужыни, якъ былынонька на пожари!
И я свои диточкы роспущу, то я йихъ до вику не зберу!

Я йихъ не воспытаю, нигде йихъ не найду.
Мои диточкы, мои сыриточкы!
Прыбувайте мои диточкы свого батенька ховать.
Та я-жъ буду вашого батенька пытать:
Якъ мени въ свити васъ воспытать?
Чы васъ мени людямъ оддать?
Людямъ оддамъ, то вы будете плакать та рыдать,
И свого батенька вспомынать:
Якъ намъ горько въ свити жыть и людямъ годыть.
Наша маты старесенька
Та вона насъ не воспыта,
Та вона насъ не одягне.
Та мы-жъ розійдемося по свитамъ та по велыкимъ степамъ.
Та будуть насъ звири лякать,
Та наши кости ростягать
Та будемъ мы помирать и свого батенька гадать.

58.

Чоловиче мій, моя й правда!
Якъ мени съ тимы дитьмы жыть,
Якъ мени ихъ воспытать?
Чы мени ихъ коло себе держать,
Чы мени ихъ на людей роздавать?
Чужи хозяины орють и сіють и распоряжаються,
А я куды повернусь—ни що въ мене не роблене.
Хожу, прошу, та нихто мени помочи не дасть,
Не порадыть.

59.

Мій чоловиче, мій голубчыку!
Якъ мени безъ тебе жыть? Якъ мени прывыкать?
И куды мени свою головоньку прыхылять?
И скажы мени, моя дружыно, кому ты сихъ сыритъ уручывъ?
Мои сыроты безпріютніи, мои сыроты беззащытніи!
Та вы-жъ на чужій сторонци.
Та никому васъ прыютыть,
Та ни до кого и головонькы прыхылыть.
Та пидете вы до дядька—то дядько й не дываться,
Пидете до титкы—то титка й одвернеться.
Та й прыймай и насъ до себе,
И прыгортай насъ до себе!
Шобъ мы не жылы и не горювалы.

60.

Мій сыночку! мій голубчыку,
Мій сыночку, моя й дытыночко!
Моя дытыночко, моя й щыпочко!
Моя щыпочка одщепнулася.

Мое яблучко одкотылося.
Мое й зернычко дежъ тебе шукать,
Дежъ тебе й пытать?
Моя й макивко!
Моя й макивка осыпалася.
Якъ ты зацвила та й не надовго
Моя й дытыночко, моя й родыночко!
Якъ мени тебе забувать
И якъ мени безъ тебе прывыкать?
Та я-жъ куды не пиду,
То я-жъ тебе не найду.
И дежъ тебе посадыть,
Де тебе прыщепыть,
Щобъ до тебе на пораду ходыть?
Моя дытыно, моя родыно!
Та я-жъ тебе доглядала,
Та я тебе годувала
Та я дилечка не доробляла,
А ночи не досыпляла
Та все тебе доглядала.
Теперъ хто мене буде раненько будыть?
Хто мени буде дилечко перебывать?
Та я лежатыму якъ колода въ лиси,
Объ мене нихто й не зачепыться.

61.

Мій сыночку, мій князю!
На що-жъ ты мене покынувъ?
Моя матинко, колы-жъ ты прыбувала,
Та одъ мене сыночка перемовляла?
Та стричайте мого сыночка,
Та пробирайте ёму мистечко биля себе.
Та доглядайте-жъ мого сыночка
Такъ якъ я доглядала.
Та колы-жъ тебе, мій сыночку, дожыдать у гости?
Чы къ риздву, чы къ велыкодню?
Що къ риздву снигы забилилы
А къ велыкодню воды позалывають,
А къ святій недилонци стежечкы позаростають.
Та дожыдать же тебе, сыночку, къ Мыколи,
Та не прыйдешъ ты николы.

62.

Мій сыночку, мій соловеечку!
Мій сыночку, мій риднисенькій!
Мій сыночку, мій дрибнисенькій!
Мій сыночку, мій роботнычку,
Мій сыночку, мій косарыку,
Мій сыночку, мій выноградочку,
Мій сыночку, мій князе!
Я-жъ не думала, що ты будешъ такои смутнои,
Невеселои хаты бажаты.
Сонечко не зогріе,
Буйный витеръ не завіе.
И сыночку, моя дытыно!
Устань, подывысь:
Яке весилля ты наробывъ,
Смутне, не веселе.
Подывысь скилькы роду зійшлося
Чомъ же ты до ихъ и словечка не промовышъ?
Мій пастушокъ! кого жъ я буду уставать,
Та рано будыть.

63.

Сыну мій, князю дорогый!
Сыну мій, здоровья мое!
Та люды дожыдають сынивъ та невистокъ,
А я тебе не дождала оженыть и одружыть.
Невисткы мои неубираны,
Невисткы мои несподиваны!
Сыну мій, князю дорогый!
Шо я тебе дожыдала женыть, якъ и люде
Та я й не дождала.

64.

Мій сыночку, мій соловеечку!
Мій сыночку, моя й канареечка,
Мій сыночку, моя переминочка!
Мій сыночку, мій косарычку,
Мій сыночку, мій молотнычку,
Мій сыночку, мій роботнычку!
Та я-жъ тебе, мій сыночку, кохала,
Та я-жъ тебе дожыдала.
Та я-жъ, мій сыночку, и дня, ночи не спала
Все тебе колыхала.
Та я-жъ тоби, мій сыночку, не давала и плакать.
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене переминятымешъ,
Та я-жъ думала, мій сыночку, що ты мене доглядатымешъ.
И хлибомъ годуватымешъ.
А теперъ хто-жъ мене буде доглядать,
Хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Кимъ же я буду, мій сыночку, теперъ замышлять?
Та чужи косарыкы зъ поля до дому йтымуть,
А я свого косарыка буду дожыдать;
Та не знатыму видкиль его выглядать:
Чы зъ сынёго моря,
Чы зъ чыстого поля?
Мои диточкы, мои риднесенькы,
Мои диточкы, мои малесенькы!
Ой, колы-жъ я тебе дождусь?
Чого-жъ ты, мій сыночку, лежышъ?
Чого ты не встаешъ, чомъ ты до своеи матинкы не говорышъ?
Мои сыны, мои соловейкы,
Мои сыны, мои й маленькы!

Та якого-жъ я вамъ гостыньця передамъ?
Покочу я яблучко—зогніе,
Покочу булочку—зацвите.
Покочу бублычокъ—не докотыться
И до твого серденька не прыгорнеться.

65.

Мій сыночку, моя й дытыночко,
Та куды ты убираешься?
На що-жъ ты мене кыдаешъ?
Колы-жъ я тебе въ госточкы дижду:
Чы на риздво, чы на велыкдень,
Чы на святу недилоньку?
Къ риздву снигомъ замете,
А къ велыкодню водою залье,
А къ святій недилоньци травыцею заросте.
Та заберится за ручечки
Та прыйдить до насъ у госточкы
То мы будемъ столы застылать
И дворы вымитать,
Та своихъ сыночкивъ у госточкы ждать.
И мои сыны, и мои орлы!
И куды-жъ вы поленулы?
У яку вы краиноньку полынулы?
Та одъ васъ ни письма не перечуешъ,
И словесносты не перекажешъ.

66.

Мій сыночку, моя й дытыночко!
На що-жъ ты мене, сыночку, моя дытыночко, покынувъ?
Та чужи люды на Таврію высылають,
Та радуються.
А я тебе, мій сыночку, ни видкиль не перечую и не побачу.
Та пиду я, мій сыночку, улыцямы,
Граються чужи диточкы купочкамы,
А тебе, моя дытыно, я дывлюсь въ кажній купочци,
Тай не побачу.
Та до кого-жъ я буду говорыть?
Що стина нима,
А тебе, моя дытыно, нема.

67.

Мій сыночку, моя й дытино риднисенька!
Я тебе такъ дожыдала,
Якъ диты дожыдають червоного яечка.
А теперъ, моя дытыночко, ты вже мене покыдаешъ.
Я й служыла и людямъ годыла,
И людямъ добрымъ, и панамъ,
И всимъ багатимъ хазяинамъ.
И колы, мои диточкы, васъ у гостонькы дожыдать,

И колы мени кубочкы сповнять,
И колы мени столы застылать?
И колы мени васъ у гостонькы дожыдать?
Чы васъ окъ риздву, чы къ велыкодню,
Чы къ святій недилонци?
Къ риздву стежечкы, дорожечкы снигамы позамитають,
А къ велыкодню водамы позалывають,
А къ святій недилонци стежечкы травамы позаростають.

68.

Мій сыночку, моя дытыно!
Мій сыночку, мій голубчыку!
Якъ мени жыть? Якъ горювать?
Якъ мени безъ тебе прывыкать?
Якъ мени тебе забувать?
Куды я тебе, мій сыночку, выряжаю?
Чы въ поле орать?
Чы пидъ фуру грошей зароблять?
И колы мени, мій сыночку, тебе въ гости дожыдать?
Чы мени къ риздву, чы къ велыкодню,
Чы къ святій недили?
Шо къ рожеству снигы позамитають,
А къ велыкодню воды позалывають,
А къ святій недили травы позаростають.
Видкиль мени тебе выглядать?
Чы зъ зеленого гаю?
Чы зъ далекого краю?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ далекои украины?

69.

Сыну мій голубе, сыну мій соколе,
Куды ты вбираешься одъ мене?
У яку ты дороженьку вырнжаешься?
Де ты соби слободы обибравъ,
На якій Украини?
Сыну мій, голубчыку!
Мои-жъ погонычи непрохани,
Мои плугатыри не наймани.
Мои косари, мои гребци
На що-жъ вы мене кыдаете?
Сыну мій, панычу,
Сыну мій, правдо моя!
Колы-жъ до мене въ гостонькы будешъ прыбувать?

70.

Сыну мій, голубè мій,
Пастуше ненайманый,
Погонычу непроханый!
Люде въ москали отдають,
Та писемъ ждуть,
Та поклонивъ.
А я вже одъ тебе
Ни письма, ни поклона,
Ни прыятного слова.

71.

Мій сыночку, мій голубчыку!
Мій молотныку, мій косарыку!
И мій копилныку и мій кыдальныку
И мій плугатырю!
И дежъ мени такого хозяина шукать,

И колы мени ёго дожыдать?
Та людьски диты у москали идуть
Тай письма и поклонъ передають,
А ты-жъ, моя дытыно, ни поклона не передасы,
Ни письма не перешлешъ!
Видкиль мени тебе выглядать,
Видкиля тебе вызырать?
И колы мени тебе у гости дожыдать?
Чы зъ глыбокои могылы,
Чы зъ далекои Украины?
Чы зъ темного гаю,
Чы зъ далекого краю?

72.

Сыну мій, моя дытыночко!
Сыну мій, моя Омелыночко!
Сыну мій, моя былыночко!
Сыну мій, охвыцерочко,
Сыну мій, кавалерочку!
И сыну мій, заслуженнычку,
Сыну мій, страдальнычку!
И куды-жъ ты наряжаешься?
И куды ты вбираешься?
И кому ты своихъ диточокъ покыдаешъ?
Чы ты дядечкамъ,
Чы ты бабуси старесенькій?
И кому ты ихъ поручаешъ,
И кому ты ихъ вручаешъ?
Куды-жъ вы, мои диточкы, полыныте,
Й куды-жъ вы поплывыте?
И въ яку стороночку
Понесешъ свою головочку?
Видкиль тебе выглядаты?
Видкиль тебе вызыраты?
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ чорнои могылы?
Та вы-жъ, мои диточкы, роскотылыся,
Якъ горохъ пры дорози!

73.

Мои диточкы, мои голубьятка!
Мои диточкы, мои ангеляточка!
На шо-жъ вы мене покынулы?
На що-жъ вы таки манисеньки одризняетесь одъ мене.
Та вы-жъ, мои диточкы, на свити не жылы,
Та вы-жъ ничого не бачылы.
Сей, мои диточкы, свитъ, якъ рóжевый цвитъ,
А вы покыдаете мене.
Та хто-жъ, мои диточкы, буде мене доглядать,
Та хто-жъ мене буде хлибомъ годувать?
Мои диточкы, мои голубьяточка!
Та люды дожыдають празныка,

Та чужи диточкы повыходять
Та будуть гулять на празныкы,
А я. моя дытыночко, ходытыму й шукатыму
Та не найду тебе.

74.

Моя донечко, моя й правдочко!
Моя донечко, моя й вышенько,
Моя щепочко, моя й родыночко,
Моя й дытыночко.
И чого-жъ, моя дытыночко,
Одъ мене отдаляешься?
Чого ты на мене такъ розгнивалась?
Прыймай и мене до себе,
Щобъ я не горювала и не скиталась.

75.

Моя дытыночко, моя голубочко!
Моя й швачечко, моя й пряшечко,
Моя й прачечко!
Хто-жъ теперъ буде на ополонку ходыть
И биллячко мыть?
Моя й дочечко, моя й коханочко,
Моя дочечко, моя й паняночко!
И кого-жъ я теперъ буду кохаты?
Кимъ я буду втишатысь
Якъ тобою втишалась?
Та зузули-жъ куватымуть,
А соловейкы щебетатымуть.
А я выйду водыци браты,
Та зузуленькы пытаты:
Ты, зузуленько, моя й голубонько
Чы ты не бачыла моеи дочечкы?
Чы не йшла, чы не йихала
До мене въ гостонькы?
Та дивчата-жъ гуляють,
И писенькы спивають,
А моеи дочечкы немае......

76.

Моя дочко, моя голубочко!
Моя дочко, моя коханочко!
Моя швачко, моя й прачко!
Моя искальныце, моя й вымитальныце!
Моя й помишныце!
Колы-жъ ты до мене прыбудешъ у гости?
Колы-жъ мы побачымось, колы-жъ мы порадымось?
Якъ бы жъ я знала, ябъ тоби виконечка и дверечка одчыняла.
И стежечку промитала
Моя дочко, моя павочко!
Моя дочко, моя зузуле!
Яку ты мени звистку подаватымешъ?
Чы ты куватымешъ, чы ты щебетатымешъ?
Чы тебе выглядать съ поля,
Чы тебе зъ моря?
Чы зъ высокои могылы,
Чы зъ далекои Украины.

77.

Моя дочечко, моя княгынечко,
Та якого-жъ ты собi князя обибрала?
Такого тайного що й мени не объявыла?
Встричайте, мои родытели, мою донечку
И пробирайте йій мистечко биля себе
И доглядайте такъ якъ я доглядала.
Дежъ тіи витры набралыся що вышеньку зломылы?
И дежъ воны набралыся що на вышенькы лысточкы оббылы?
Моя й донечко, моя й княгынечко,
Моя й швачко, моя й пряхо,
Моя помитушко, моя й помазушко!

78.

Моя дытыно, моя княгыне!
Я тебе не ожыдала
Такъ рано одружыты.
Чужи матери дожыдають
Та весело дружять,
А мени нема никоторои отрады.
Чужи матери празныка дожыдають,
Та въ гости дожыдають,
А я празныка ждатыму,
Та тебе выглядатыму.
Та й ты не прыйдешъ ни водамы,
Ни горамы,
Ни помежъ долынамы,
Ни помежъ могыламы.

79.

Моя й дочко, моя й княгынечко!
Якъ мени тебе забувать,
И видкиля мени тебе выглядать?
Що до людей идуть съ скрынямы та съ перынамы,
А до мене йдуть съ хрестамы та съ корогвамы.
Моя й дочко, моя й княгынечко!
Моя й дочко, моя й павочко!
Та люде выпроважають дочокъ зъ дружкамы, та съ буярамы,
А я васъ тилькы все выпровожаю съ хрестамы, та съ корогвамы.
Шо я, моя дытыно, на чужій чужыни,
Якъ былына на пожари
И куды ты, моя дытыно, выряжаешься?
Що то за хаточка смутна та невесела?
Шо въ ту-жъ хаточку ни сонечко не прегріе,
Ни витеръ не повіе;
Шо въ ту-жъ хаточку и сонечко не вскоче
И въ ту хаточку и дощыкъ не промоче.

80.

Дочко-жъ моя, моя голубочко!
Дочко-жъ моя швачечко,
Дочко-жъ коя коханочко!
На що-жъ ты мене кыдаешъ
Таку нещасну?
Хто-жъ мене буде доглядать?
Якъ мени тебе забувать?
И дочко-жъ моя, княгыне!
Дежъ ты собо такого князя найшла
Що ты мене не звищала?
Чужи матери прыбираються окъ свадьби,
А я сіи свадьбы не ждала и не прыбиралася.

На що-жъ ты мени таку смутну свадьбу зробыла?
И на що-жъ ты соби такои хаточкы забажала?
Се-жъ хаточка смутна, невесела
И се хаточка темна и невыдна,
У неи ни витеръ не завіе,
Ни сонце не прегріе.
Дочко-жъ моя коханочко,
Дочко моя паняночко!
Колы жъ мени тебе въ гости дожыдать?
И колы мени ти столы застылать
И кубочкы наповнять,
А тебе въ гостонькы дожыдать?

81.

Моя дочко, моя паняночко!
Моя дочко, моя й коханочко!
Моя дочко, моя й мищаночко!
Моя дочко, моя й пряшечко,
Моя дочко, моя й швачечко,
Моя дочко, моя й переминочко!

Хто-жъ мени буде прать
Хто-жъ мени буде головоньку ськать?
Та чужи матери дочкы ддають та веселятьця,
А я-жъ тебе ддаю та мени смутно й не весело!

82.

Моя й дочечко! моя й квиточко!
Моя й дочечко, моя й швачечко!
Моя й дочечко, моя й пряшечко!
И хто-жъ мени буде вышывать?
И хто мени буде чужи скрыни наповнять?
И хто мени буде чужи митки отпрядать?
Моя дытыно! моя й родыно!
Моя дочечко! моя й макивко!
Моя дочечко! моя й ластивко!
Моя дочечко! моя й голубочко!
Моя й дочечко! моя й зозулечко!
Та зузули будуть кувать,

Соловейкы будуть щебетать;
А я буду раненько вставать
Та буду зузуль пытать:
Вы зузули сывенькы!
Соловейкы маленькы!
Та вы далеко литаете
Та вы багато выдаете.
Чы вы не чулы, чы вы не бачылы
Моеи дочечкы?
Моя й дочечко, моя й ягидо!
Моя й дочечко, моя й малесенька!
Моя й ягидо червонесенька!
Мое голубя, мое й соколя!

83.

Моя й дочко! моя й нещаснычка!
Моя й дочко, моя й горювальнычка!

Моя й дочко, моя й переминочко!
Моя дочко, моя швачка, моя й прачка!

Хто-жъ мени буде теперъ, моя дытыно, прать,
Хто мене буде й переминять,
Такъ якъ ты переминяла?
Кимъ я теперъ буду замышлять,
Кимъ я буду те дилечко заставлять,
Якъ тобою заставляла?

84.

Брате мій, орле! брате мій, соколе!
Куды-жъ ты полынешъ и куды-жъ ты поплывешъ?
Чы ты темными лугамы,
Чы ты бестрымы [1]) ричкамы?
И мій братику, мій голубоньку,
И мій братику, мій зозуленьку!
Видкиля тебе выглядать
И видкиля тебе вызырать?
Якъ бы жъ я знала колы ты до мене въ гости прыбудешъ,
То я-бъ дороженькы промитала,
То я-бъ и столы застылала,
И свичи посвитыла и кубочкы посповняла
И я-бъ тебе, мій братику, въ гости дожыдала,
Я-бъ и сусидонькы посзывала
И я-бъ тебе, мій братику, и день и ничъ шанувала.

85.

Мій братику, мій риднесенькый!
На кого ты розгнивывся, на кого ты розсердывся?
Чы на свого батенька ридненького,
Чы на свою матинку стареньку?
И прошу я васъ ныэькымъ поклономъ, прыятнимъ словомъ:
Сбериться до купочкы и забериться за ручечкы
И прыходьте до насъ у гостонькы;
А мы будемъ воритенька одчынять
И дворы вымитать и столы застылать;
И будемо васъ, мои братикы, въ гости выглядать.
Чы васъ окъ риздву, чы васъ окъ велыкодню,
Чы къ святій недилонци?
Що къ риздву снигамы позамита,
А къ велыкодню водыцею позалыва,
А къ святій недилонци травыцею позароста.
Не идить полемъ, бо нижкы поколете,
Та не идить водыцею, бо потонете,
Та не идить лугамы, бо поблудете,
А идить стежечкамы, та бытымы шляхамы,
Та до насъ и въ гостонькы прыбудете.
Та скажить намъ зъ якого васъ краю выглядать,
Та зъ якого васъ и вызырать?

---

1) Sic.

Чы васъ зъ поля, чы зъ глыбокого моря?
Чы зъ зеленого гаю, чы зъ далекого краю?
Чы зъ высокои могылы, чы зъ глыбокои долыны?

86.

Сестрыце-жъ моя голубочко,
На що-жъ ты диточкы покыдала
Кому ты ихъ опредилыла?
Чы ты батенькови опредилыла,
Чы ты братикамъ,
Чы ты сестрыци своiй найменьшои?
Диточкы-жъ мои голубеняточка
Та зачыняйте дверечка,
Та й зачыняйте виконечка
Та не пускайте своеи матинки ридненькои.

87.

Моя й сестрычко, моя й голубочко,
Моя й сестрычко, моя й малисинька,
Та моя й швачко, та моя й пряхо!
Хто мене буде обшывать,
Хто мене буде опрядать?
Хто мене буде й розвеселять?
Та куды ты вбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Та хто тоби буде тамъ постели стлать,
Хто тоби пыть буде подавать?

88.

Моя бабусю! моя старесенька,
Моя бабусю, моя й риднесенька!
Хто-жъ насъ буде доглядать,
Хто намъ буде исты варыть?
Та мы матери не дожыдаемъ:
Шо маты по степамъ ходыть,
А мы до бабуси хылемось.
А теперъ де мы будемъ шукать,
Де мы будемъ пытать?
Видкиля васъ будемъ, моя бабусю, выглядать.

89.

Моя титусю, моя риднесенька!
Передайте моимъ родителямъ поклонъ.
Кланяюсь имъ ныզькимъ поклономъ,
Прыятнимъ словомъ.
Нехай и по мене нещасныцю не обаряють.
Воны-жъ думають, що мени тутечка добре жыть.
Воны думають, що я медъ, вино пью,
А я, титусечко, гирки слёзы лью.

90.

Моя ятровочко, моя й голубочко!
На кого ты тихъ диточокъ покыдала?
Хто-жъ ихъ буде доглядать?
Та ихъ буде по пидъ чужыми тынамы,
Та пидъ чужыми дворамы.
Та ихъ будуть чужи диты попыхать,
Та на ихъ будуть прызвищи прыкладать:
Що сыроты пузати, сыроты й головати.
Сыроты побагато йидять, а ничого не роблять.

Прыймай и мене до себе!
Ты знаешъ, яке въ ихъ горе жыть,
Шо я буду зъ тимы дитьмы робыть?
Та ихъ треба обшыть, треба й облатать,
Треба й обипрать.
Треба й обчесать, треба й обмывать.
А вы знаете, шо мени-жъ перемины
Нема ніякои!
Та воны будуть ходыть,
Та будуть заглядать,
Та будуть соби матинкы шукать;
А ихъ будуть чужи диты попыхать.
Та воны малисинькы,
Та воны дрибнисинькы,
Та воны неспособнисенькы.

91.

Моя кумасю, моя голубочко,
Моя сусидо дорога!
Та кому-жъ ты тихъ диточокъ уручыла
Малисинькихъ и дрибнисинькихъ?
Хто за имы буде клопотаты?
Хто ихъ буде опирать,
Хто ихъ буде обмывать,
И хто имъ буде головочкы обськавать?
Моя й сусидочко, моя й голубочко
Прыймай своихъ диточокъ до себе,
Щобъ воны не горювалы, щобъ ихъ не попыхалы
Щобъ чужи люды рукъ не потералы.
Буде насъ, матинко, по горахъ и по долынахъ
И по чужихъ украинахъ.

92.

Моя сусидо, моя й голубочко!
Та я съ тобою ни былась, ни лаялась.
Мы съ тобою ни бьемось, ни лаемось,
А зійдемось, та порадымось.
Куды ты выбираешься,
Куды ты выряжаешься?
Та на кого ты своихъ дитей кыдаешъ?
Та кому ты ихъ уручаешъ?
Чы ты дядькамъ, чы ты титкамъ,
Чы ты братикамъ, чы ты сестрыцямъ?
У титкы свои диткы
Та не прыймуть сыриткы.

93.

Мои сусидонькы, мои голубонькы!
Мои сусидонькы блызкесенькы и вирнесенькы!
Та сусидонька блызенька,
Якъ матинка ридненька!
Та вона й увиходыть, вона й одвидуе,

Та й поражае и головоньку розважае.
Мои й сусидонькы, мои й голубонькы!
Та кланяйтеся моему й батенькови та моій матинци
Ныэькимъ поклономъ, покорнымъ словомъ:
Нехай не обаряютця и за мною
Нехай забирають и насъ, сыритъ нещасныхъ, изъ собою.
Шобъ намы чужи батенькы та матинкы и рукъ не потыралы
И дилечка не замышлялы.
Та якый я вамъ, сусидонькы, гостынчыкъ передамъ
Чы я вамъ булочку, чы я яблучко?
Та булочка засохне, та й не докотытця,
А яблучко зогніе,—
Та мій гостынчыкъ до васъ и не дойдетця.

94.

Та моя й сусидо, моя й блызесенька!
Та хто насъ доглядатыме?
Хто-жъ мене, нещасныцю, пры лыхій годыни пытатыме?
Нема й риднійшого, нема й кращищого якъ сусида блызька!
Вона жъ мене одвидае, вона й роспыта.
Ой Боже, Боже! яка моя жызнь тяжка!
Якъ прыйде сусидочка въ хату,—
Краще нижъ ридна маты.
Вона-жъ мене роспытае якъ важко въ свити жыты,
Вона-жъ мени хлиба й солы—та все-жъ вона буде носыты.
Ой, йижъ же йижъ, сусидонько, ой йижъ не журыся.
Чому-жъ мени не журыться:
Була така сусидонька—треба роставаться.